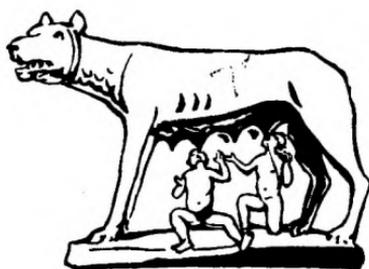

ЗНАМЕ-
НИТЫЕ
РИМЛЯНЕ

ПО ПЛУТАРХУ

УЧПЕДАГИЗ, 1964

ЗНАМЕНИТЫЕ РИМЛЯНЕ

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ
ВЫДАЮЩИХСЯ ДЕЯТЕЛЕЙ
ДРЕВНЕГО РИМА,
СОСТАВЛЕННЫЕ ПО ПЛУТАРХУ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

МОСКВА • 1964

Греческий историк Плутарх (I в. до н. э.) известен своими „Сравнительными жизнеописаниями“ видных греческих и римских государственных и общественных деятелей.

Книга „Знаменитые греки“, вышедшая в 1961 г., уже познакомила читателя с биографиями выдающихся людей древней Греции, а „Знаменитые римляне“ расскажет о знаменитых деятелях древнего Рима.

Составители излагали биографии римлян, устраняя малоизвестные имена, непонятные исторические термины, наивные объяснения исторических событий и т. п. Так как римские биографии представляли, по сравнению с греческими, для самого Плутарха второстепенный интерес, то в них попало много непроверенных и искаженных событий, характеристик людей. Поэтому составители в ряде случаев дополняли материал жизнеописаний по Плутарху фактами, взятыми у других древних авторов.

В книгу вошли основные биографии знаменитых римлян, которые пересказаны для настоящего издания М. Н. Ботвинником („Тиберий Грах“, „Гай Грах“, „Гай Юлий Цезарь“), Б. М. Коганом („Эмилий Павел“, „Квинт Серторий“, „Марк Брут“), А. С. Пинскером („Кориолан“), М. Б. Рабиновичем („Ромул“, „Нума Помпилий“, „Камилл“, „Красс“), Б. П. Селецким („Катон Старший“, „Марий“, „Сулла“), Г. А. Стратановским („Помпей“, „Цицерон“, „Антоний“), И. А. Шишовой („Фабий Максим“).

*

Составители:

*Ботвинник М. Н., Коган Б. М., Селецкий Б. П.,
Стратановский Г. А. и др.*

Ромул

Столица современной Италии Рим, стоящий на берегу реки Тибр,— очень старый город, и его прошлое теряется в глубине веков. Еще древние римляне ничего не знали о том, как возник их город и почему он называется Рим (по-латински Рома).

Римляне хотели знать прошлое родного города, но история тогда не могла ответить на все интересующие их вопросы. История в то время была больше искусством, чем наукой. Археологии еще вовсе не существовало. Поэтому настоящие сведения подменялись легендами, в которых рассказывалось об основании города Рима. В этих легендах вымысел причудливо переплетается с достоверными историческими событиями далекого прошлого.

Вот одно из таких преданий.

Давным-давно обитатели берегов Тибра сражались с напавшими на них пришельцами. Враг был многочислен и силен, но защитники оказались стойкими, мужественными и поэтому победили. В честь победы местные жители основали город и назвали его Рома, что означает сила, мощь.

Другая легенда рассказывает о том, что Рим основали беглецы из древней Трои: часть жителей пробилась из горящего города к гавани и, сев на корабли, отплыла на запад. Беженцы долго видели зарево пожара, стоявшее над родными местами. Путешествие было долгим и опасным. Однажды буря прибила корабли к незнакомому берегу. Высадившись, усталые скитальцы заснули. Пока мужчины спали, одна из троянских женщин, по имени Рома, осмотрела местность, которая оказалась устьем полноводной реки. Рома сказала подругам: «Много недель ветры носят нас по морю. Мы и наши дети измучены. Лучше этого места мы еще не встречали. Останемся здесь, а чтобы наши

мужья не решили снова отправиться в путь, сожжем корабли».

Так женщины и поступили. Мужчины, проснувшись, увидели, что их корабли горят. Волей-неволей пришлось остаться и строить здесь поселение, в дальнейшем выросшее в город. Все сложилось благоприятно: почва была плодородной, соседние народы относились к пришельцам дружелюбно. В честь троянки, поджегшей корабли, город и назвали ее именем — Рома.

Существует много других легенд, которыми пытаются объяснить происхождение города и его название. Часто бывает, что никто не может объяснить, почему город или местность, река или гора, озеро или море называется так, а не иначе. Вот тогда и появляются на свет различные сказания. Так было и с Римом. Среди множества легенд об этом городе выделилась одна и стала основной. Эта легенда связала возникновение города с именем Ромула. Ее знал каждый школьник в древнем Риме.

Когда погибла великая Троя, часть ее защитников спаслась, увезя с собой сокровища родного города. Во главе троянцев стоял герой Эней. Долго носились корабли беглецов по морю. Наконец ветер пригнал их к берегу. Перед ними была широкая река, впадавшая в море, берега которой густо поросли деревьями и кустарником. Яркое солнце освещало равнину. Голубое небо отражалось в водах реки и прибрежных озер. Это был берег Италии, и местность называлась Лаций. Беглецы решили поселиться здесь и на берегу одного из небольших озер основали город Альба-Лонга. Царем Альба-Лонги стал Эней, а потом трон перешел к его потомкам.

С тех пор прошло много лет. Один из царей Альба-Лонги, умирая, призвал двух своих сыновей — Нумитора и Амулия и сказал им: «Пусть каждый выберет себе, что пожелает. Один пусть возьмет корону и власть, другой — все мои богатства».

Нумитор, выбрав корону, стал царем Альба-Лонги. Коварный Амулий взял себе золото, решив, что оно поможет ему добиться власти. С помощью заговора Амулий сверг своего брата с трона и стал повелителем города. Как всякий человек, пришедший к власти нечестным путем, Амулий страшился возмездия. У Нумитора была дочь Рея Сильвия. Амулий боялся, что у нее родятся дети, которые смогут отомстить ему за своего деда. Чтобы предупредить это, он назначил Рею Сильвию жрицей богини домашнего очага Весты. Весталки — жрицы этой богини — обязаны были дать обет безбрачия. За нарушение обета им грозило суровое наказание.

Амулий успокоился, зная теперь, что у Нумитора не будет внуков — его законных наследников. Однако вскоре царю донесли, что Рея Сильвия родила двух мальчиков. Рассказывали, что их отцом был сам бог войны — Марс.

Амулий был разгневан и испуган. Он приказал казнить Рею Сильвию. Дочь царя Анто бросилась к ногам отца, умоляя его отменить жестокий приговор. Амулий внял мольбе дочери и отменил казнь, повелев заточить Рею Сильвию в темницу навечно. Но детей царь не пощадил: он вызвал доверенного слугу и приказал ему бросить новорожденных в Тибр. Слуга взял младенцев, положил их в деревянное корыто и понес к реке. Дул сильный ветер, и по воде ходили большие волны с белыми гребнями. Слуга спустился к реке, но побоялся ее волн и бурного, стремительного течения. Он оставил корыто на краю берега.

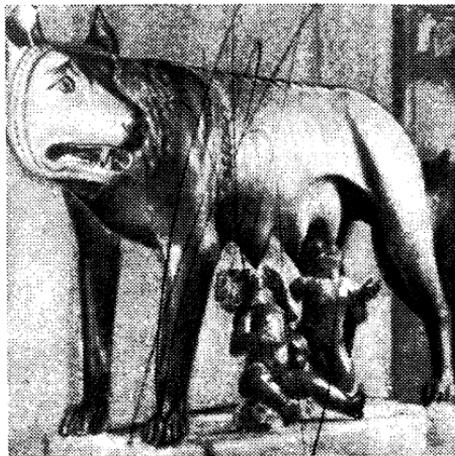
Вода в реке быстро прибывала, и вскоре волна подхватила корыто с детьми и унесла. Однако дети не утонули. Течение вынесло их деревянную колыбель на тихое место, где она и застряла в корнях большой дикой смоковницы.

В это время пастух Фаустул, пасший у реки царское стадо, увидел внизу, у воды, корыто с двумя младенцами. Он заметил также волчицу, которая подошла к этому месту. Пастух подумал, что зверь сейчас сожрет детей, и хотел броситься им на помощь, но остановился, пораженный необыкновенным зрелищем. Волчица кормила младенцев своим молоком. Затем прилетел дятел, принесший в клюве пищу. Когда волчица ушла и дятел улетел, Фаустул спустился к реке, взял деревянное корыто с детьми и унес к себе домой. Он назвал одного мальчика Ромулом, другого — Ремом. С тех пор братья жили, росли и воспитывались у пастуха Фаустула и его жены Акки Ларенции.

Ромул и Рем выросли сильными, высокими юношами: они быстро бегали, прекрасно владели мечом и копьем, став смелыми воинами и охотниками. Их уважали и любили за то, что они помогали бедным людям и защищали слабых от разбойников, которых тогда много бродило в лесах. О Ромуле и Реме разнеслась слава, и к ним стали приходиться бедные крестьяне и даже беглые рабы.

Смелость и независимость Ромула и Рема, рост их отрядов обеспокоили царя Амулия, и он приказал схватить братьев.

Однажды, когда Рем шел всего с несколькими товарищами, на него напали царские воины и схватили его. Рема привели к Амулию и

Волчица, кормящая Ромула и Рема

сказали: «Вот, царь, один из тех, кого ты велел схватить. Мы взяли его на пастбищах Нумитора, твоего брата».

Амулий приказал было казнить Рема, но потом выдал его для суда Нумитору. Хитрый Амулий решил, что люди станут меньше обвинять его в том, что он отнял все права у брата и унижает его достоинство.

Нумитор взволнованно глядел на высокого, стройного юношу, стоявшего перед ним.

— Кто ты и откуда? — ласковым голосом спросил Нумитор.

Рем ответил смело:

— Я ничего от тебя не скрою. Я вижу, что ты более достоин быть царем, чем Амулий. Прежде чем решить судьбу пленника, ты желаешь его выслушать. Амулий расправляется без суда. Я — Рем, брат Ромула. Мы всегда считали себя детьми царских слуг Фаустула и Акки Ларенции. Но говорят, что наше рождение окутано тайной. Поразительные вещи слышал я о нашем детстве. Дикая звери и птицы кормили нас: волчица поила нас своим молоком, дятел носил нам в клюве кусочки пищи, когда мы лежали в корыте на берегу большой реки. Это корыто и теперь цело. На его медных скрепах видны какие-то старые письма...

Нумитор стал догадываться, что перед ним его внук, один из сыновей Реи Сильвии, которая все еще томилась в темнице. Он продолжал расспрашивать Рема, ища подтверждения своей догадке.

А в это время Фаустул, призвав Ромула, рассказал ему правду о его происхождении. Пастух и прежде намекал о загадочном появлении братьев, но сейчас, когда Рем был схвачен, считал, что больше ничего скрывать не надо.

Фаустул умолял Ромула помочь выручить Рема, а сам поспешил во дворец. Он взял с собой корыто, которое некогда служило колыбелью Ромулу и Рему. У городских ворот стража остановила Фаустула. У пастуха спросили:

«Зачем ты идешь в город? Что несешь с собой?»

Ответы Фаустула показались подозрительными, и его заставили распахнуть плащ. Увидев старое корыто, которое старик так усердно прятал, стража засмеялась и хотела его пропустить. Услышав смех, подошел один из царских слуг, который когда-то по приказу царя Амулия отнес к реке детей Реи Сильвии. Он сразу же узнал корыто, приказал схватить Фаустула и отправить во дворец к Амулию.

Царь был испуган.

— Неужели внуки Нумитора живы?

Фаустула подвергли мучительным пыткам, но всей правды старик так и не раскрыл. Под плетью палача он сознался, что дети живы, но не сказал, где они находятся.

— Они пасут стада далеко от Альба-Лонги,— прошептал он запекшимися от крови губами.

— А зачем ты шел сюда? — грозно спросил Амулий.— Зачем нес это корыто?

— Я нес его Рее Сильвии, матери детей,— со стоном ответил старик.— Она много раз просила, чтобы ей принесли эту колыбель: матери так хочется взглянуть на нее, потрогать руками...

В это время царю донесли, что какие-то вооруженные люди ворвались в город и движутся к дворцу. Это подоспел Ромул. Он привел с собой на выручку брата немалые силы, разбив их на стряды по сто человек в каждом. К Ромулу присоединились многие жители Альба-Лонги, ненавидевшие тирана Амулия, а также и Рем, в котором старый Нумитор признал своего внука.

Амулий растерялся: как затравленный зверь метался он по дворцу, не зная, что предпринять, как спасти свою жизнь.

Вскоре дворец был окружен, его немногочисленные защитники перебиты, люди Ромула и Рема ворвались внутрь. Амулий был убит.

Ромул и Рем провозгласили своего деда Нумитора царем Альба-Лонги, освободили из тюрьмы свою мать Рею Сильвию, окружив ее почетом и уважением.

Нумитор объявил Ромула и Рема своими законными наследниками. Однако братья не захотели оставаться в Альба-Лонге и решили поселиться отдельно. Вместе с собравшимися с ними людьми они решили основать новый город. Ромул и Рем выбрали для него место, куда когда-то были выброшены Тибром и где их вскормила волчица.

Между братьями возник спор о том, где строить город, как его назвать и кто будет в нем править. Ромул выбрал для постройки Палатинский холм, Рем считал, что лучше строить на Авентинском холме. По обычаю условились решить спор гаданием по полету птиц и таким путем узнать волю богов. Братья сели порознь друг от друга и стали ждать появления вещих птиц. Такими птицами считались коршуны. Вскоре со стороны Рема в небе показались шесть коршунов. Через несколько мгновений мимо Ромула пролетело двенадцать птиц.

Братья опять начали спорить. Рем утверждал, что преимущество должно быть у того, кому первому явились вещие птицы. Ромул доказывал, что царем должен быть тот, кто увидел вдвое больше коршунов. Рем не соглашался.

Когда Ромул стал копать ров, которым собирался окружить стену будущего города, Рем издевался над работой брата и портил ее. Назревала новая ссора.

Насмехаясь, Рем перепрыгнул через ров и был убит. Одни говорят, что удар ему нанес разгневанный Ромул, воскликнув при этом: «Так будет со всяким, кто осмелится переступить стены моего города!» Другие утверждают, что Рема убил один из друзей Ромула. Рассказывают также, что в стычке погибло несколько человек, в том числе и Фаустул, воспитатель братьев.

Похоронив Рема, Ромул принялся за постройку города. Строительство сопровождалось в то время различными обрядами. Прежде всего вырыли большую яму, куда сложили полезные для человека плоды и хлебные злаки. Затем каждый бросил в яму горсть земли, принесенную из тех мест, откуда он родом. Это символически выражало единство всех пришельцев, будущих граждан города. Яма — ее назвали *мундус* — стала центром города.

Затем Ромул запряг в плуг быка и корову и пропахал глубокую борозду: здесь должна была вырасти городская стена. В тех местах, где пахарь приподнимал плуг, в борозде образовывались разрывы — так намечались будущие ворота. После совершения обряда стена считалась священной. Город был назван именем своего основателя, а Ромул стал его царем.

Одним из первых в городе было построено неприкосновенное убежище для беглецов, посвященное богу Асила. В этом убежище находили приют и защиту беглые рабы, должники... Рим принимал изгнанников и пришельцев, откуда бы они ни прибывали. Их прошлым никто не интересовался. Население Рима и сам город стали быстро разрастаться.

Римские ученые уверяли, что они точно высчитали и определили дату основания города. Это событие, по их словам, произошло 21 апреля 753 г. до н. э. И хотя этот день римляне ежегодно праздновали и называли его днем рождения отечества, конечно, весь рассказ об основании Рима — легенда, да и сами Ромул и Рем мифические личности. Мы знаем, что Рим получил свое название не от Ромула, а что легенда о Ромуле была придумана, чтобы объяснить возникновение и название города¹.

Такая же легенда-рассказ о дальнейшей жизни, деятельности и смерти Ромула.

Став царем, Ромул разделил всех жителей города, кто мог служить в войске, на отряды. Каждый отряд состоял из трех тысяч пехотинцев и трехсот всадников и назывался *легионом*. Остальные жители считались простым народом — *пóпулус*. Сто

¹ В легенде об основании Рима наряду с вымыслом отразились воспоминания также о подлинных исторических событиях. Город Альба-Лонга действительно существовал. Известно, что его жители сжигали трупы умерших. Такой же обычай существовал и у первых поселенцев Палатинского холма. На этом основании ученые считают, что в отдаленные времена на месте будущего Рима поселились выходцы из Альба-Лонги.

лучших граждан были отобраны Ромулом и названы *патрициями* (по-латински *pater* — отец). Собрание патрициев составляло *сенат* — совет старейшин (по-латински *senex* — старец).

Город рос и быстро заполнялся пришельцами, которых охотно принимали. Большинство представляло собой сброд из разных мест, бродяг, нищих и всяких подозрительных людей. Женщин было мало. Ромул направил посольство к соседним племенам с просьбой разрешить их девушкам выходить замуж за римлян. Но соседи отказались от этого, ответив, что не хотят иметь дело с беглецами и разбойниками.

Тогда Ромул решил действовать хитростью. Он распустил слух, будто на территории Рима найден алтарь, выстроенный неизвестному богу. Его называли Консом — богом совета¹. Ромул объявил, что в честь этой находки в Риме будут происходить празднества. К торжествам шли приготовления. Предстоящий праздник привлек много зрителей из разных мест. Особенно много пришло народа из соседнего племени сабинян. Они пришли со своими женами и детьми.

Начался праздник. Ромул, одетый в пурпурный плащ, сидел впереди вместе с лучшими людьми Рима. Когда все зрители увлеклись состязаниями, Ромул поднялся с места, снял с себя плащ, а затем снова накинул на плечи. Это был условный сигнал. Увидев поданный знак, римские юноши обнажили мечи и с громкими криками кинулись в толпу гостей. Каждый из римлян схватил на руки девушку-сабинянку и унес к себе в дом.

Оскорбленные сабиняне стали готовиться к войне с обидчиками. Вначале они направили послов в Рим с предложением вернуть похищенных девушек, а затем начать переговоры об установлении дружеских и родственных отношений между двумя народами. Но Ромул отклонил эти предложения.

Царь города Ценины Акрон первым начал военные действия, двинув своих воинов против Рима. Когда оба войска сблизились, полководцы, по старому обычаю, вызвали друг друга на поединок. Ромул был опытен, осторожен, силен и хладнокровен. Ценинский же царь был горяч и несдержан. Это его и погубило. Ромул воспользовался растерянностью в стане врага, разбил его войско, занял Ценину, а жителей переселил в Рим. Это способствовало росту города.

Ромул захватил и разорил еще несколько сабинских городов, и жителей также переселил в Рим.

Некоторое время спустя большое войско сабинян двинулось против римлян. Их предводителем был Тит Таций. Сабиняне близко подошли к Риму, но дальнейшее продвижение им преградил Капитолий — высокий холм, с трех сторон обрывавшийся

¹ Отсюда и слова: *консул* — советник, *консилиум* — совет.

отвесными скалами. Только с восточной стороны подступы к Капитолию казались более доступными, хотя путь и проходил по заболоченной, топкой долине. На вершине холма были возведены прочные стены, за которыми укрывались защитники.

Тит Таций понял, что штурмом ему эту цитадель не взять. Но здесь сабинянам помогло предательство: дочь начальника римского гарнизона Тарпея тайно явилась к врагу и предложила Титу Тацию впустить его воинов в крепость.

— За это каждый воин пусть отдаст мне то, что носит на своей левой руке,— сказала Тарпея, указав на тяжелые золотые браслеты.

Тит Таций с презрением выслушал ее корыстную речь, но, взглянув на неприступные вершины Капитолия, согласился.

Ночью Тарпея отворила одни из ворот крепости врагу. Так, благодаря измене, сабиняне овладели Капитолием.

Предательница потребовала платы. Хотя Тит Таций и вынужден был воспользоваться изменой, но он презирал изменников. Помня об уговоре, он сказал:

— Выполните обещание, воины! Отдайте все, что вы носите на левой руке. Не скупитесь. Все отдайте, как это делаю я.— С этими словами Тит Таций снял золотой браслет и щит с левой руки и бросил их в Тарпею. Все воины последовали его примеру: в предательницу полетели золотые запястья, щиты, и она погибла под их тяжестью.

Высокую скалу на Капитолии, у которой погибла изменница Тарпея, впоследствии стали называть Тарпейской скалой (с нее римляне сбрасывали приговоренных к смерти преступников).

Потеряв капитолийские укрепления, римляне надеялись победить врага в открытом сражении. Оно началось в узкой долине, расположенной между Капитолийским и Палатинским холмами. Первыми двинулись вперед сабиняне. Их конница неслась на римлян. Впереди скакал отважный, смелый воин Курций. Неожиданно ноги его лошади погрузились в густую, вязкую трясины. Напрасно всадник ударами и криками старался повернуть коня: топь все больше и больше засасывала его. Тогда Курций встал на круп лошади и прыжком достиг твердой почвы, а бедное животное погрузилось в топкое болото, которое образовалось после недавних дождей. Трясина была незаметна, и только гибель коня Курция предупредила сабинян о подстерегавшей их опасности. Это место долго потом называлось «озером Курция».

Сабиняне обошли опасное место, и вскоре завязалась кровавая сеча. Под ударами мечей падали убитые и раненые. Потери были велики у той и другой стороны. Ромул бился впереди: его видели там, где было труднее и опаснее положение. Неожиданно он покачнулся и опустился на одно колено: камень пущенный

из пращи, ранил его в голову. Увидев, что их предводитель ранен, римляне дрогнули и побежали к Палатинскому холму, преследуемые сабинянами. Ромул с большим трудом поднялся на ноги. Он пытался остановить бегущих воинов. Ему это удалось. Римляне снова повернулись лицом к врагу, и битва возобновилась с прежней силой.

Неожиданно сражающиеся воины услышали крики и плач женщин. С холмов сбегали похищенные некогда римлянами сабинянки. Женщины громко рыдали, волосы их были распущены, многие прижимали к себе детей. Скоро эта толпа смешалась с воинами. Плача, они протягивали детей своим мужьям — римлянам, и отцам и братьям — сабинянам, умоляя мужчин прекратить побоище и не оставлять их сиротами или вдовами.

— Что дурного сделали мы вам? За что вы приносите нам столько горя? Вы ранее не смогли спасти нас, так зачем же теперь вы отрываете мужей от жен и угрожаете оставить наших детей сиротами?! Наши дети — это ваши внуки. Мы все ведь близкие друг другу люди. Пощадите наших детей и мужей, сабиняне! Пощадите наших братьев и отцов, римляне!..

Вид женщин и их справедливые упреки заставили обе стороны опустить оружие. Предводители — Ромул и Тит Таций начали переговоры о перемирии. Пока вожди договаривались, женщины подводили своих детей и мужей к отцам и братьям, приносили еду и питье, оказывали помощь раненым.

Когда между сабинянами и римлянами был заключен мир, оба племени объединились, поселившись в одном городе, который в честь Ромула сохранил название Рим. Граждане Рима стали именоваться квиритами, в честь родного города Тита Тация — Кура. Оба вождя должны были царствовать и командовать объединенными войсками сообща.

Объединившиеся народы заимствовали друг у друга обычаи, участвовали в праздниках, как старых, так и вновь учрежденных. Был введен праздник женщин — *матроналии* (от латинского — матрона — замужняя женщина) в память о том, что женщины положили конец войне между сабинянами и римлянами. Этот день отмечался ежегодно 1 марта.

Справлялся и старый, установленный Ромулом и Ремом, праздник в честь бога Луперка, защитника стад от волков (от латинского — *lupus*). Праздник этот назывался *луперкалии* и сопровождался различными обрядами. Жрецы-луперки нарезали из шкур принесенных в жертву животных тонкие ремни. Держа их в руках, жрецы обегали Палатинский холм. Бег они начинали с того места, где, по преданию, Ромул и Рема кормила волчица. Своими ремнями жрецы хлестали встречных. Люди верили, что удары приносят счастье и удачу, а женщинам облегчают роды. Ремни назывались *февра*, а поэтому и месяц,

когда праздновали луперкалии, стали называть *февруарий* — февраль.

Четыре года Ромул и Таций правили вместе. На пятом году случилось несчастье — родичи Тация убили ларентских послов, что считалось тягчайшим преступлением. Ромул потребовал сурово наказать убийц. Однако Таций задерживал исполнение смертного приговора. Не дождавшись свершения казни, родственники приговоренных напали на Тация и убили, считая его виновником того, что их родные остались неотомщенными. Ромул весьма спокойно отнесся к этому событию и даже не пытался расследовать обстоятельства гибели Тация. Ромул устроил своему соправителю торжественные похороны и стал в дальнейшем править один.

Ромул вел непрерывные войны с соседними народами, подчиняя их власти Рима. Опасаясь, что могущество Рима станет непреодолимым, против него выступили этруски богатого и сильного города Вей. Войско этрусков вначале одержало победу, но затем было разбито Ромулом. По мирному договору город Вей уступил Риму семь подвластных областей, выдал заложников.

Это была последняя война Ромула, и теперь его силу уже никто не осмеливался оспаривать. Но, как часто бывает со многими правителями, власть которых укрепили постоянные удачи, Ромул возгордился. Он отказался от прежней близости к народу. Он окружил себя приближенными и телохранителями — *ликторами*. Они всегда шли впереди царя, держа в руках связки прутьев — *фасции*, в которые воткнут был топор. (Ликторы исполняли приговоры у древних римлян.) Ромул стал носить пышную одежду — красный хитон и плащ с широкой пурпурной каймой. Править он стал единолично и, сидя в кресле, разбирал дела, вершил суд, не спрашивая совета у старейшин, чем унижал и оскорблял их. Недовольство царем росло, но против могущественного Ромула боялись выступить открыто: внешне все были покорны. Созданный Ромулом законодательный орган власти — *сенат* собирался, молча выслушивал приказы царя и расходился.

Наступил тридцать восьмой год царствования Ромула. В один из жарких июльских дней он приказал народу собраться за городской стеной, возле места, которое называлось Козьим болотом. В это время поднялся сильный ветер и разразилась гроза: оглушительно гремел гром, сверкали молнии. Стало темно как ночью. Испуганные люди бросились в разные стороны. Вскоре гроза прекратилась, небо прояснилось и все возвратились к Козьему болоту. Но Ромула не было. Его нигде не могли найти. Царь исчез.

Сенаторы объяснили народу, что Ромул, при блеске молний, вознесся на небо и отныне будет для римлян богом, как раньше был добрым царем.

Не все поверили этому. Прошел слух, что отцы-сенаторы убили Ромула во время грозы, чтобы избавиться от его все возрастающей власти и вернуть себе прежнее влияние.

Несколько дней спустя один из патрициев пришел на площадь и стал клясться перед народом, что ему на дороге явился Ромул в ослепительно белом вооружении.

— По воле богов,— сказал Ромул,— я вернулся на небо, где жил прежде. Я исполнил то, что было мне предназначено. Я основал город, с которым никакой другой не сравнится славой и силой. Рим достигнет вершины человеческого могущества, а я, Ромул, буду отныне милостивым для вас, римлян, богом Квирином...

Многие поверили этой басне, а те, кто сомневался, из страха молчали.

В Риме был установлен культ бога Квирина-Ромула, в честь которого на одном из холмов построили храм. Холм после этого стал называться Квиринальским.

Нума Помпилий

Вскоре после смерти Ромула в Риме возникли разногласия: спор шел о том, из какого племени должен быть избран новый царь — из римлян или сабинян. Те, кто пришел с Ромулом, считали несправедливым, что получившие позднее римское гражданство сабиняне хотят властвовать над основателями Рима. В свою очередь сабиняне напоминали, что они не были покорены римлянами, а слились с ними на равных правах: Ромул и Тит Таций обладали одинаковой властью. После смерти Тация римлянин Ромул правил один, сабиняне не возражали. Теперь же справедливость требует, чтобы царем стал сабинянин.

Не придя к единому мнению, сенаторы решили сами управлять государством. Каждый сенатор, по очереди, надевал платье властителя Рима, брал в руки знаки царского достоинства, приносил жертву богам как главный жрец и становился царем, власть которого продолжалась в течение суток. Сенаторов обоих племен этот порядок вполне устраивал, так как никому невозможно было возвыситься над другим: в течение одного дня и одной ночи человек из царя вновь становился простым гражданином.

Так правили сенаторы некоторое время. В истории Рима этот период называли междуцарствием. Простой люд был недоволен, ибо он видел, что знатные захватили власть и заботятся только лишь о себе. В народе говорили: сейчас у нас вместо одного царя стало сто.

Народ требовал, чтобы власть снова была вручена одному достойному человеку, избранному всеми гражданами Рима. В конце концов и сенаторы решили выбрать правителя, боясь, что народ сделает это сам.

После долгих пререканий сенаторы пришли к единому решению, объявив на народном собрании, что наиболее достойным кандидатом признан Нума Помпилий, сабинянин по происхождению. Народ приветствовал это решение, так как это имя пользовалось хорошей славой.

Нума жил в сабинском городе Кур, который был родиной соправителя Ромула Тита Тация. В этот город и направилось посольство из наиболее именитых граждан Рима, чтобы предложить Нуме царскую власть.

Нума был известен далеко за пределами своего города, прославившись своей скромностью, простотой, глубоким умом и любовью к миру. Он давно мог занять высокое положение — ведь он был женат на дочери царя Тита Тация.

Но государственным почестям Нума предпочитал честную и спокойную частную жизнь. Из своего дома он изгнал расточительство и роскошь. Нума любил уединение, бродил по окрестным рощам и лесам, лугам и долинам, наслаждаясь красотой природы и предаваясь размышлениям. Римляне тогда обожествляли природу, населяя ее множеством богов — больших и малых. По верованиям древних римлян, каждая роща, каждое дерево, каждая река или источник имели свое божество. В лесах бродили силваны¹, в рощах прекрасные нифмы-камены². Прошел слух, что Нума потому подолгу бывает в священных рощах, что он близок богам и что его супругой стала нифма-камена Эгерия. Оттого он после смерти жены и не сочетался новым браком со смертной женщиной. Мудрость и предусмотрительность Нумы объясняли тем, что Эгерия раскрывала ему божественные предначертания. Все свои законы Нума проводил, якобы пользуясь советами Эгерии.

Послы Рима прибыли в Кур. Они склонились перед Нумой и предложили ему царствовать в Риме. Послы были уверены, что Нума обрадуется выпавшему на его долю счастью. Но Нума не хотел менять свой спокойный образ жизни на царский престол воинственного Рима и ответил послам:

— Каждому человеку трудно переменить привычный образ жизни. Особенно трудно тому, кто доволен своей участью. Вы зовете меня на царство. Жизнь и смерть Ромула показывают, что это царство выросло на кровавой почве. Сам Ромул сначала прослыл виновником смерти своего соправителя Тита Тация. Когда же он стал править один, то сделался самовластным и жестоким государем. Его стали бояться больше, чем любить и уважать. Смерть его была неожиданной, окружена тайной, и говорили, что его убили сенаторы. Тогда сенаторы объявили на-

¹ Сильван — древнеримский бог лесов, хлебопашества и скотоводства.

² Камены — древнеримские божества природы.

роду, что Ромул был сыном богов, которые с его младенчества заботились о нем и охраняли от бед. Я же самый обыкновенный, простой человек, вы знаете, кто мой отец и моя мать. Ромул всю жизнь воевал. Он оставил вам в наследство много будущих войн. Все войны, которые вы, римляне, вели, были успешны, и вы привыкли к победам. Вы не представляете себе, как можно жить без войны. Можно сказать, что вы полюбили ремесло войны. Нет, римляне, вам нужен молодой, сильный царь, царь-воин и полководец. Для этого я не гожусь. Я люблю покой и размышления, я больше всего люблю мир и ненавижу все, что связано с войной. Вы, воинственные римляне, будете смеяться над царем, который захочет почитать справедливость и будет учить вас любить мир. Ищите себе другого царя, римляне...

Послы долго убеждали его согласиться.

«Мудрый Нума! — говорили они. — Ты любишь мир, но если ты откажешься стать царем, то породить войну. В Риме начнется междоусобная борьба. Ты ведь единственный человек, которого римляне хотят видеть своим правителем».

Сограждане Нумы также уговаривали его согласиться. Одни говорили, что этот шаг окончательно соединит римлян и сабинян в один народ; другие убеждали Нуму принять власть, пользуясь которой он сможет свершить славные дела, смягчить души людей, и вместо законов войны установить в Риме справедливые, полезные для всех мирные законы.

Нума согласился. По пути следования его радостно встречал народ. Когда он вступил в Рим, навстречу ему вышли сенаторы, жрецы и тысячи граждан. Женщины осыпали его цветами. На городской площади — форуме — сенатор, который в этот день был очередным временным царем, поднялся со своего места, приветствовал Нуму и вручил ему знаки царского достоинства. Двенадцать ликторов стали впереди Нумы. Затем, по обычаю того времени, Нума поднялся на Капитолий, чтобы узнать волю богов. Римляне верили, что гадание по полету птиц позволяет узнать будущее и предначертания богов. Нума сел, закутав лицо плащом, а стоявший позади жрец положил руку на голову царя. Все вокруг притихли. Народ напряженно глядел на голубое небо. Прошло несколько минут, и в небе появились вещие птицы, летевшие справа от Нумы. Это считалось благоприятным знаком. Раздались радостные крики.

В отличие от воинственного Ромула, предание изображает Нуму миролюбивым государем, который старался смягчить суровые нравы древних римлян и приучить их к мирным занятиям — земледелию и ремеслу.

В конце своего правления Ромул не доверял народу и боялся его. Он окружил себя преданной охраной в триста человек.

Став царем, Нума, прежде всего, распустил этих телохранителей, сказав:

— Охрана нужна только тому, кто не доверяет народу и боится его. Избрав меня царем, народ показал, что он мне доверяет. Я же верю народу, и мне не нужны телохранители.

Население Рима было очень разнородно: одни пришли еще вместе с основателем города, другие поселились позднее или же были насильственно переселены из покоренных городов. Много в городе проживало и беглецов, которых охотно принимали, не спрашивая, что заставило уйти их из родных мест. Постоянные столкновения с соседями укрепили воинственный дух римлян: сила

заменила право и закон. Нума хотел установить законы, которые позволили бы навести порядок в государстве и защищали бы слабых от произвола сильных и знатных. В те далекие времена закон, политика и религия были тесно связаны друг с другом. Вот почему многие законы, установленные, по преданию, Нумой Помпилием, касались религиозных правил и жреческих должностей.

Прежде всего Нума почтил память Ромула: он стал почитаться в Риме под именем бога Квирина, воинственного, подобного Марсу. Нума учредил должность жреца бога Ромула-Квирина.

До этого в Риме было два жреца. Один — верховного бога римлян Юпитера, другой — бога войны Марса. Вместе с жрецом Квирина их стало трое.

Создал Нума и коллегия жрецов, которых стали называть *понтификами*. Над ними стоял верховный или великий понтифик. Первым верховным понтификом считался сам Нума. Его власть в делах религии не имела предела: он был религиозным главой государства и считался толкователем воли богов. Нума совершал религиозные церемонии и наблюдал за исполнением обычаев и обрядов. Во всех своих действиях он советовался с коллегией понтификов.

Обычаи, хранившиеся и строго соблюдавшиеся коллегией понтификов, легли в основу будущего римского права.

Великий понтифик был стражем священных дев — *весталок*. Нума перенес в Рим культ богини домашнего очага Весты и учредил для служения ей знаменитую коллегию весталок. Жрицы должны были следить за тем, чтобы горящий огонь у алтаря богини никогда не угасал, так как считался священным, и как

Изображение Нумы Помпилия на монете

Весталка

бы представлял собой общий очаг римского государства. Огню тогда придавали большое значение: в древности люди считали, что все существующее произошло от огня. Они говорили, что движение и тепло — основа всякой жизни и нет ничего подвижнее и горячее огня.

Для алтаря богини был построен небольшой круглый, с колоннами храм Весты, который стоял на форуме, на склоне Палатина, неподалеку от жилища Нумы-Регии (от латинского *rex* — царь).

В весталки посвящались девочки из самых знатных семейств Рима, которые должны были служить богине тридцать лет. Говорят, что первые десять лет они учились тому, что должны делать; во второе десятилетие делали то, чему выучились, а в третье — уже сами учили других. Весталки давали обет без-

брачия, нарушение которого сурово каралось: клятвопреступницу живой зарывали в землю.

Это был страшный и печальный обряд.

Осужденную весталку усаживали в крытые носилки. Внутри носилок не проникал свет, а толстые, перевязанные ремнями, покрывала заглушали звуки. Снаружи не был слышен плач несчастной женщины. При глубоком молчании присутствующих носилки поднимали и несли через форум. Все молча расступались перед этой процессией. Наконец, шествие доходило до так называемых Коллинских ворот, где возвышался небольшой холм, на склоне которого зияло черное отверстие — вход в подземелье. Носилки ставили на землю, развязывали ремни и медленно подымали покрывало. Верховный понтифик за руку выводил женщину, голова которой была закутана в плащ. Жрец подводил осужденную к спуску в подземелье, и та по приставной лестнице сходила вниз. В маленькой келье — яме находилась узкая кровать, горел светильник. У ложа стояло немного пищи — хлеб, вода в кувшине, молоко, масло, — но ее хватало

лишь на короткий срок. Когда несчастная весталка спускалась в подземелье, лестницу убирали, а вход заваливали землей, пока поверхность холма не становилась ровной. Такой страшной смертью наказывали весталок, нарушивших обет безбрачия.

Зато весталки имели большие преимущества перед остальными гражданами Рима. Как и у высших должностных лиц, впереди весталки шел ликтор, и ей все уступали дорогу. Даже правитель государства при встрече с весталкой приказывал своим ликторам опускаться к земле их фасции с топорами. В цирках и амфитеатрах, на празднествах и собраниях весталкам предоставлялись почетные места. Оскорбивший весталку приговаривался к смерти. Если осужденный, которого вели на казнь, случайно встречал на пути весталку, казнь отменялась, и человек получал свободу. Весталки очень почитались в древнем Риме.

По преданию, Нума учредил и другие жреческие должности, в том числе коллегии жрецов-фециалов и жрецов-салиев.

Фециалы хранили обычаи, связанные с международными отношениями. Фециалы были послами и совершали обряды, предшествующие объявлению войны и заключению мира. Фециалы стояли на страже мира. Они, до того как начиналась война, должны были использовать все возможное и доступное, чтобы разрешить возникшие конфликты мирным путем. Но если переговоры терпели неудачу, то объявлялась война: стоя на границе, жрец-фециал бросал в сторону врага, на неприятельскую территорию, окровавленное копье.

Особая легенда была связана с созданием коллегии жрецов-салиев. Рассказывали, что на восьмом году царствования Нумы Рим охватил жестокий мор: тысячи людей умирали от неизвестной болезни. Римляне, пребывавшие в страхе и смятении, молили богов смилоститься над ними. Вместе с народом молился и царь. Вдруг с неба упал медный щит необычной формы.

— Это знамение богов, — сказал Нума. — Щит послан в знак того, что боги охраняют и защищают Рим. Я слышал голос с небес, который произнес, что пока этот щит будет у римлян, их могущество никто не сможет оспорить. Рим будет в безопасности от врагов.

Мор вскоре прекратился. Нума приказал хранить как зеницу ока чудесный щит. Однажды царь призвал лучших мастеров по изготовлению оружия и сказал им:

— Сделайте одиннадцать точно таких же щитов. Сделайте так, чтобы никто не мог отличить подлинного от тех, которые вы создадите вновь.

Эта мера была необходима, чтобы предотвратить похищение подлинного щита.

Взглянув на щит, мастера отказались от работы, признав, что они не в состоянии добиться нужного сходства с оригина-

лом. Лишь один из них, по имени Ветурий Мамурий, согласился. Вскоре он принес свое изделие и, положив щиты рядом, предложил царю угадать, какой из них служил для мастера образцом. Как ни бился Нума, он не смог отличить подлинный щит от поддельного.

Нума учредил коллегия жрецов в честь богов Марса и Квирина из двенадцати человек — по количеству щитов, которые они должны хранить.

Ежегодно в марте процессия жрецов обходила город, направляясь к храму Марса. На жрецах были красные вышитые хитоны, перехваченные металлическим поясом. Поверх хитонов жрецы надевали легкие панцири, а на голову — остроконечные шлемы. В левую руку каждый жрец брал короткий меч, а в правую — копье или жезл. В таком наряде медленно шествовали жрецы по городским улицам. Под звуки труб они пели обрядовую песню и, приплясывая, ударяли в такт мечами по священным щитам, которые несли впереди служители. От этой торжественной пляски и произошло название жрецов — *салии*. (Прыгать по-латыни — *salire*.)

Суеверные римляне придавали большое значение тому, как совершался религиозный обряд. В те далекие времена, когда люди не понимали и боялись многих явлений природы, магические обряды занимали важное место в их жизни. Точное исполнение обрядов казалось надежной защитой от опасностей, несчастий и помогало умиловить таинственные силы природы, обожествленные людьми.

Большинство обрядов связано с именем Нумы, которому приписывалось их установление, и в том числе порядок жертвоприношения: ему римляне придавали большое значение. Они приносили в жертву животных, растения, плоды. Молитвы при этом были очень подробными. Римлянин боялся позабыть что-нибудь, упомянуть или сказать лишнее, чтобы боги не потребовали больше, чем он хотел или мог обещать и, так сказать, поймать молящегося на слове. Поэтому люди у алтаря какого-либо бога говорили: «прими в дар это вино, которое я тебе приношу». Римляне считали, что если забыть указать, что жертвуется именно это вино, то бог может потребовать все вино, какое хранится в доме. Одна из старых легенд рассказывает, как Нума торговался с самим Юпитером, главой римских богов, которого он увидел в роще на Авентинском холме.

— Ты принесешь мне в жертву голову, — сказал Юпитер.

— Хорошо, — ответил Нума, — ты получишь головку лука с моего огорода...

— Нет, — перебил Юпитер, — я имею в виду нечто человеческое.

— Тогда получишь волосы, — быстро сказал царь.

— Да нет же, мне надо что-то живое...

— Ладно,— подхватил Нума,— получишь рыбешку.

Юпитер засмеялся находчивости Нумы и согласился со всем тем, что тот предлагал.

Нума воздвиг в Риме храмы в честь богини *Верности* и бога *Термина*. Царь внушил римлянам, что клятва верности — величайшая из всех человеческих клятв. Термин был богом границ, рубежей, пограничных межевых знаков.

Нума стремился к тому, чтобы римские граждане обрабатывали свои участки земли. Для этого понадобились межевые знаки, чтобы можно было отличить, где кончается своя и начинается чужая земля. Межевые знаки считались священными.

Построив храм бога Термина, Нума установил особый праздник — *терминалии*. Праздновались терминалии ежегодно в мае месяце. В этот день к каменным межевым знакам на полях приходили жители окрестных селений со своими семьями. Они украшали камни цветами и веселились. Все это было связано с земледелием, которое высоко ценил Нума. Он говорил:

«Земледелие способствует миру. Тот, кто обрабатывает землю меньше всех, хочет, чтобы плоды его труда погибли в войне. Однако земледелец будет храбро защищать свою землю от врагов, и с развитием земледелия воинская доблесть не исчезнет. Не будет только несправедливой, алчной, корыстолюбивой виновности, приносящей людям одни несчастья».

Нума сам обходил поля граждан, поощрял трудолюбивых и наказывал нерадивых.

В Риме рано развились торговля и ремесло. Многие и здесь связывались с именем легендарного Нумы Помпилия. Считалось, что он разделил ремесленников на несколько цехов, создав следующие цехи: флейтистов, золотых дел мастеров, плотников, красильщиков, сапожников, дубильщиков, медников, гончаров. Остальные профессии были организованы в один цех. Каждый цех устраивал свои собрания, имел свои праздники.

Предания рассказывают, что именно Нума преобразовал римский календарь. Он высчитал, что в году триста шестьдесят пять дней, и разделил каждый год на двенадцать месяцев. При этом был изменен порядок месяцев. При Ромуле первым месяцем римского календаря считался март, название которого позаимствовали от имени бога войны Марса. Царь Нума первым месяцем года сделал *январь*, посвятив его древнему италийскому богу Янусу. С именами различных богов связывались и другие месяцы года: весенний *апрель* — с богиней любви *Венерой*, *май* — с древней италийской богиней земли *Маией*, а *июнь* — с именем *Юноны*. Остальные месяцы издревле просто назывались *Пятым*, *Шестым*, *Седьмым*, *Восьмым* и т. д. Названия эти сохранились и в настоящее время. Правда, после того

как январь стал первым, февраль вторым, а март лишь третьим месяцем года, все сместилось и в древнем Риме — месяц, который называли Пятым, превратился в действительности в Седьмой и т. д. Вот почему теперешний девятый месяц года называется *сентябрь* (септембер — от латинского *septem* семь). То же случилось и с восьмым месяцем (*октобер* — *октябрь*); он оказался десятым; девятый (*носембер* — *ноябрь*) стал одиннадцатым; десятый (*децембер* — *декабрь*) — двенадцатым. Все они и поныне сохраняют старые названия.

Где же прежние пятый и шестой месяцы? Они еще в древности получили новые названия: один в честь Юлия Цезаря стал называться *июль*, другой, в честь Октавиана Августа, римского императора — *август*.

Нума не случайно первый месяц года посвятил Янусу: этот древнейший италийский бог когда-то считался богом света и солнца. Янус открывал небесные двери и выпускал утром на землю день, а вечером день возвращался, и Янус затворял за ним двери. Наступала ночь. Само имя Янус происходит от латинского слова *janua* — дверь, вход. Потом Янус стал божеством всех начал, создателем всего существующего на земле. Считалось, что он создал и обучил человека. В молитвах имя Януса упоминалось прежде других богов. Изображался Янус с двумя лицами: одно было обращено назад — к прошлому, другое глядело в будущее. Римляне почитали Януса как покровителя и защитника государства, как бога, который решает вопросы войны и мира.

В Риме воздвигли храм Янусу, непохожий на другие. Он состоял из двух больших арок, в каждой из которых были ворота. Арки соединялись друг с другом боковыми стенами.

В Риме бытовал обычай: когда начиналась война, ворота храма Януса отворялись, а войска, отправляющиеся в поход, проходили через храм под сводами его арок, и, пока шли военные действия, ворота храма Януса оставались открытыми. В мирное время ворота затворялись. Но последнее случалось очень редко — Рим постоянно вел войны. Только при царе Нуме Помпилии двери храма Януса ни разу не открывались. В Риме царил мир, спокойствие, безопасность и доверие. За все царствование Нумы — а он правил сорок три года — не было ни одной войны, ни одного волнения среди подвластных ему жителей.

Поэты воспевали это прекрасное время:

Съедены ржавчиной крепкие копы,
Съеден двуострый меч,
Медных труб умолкли призывы;
Сладостный сон
Не покидает очей...

Конечно, всякому преданию свойственны преувеличения, но эта легенда должна была показать людям, насколько мир благотельнее войны, даже победоносной.

Рассказы о мирном правлении Нумы нравились простым римлянам, которые, как и всякий простой народ, не любили войну и страдали от нее в первую очередь.

У Нумы не было врагов и завистников. Отсутствовали тогда в Риме злоумышленники, заговорщики, которые хотели бы отнять у него власть и, тем более, жизнь. Мудрое и мирное законодательство Нумы, твердое соблюдение законов укрепило Рим. В отличие от Ромула власть Нумы держалась не на воинской силе и тирании, а на мудрых законах.

Легенда рассказывает, что Нума умер как жил — спокойно, тихо. Он достиг глубокой старости и медленно угас, не потеряв ясности мыслей и суждений. Однажды он не поднялся, как всегда, с восходом солнца. Когда к нему вошли, то увидели, что царь скончался: ему было тогда за восемьдесят лет.

Хоронили Нуму не только римляне, но и соседние союзные и дружественные народы.

Древние римляне сжигали умерших. Однако Нума приказал не устраивать ему погребального костра, а похоронить у подножия Яникульского холма.

Его последняя воля была выполнена. В могилу опустили два каменных гроба: в одном покоилось тело царя, в другой положили жреческие и философские книги, написанные самим Нумой. Подобно греческим законодателям, Нума сам лично писал законы.

Два царя — Ромул и Нума — укрепили римское государство, но разными путями. Ромул был воин, а Нума — мирный законодатель. Это принесло ему славу в народе. Конечно, законы, обычаи, обряды, установление которых приписывается Нуме Помпилию, в действительности складывались на протяжении столетий, в результате роста и развития римского общества. Но легенда связала все это с жизнью и правлением второго римского царя, как бы противопоставляя его Ромулу и дополняя историю дней его царствования. Легенда словно говорит, что создание и укрепление государства — следствие сложных, разнообразных и противоречивых явлений, соединение различных влияний сил войны и мира. В глазах народа легендарная история правления Нумы как бы подтверждала, что мирные завоевания и законы не менее прочны, чем то, что добыто силой оружия.

Слава Нумы укрепилась после того, как последующие цари вновь начали бесконечные войны. Эта политика войн и насилия расширила римское государство, но принесла неисчислимые страдания народу.

Легенда о мудром и добром царе Нуме долго жила в народе, и особенно в те времена, когда войны и мятежи сделали жизнь совсем невыносимой. Народу казалось, что аристократические правители Рима скрыли подлинную волю справедливого Нумы. Это отразилось в рассказе о легендарном событии, случившемся якобы четыреста лет спустя после смерти Нумы.

В Риме много дней подряд шли дожди и размыли могильную насыпь у подножия Яникульского холма. Открылась могила Нумы, в которой увидели два каменных гроба. Вскрыли тот, в котором должен был находиться прах царя, но гроб был пуст.

Во втором гробу нашли книги, написанные Нумой. Когда с ними ознакомился сенат, то он решил, что их содержание не должно стать известно народу: книги сожгли, чтобы исчезла память о справедливом царе, но Нуму не забыли. В народе продолжали помнить человека, который создал мудрые законы и видел силу государства не в войне, а в мире.

Гай Марций (Кориолан)

Гай Марций принадлежал к римской патрицианской фамилии. После смерти отца его воспитывала мать, к которой он сохранил на всю жизнь необыкновенную любовь и уважение.

Особенность характера Гая Марция проявилась очень рано: страшная вспыльчивость и высокомерие делали его неуступчивым и неуживчивым человеком. Но уже в ранней юности он пользовался большим уважением среди своих сограждан за незаурядный ум, смелость, удивительное бескорыстие и твердый, непреклонный характер.

В те далекие времена в Риме выше всего почитались ратные подвиги, и поэтому нет ничего удивительного в том, что Гай Марций более всего любил военное дело. Он с детства научился владеть оружием. Понимая, что в бою ловкость, выносливость и сила не менее важны, чем искусство владения мечом, Марций ежедневно закалял и тренировал свое тело. Впоследствии, в сражениях не было воина, равного ему.

Впервые Гай Марций участвовал в военном походе, будучи еще совсем мальчиком. Произошло это так.

Римский царь Тарквиний Гордый не считался с мнением сената, многих граждан казнил без суда и забирал себе имущество их. За это он был лишен престола, а в Риме установилась республика.

При поддержке соседних племен Тарквиний попытался силой оружия вернуть власть. После многих битв и поражений он отважился в последний раз испытать счастье и дать решительный бой римлянам. Против него Рим направил армию во главе с полководцем Авлом Постумием. Среди римских воинов нахо-

дился и Гай Марций. Битва произошла в 499 г. до н. э. при Регильском озере. Гай Марций сражался в первых рядах.

Заметив, что один из римлян упал, мальчик кинулся ему на помощь: прикрывая раненого, он убил одного из нападавших неприятельских солдат и отогнал остальных.

Римляне одержали победу. После битвы мальчик одним из первых был награжден дубовым венком. Его получал тот человек, который спасал на войне своего соотечественника. Эта награда стала первой в числе многих, которые Гай Марций получил за свою жизнь.

В те времена римляне вели много войн и сражения следовали одно за другим. Гай Марций участвовал во многих битвах и никогда не возвращался без венка или какой-либо иной награды.

Некоторые воины искали славы только для удовлетворения собственного честолюбия. Марций же стремился к славе еще и для того, чтобы порадовать свою мать. Когда она слышала, как хвалят ее сына, видела его с венком на голове и, обнимая его, плакала от радости, в эти минуты он чувствовал себя по-настоящему счастливым. Вскоре мать выбрала Марцию невесту. Но даже после женитьбы, став отцом, он продолжал жить в доме с матерью, считая ее главой дома.

К тому времени, когда Гай Марций стал известен своими подвигами в сражениях, в Риме развернулась ожесточенная борьба между богачами-патрициями и бедняками-плебеями. Положение бедняков все время ухудшалось: одни из них потеряли то немногое, что имели, а другие, не имевшие вообще ничего, за долги лишались личной свободы. Людей, неоднократно раненых и искалеченных в битвах за отечество, преследовали многочисленные кредиторы. На улицах города собирались толпы озлобленных плебеев. Возмущение бедноты росло.

Эти события совпали с угрозой вторжения на территорию Рима соседних племен. Чтобы несколько успокоить плебеев и сохранить боеспособность армии, богачи обещали улучшить положение должников. Однако, когда угроза со стороны врага миновала, патриции и думать забыли о своих обещаниях.

Тогда часть войска, состоявшая из плебса, удалилась из Рима, расположившись лагерем на Священной горе за рекой Анионом¹.

В городе распространилась паника, так как Рим лишился значительной части вооруженных сил. Существовало опасение, что плебеи хотят основать самостоятельное государство. Узнав о разногласиях среди римлян, притихшие были враги вторглись

¹ Уход плебеев на Священную гору, так называемую «первую сецессию», датируют началом V в. до н. э. (494 г. до н. э.).

на территорию республики, опустошая ее огнем и мечом. Консулы призывали под боевые знамена всех мужчин, способных носить оружие. Однако никто из плебеев не откликнулся на их зов.

Тогда некоторые патриции решили пойти на уступки беднякам. Другие же, среди них был и Гай Марций, не соглашались с этим. Марций настоятельно советовал сенаторам успокоить плебс не уступками, а казнями.

Но сенат все же решил пойти на переговоры с народными массами: патриции поняли, что в создавшейся обстановке самое разумное — уступить. К беднякам отправили самых старых и уважаемых сенаторов.

Послы прибыли на Священную гору. Первым выступил Менений Агриппа, уговаривая вооруженный плебс вернуться в город.

В заключение своей речи он рассказал такую басню.

— Однажды, — сказал он, — все части человеческого тела восстали против желудка. Они обвиняли его в том, что он один среди них ничего не делает, а только поглощает пищу. Между тем другие части тела, угождая его прихотям, должны трудиться. Но желудок смеялся над их глупостью. Они не понимали того, что если в него и поступает вся пища, то он возвращает ее назад и разумно делит между всеми.

Такое положение, граждане, занимает среди вас сенат. Его деятельность полезна не только сенаторам, но и каждому из вас! — закончил выступление Менений Агриппа.

Его речь послужила началом переговоров, в результате которых плебеи добились права выбирать своих собственных должностных лиц, *народных трибунов*, пользовавшихся неприкосновенностью. Обязанность и право народных трибунов состояли в том, чтобы защищать бедняков-плебеев от произвола патрициев¹.

В городе восстановилось спокойствие. Народ взялся за оружие и отправился в поход против разорявших страну врагов.

Гай Марций был недоволен победой плебеев, говоря, что, добившись уступок, бедняки не остановятся на этом и со временем потребуют новых прав. Казнив же нескольких смутьянов, можно заставить остальных повиноваться воле сената. Однако Марций считал, что в борьбе против внешних врагов и патриции, и плебеи должны действовать сообща.

¹ Для осуществления этой задачи народным трибунам предоставили право «вето» (*veto* — по-латыни «я запрещаю»). Трибун мог наложить запрещение на любое постановление сената или должностных лиц, если он считал его направленным против интересов народа. Дом трибуна не запирался, чтобы в любой момент плебеи могли прибегнуть к защите.

Самыми опасными и сильными врагами римляне считали вольсков¹.

Их в первую очередь следовало отбросить от границ страны. Войска римского консула Коминия осадили Кориолы — город вольсков.

Тогда вольски собрали всех людей, способных носить оружие, и двинулись на помощь осажденному городу. Узнав об этом, Коминий разделил войско на две части: меньшую он оставил под стенами Кориол, а сам с большей частью выступил против подходившего противника.

Вольски, защищавшие Кориолы, заметили, что врагов стало меньше, и предприняли вылазку из города. Завязалось ожесточенное сражение. Сперва вольскам удалось разбить противника и заставить его отступить к лагерю. Однако Гай Марций, сначала не принимавший участия в схватке, выбежав из лагеря с несколькими десятками солдат, убил первых попавшихся ему неприятельских воинов и остановил врага, призвав римлян перейти в контратаку. Римские солдаты стали собираться вокруг Гая Марция. Заметив это, вольски решили, что лучше отступить. Марций во главе римлян преследовал врагов и гнал их до самых городских ворот.

И тут Гаю Марцию пришла в голову смелая мысль: он решил на плечах отступавшего врага ворваться в город. Призывая солдат следовать за ним, Марций пробился сквозь толпу бегущего неприятеля, бросился к воротам и ворвался в город вместе с беглецами. Последовавшая его примеру небольшая горстка римлян сначала не встретила в городе сопротивления.

Однако вольски вскоре опомнились и со всех сторон кинулись на римлян. Закипел неравный бой. Тогда-то Марций и показал чудеса храбрости: одних врагов он убил, других отогнал, третьих заставил сложить оружие.

Пока шел бой внутри города, остальные римляне ворвались через ворота в Кориолы, и вольски сдались.

Римские солдаты бросились грабить жителей. Возмущенный Марций кричал:

— В такой момент подло заниматься грабежом. Быть может, Коминий со своей армией уже вступил в бой с врагами. Возможно, он терпит поражение. Гибнут наши соотечественники. Надо спешить им на помощь!

Однако Марция послушали немногие: с теми, кто пожелал пойти вместе с ним, он отправился в ту сторону, куда ушло римское войско во главе с Коминием.

Марций подбадривал усталых солдат, шедших по пыльной дороге. Временами он громко молился богам, чтобы они помогли

¹ Вольски — одно из древненталлийских племен.

ему прийти вовремя, пока сражение еще не кончилось, и принять участие в битве, деля опасность с согражданами.

Отряд Марция пришел, когда римляне выстраивались в боевой порядок. Они сначала испугались, увидев его, покрытого кровью и пылью в сопровождении горстки солдат. Марций подошел к Коминию, протянул ему руку и объявил о взятии Кориол. Обрадованный консул обнял и поцеловал героя. Римляне же, вдохновленные радостным известием, требовали вести их скорее в бой.

— Где стоят лучшие войска вольсков? — спросил Марций консула.

— В центре, — ответил Коминий.

— Прошу тебя, — сказал Марций, — поставь меня против этих солдат.

Консул исполнил его просьбу.

Как разъяренный лев Марций ринулся на врага. Передние ряды вольсков дрогнули и начали отступать.

Тогда неприятельские фланги стали обходить Марция, стараясь окружить его. Боясь за него, консул выслал ему на помощь лучших солдат. Вокруг уже раненного Марция кипел ожесточенный бой. Обе стороны несли большие потери. Римляне, однако, продолжали упорно наступать и, наконец, обратили вольсков в бегство. Обессилевшему от ран Марцию предлагали отдохнуть.

— Победители не должны знать усталости, — отвечал он.

В этом бою вольски много людей потеряли убитыми, а еще больше ранеными и пленными.

На следующий день Коминий перед собравшимся войском вознес молитву богам за блестящую победу. Затем он обратился к Марцию, восхваляя его подвиги, и предложил ему выбрать десятую часть военной добычи до общего дележа ее, а также подарил смелому воину коня в боевом уборе.

Римские солдаты криками восторга приветствовали слова консула. Однако Марций, выступив вперед, сказал, что рад принять коня и слышать похвалы полководца, но отказывается от остального и будет доволен той частью добычи, которая достанется ему при дележе.

Слова Марция солдаты встретили громкими возгласами одобрения: его бескорыстием восхищались больше, чем храбростью. Когда толпа перестала кричать и шуметь, Коминий снова взял слово.

— Нельзя заставлять человека, — сказал он, — принимать дары, которых он не желает. Дадим же ему награду, от которой Марций не сможет отказаться, — пусть он отныне называется Кориоланом, ибо только ему мы обязаны взятием Кориол.

С тех пор Марция стали называть Кориоланом.

Война окончилась победой римлян. Но положение плебса от этого не улучшилось: народ голодал; из-за войны поля оставались незасеянными и необработанными, а правительство не закупило хлеба за границей. Нехватка хлеба ощущалась очень остро.

В это время прибыли послы из Велитр, прося присоединить город к римским владениям и послать к ним колонистов. Чума, свирепствовавшая у них, стубила столько народу, что от всего населения осталась едва и десятая часть. Римские патриции говорили, что приезд послов оказался как нельзя более кстати. Они надеялись получить хлеб у велитрийцев, заодно отправив из Рима колонистами самых беспокойных и озлобленных бедняков.

Сенат одобрил и принял этот план. Консулы вносили в списки имена тех, кого намеревались послать в качестве колонистов. Других назначали в войска, отправлявшиеся в поход против вольсков.

Народные трибуны восстали против плана патрициев. Трибуны говорили, что патриции одних граждан морят голодом, других посылают в жертву чуме, а в довершение всего начинают по собственному желанию кровопролитную войну. И все это совершается из-за того, что бедняки не хотят идти в кабалу к богачам!

После выступлений трибунов плебеи снова отказались воевать и не желали слушать разговоров о переселении.

Сенат не знал, что делать. Кориолан (так теперь называли Марция) призывал обуздать дерзостных трибунов. Он требовал, чтобы бедняков переселяли под страхом строгого наказания.

— Плебеям,— говорил он,— надо показать, что можно воевать и без их помощи.

Кориолан собрал отряд из патрициев и совершил с ними набег на владения вольсков, захватив огромную добычу: хлеб, скот, рабов, оружие, драгоценности.

Некоторые из бедняков завидовали богатству солдат Гая Марция и жалели, что не присоединились к нему. Другие настойчиво наблюдали за ростом его известности и влияния, которое ничего не могло принести простому народу, кроме вреда.

Вскоре Кориолан выставил свою кандидатуру на консульскую должность. Большинство римлян готовилось голосовать за него, так как в глазах их военная слава Марция покрывала все недостатки его характера.

В назначенный для голосования день Кориолан торжественно явился на форум в сопровождении сенаторов. Все патриции старались показать, что он самый желанный кандидат для них. Однако это-то и заставило плебеев изменить свое отношение к нему. Они ясно поняли, что Кориолан, ярый сторонник аристократии, сделавшись консулом, может лишить народ прав, завое-

ванных с таким трудом. Поэтому на выборах плебс голосовал против него, и Гай Марций потерпел неудачу. Полный ненависти к плебейам, удалился он из Народного Собрания. Патриции еще более разжигали его гнев. Он казался им образцом истинного аристократа, и они восприняли поражение Кориолана на выборах как личное оскорбление.

Некоторое время спустя в Рим привезли хлеб. Часть зерна закупили в Италии, а значительную долю прислали в подарок из Сиракуз. Большинство граждан надеялось, что с привозом хлеба прекратятся и внутренние разногласия в республике. Сенат немедленно собрался для заседания. Бедняки окружили здание сената и ждали решения высокого собрания. Они рассчитывали, что купленный хлеб продадут по дешевой цене, полученный же в подарок — раздадут даром. Так предполагали и некоторые из сенаторов. Казалось, что сенат пойдет навстречу народу, но тут поднялся со своего места Кориолан. Он произнес громовую речь против тех, кто хотел уступить народу, назвав их предателями аристократии. Говорил, что они сами воспитывают в плебейях наглость и дерзость, дав им в руки власть.

— Если сенат решит разделить хлеб между бедняками, — сказал Кориолан, — то этим он признает свое бессилие и подчеркнет безнаказанность непокорных плебеев. Они подумают, что сенат уступает им из страха, и станут еще более непокорными.

В заключение своей речи Кориолан потребовал упразднения должности народного трибуна.

Выступление Кориолана вызвало восторг у патрициев. Они кричали, что Гай Марций — единственный в республике честный и неподкупный человек. Однако некоторые из стариков-сенаторов возражали Кориолану, боясь народного гнева. Присутствовавшие на заседании трибуны, видя, что предложение Кориолана может быть принято, выбежали на улицы города и подняли тревогу среди простого люда.

Состоялось шумное заседание Народного Собрания. Трибуны передали плебсу содержание речи Кориолана. Раздраженный народ едва не ворвался в здание сената. Трибуны вошли в здание сената с эдилами¹, чтобы силой заставить Кориолана выйти к народу. Однако патриции окружили его, выгнали трибунов, а эдилов избили.

Наступивший вечер положил конец беспорядкам. Ранним утром снова начались волнения: разгневанные плебеи большими толпами бродили по Риму. Консулы созвали срочное заседание сената, чтобы найти какой-нибудь способ водворить тишину и

¹ Эдилы — должностные лица в древнем Риме, ведавшие городской полицией, арестовывавшие по приказанию народных трибунов государственных преступников.

спокойствие. Они убеждали сенаторов не раздражать народ понапрасну.

Большинство сенаторов согласилось с консулами, которые явились в Народное Собрание и обратились к народу с речью, стараясь успокоить его, обещая, что по вопросу о ценах на хлеб сенат будет советоваться с народом.

Плебеи начали успокаиваться. Но тут вмешались трибуны, потребовавшие суда над Кориоланом. Они обвинили его в том, что своими речами и поступками он нарушил спокойствие и порядок в государстве.

Кориолан явился в Народное Собрание. Воцарилась тишина. Все ожидали, что полководец будет оправдываться, но он же обрушил на плебеев потоки брани, нисколько не скрывая своего к ним презрения. Народ пришел в бешенство. Один из трибунов, посоветовавшись с товарищами по должности, громко объявил Кориолану смертный приговор и приказал эдилам немедленно вести его на вершину Тарпейской скалы¹ и оттуда сбросить в пропасть.

Патриции поспешили на помощь Кориолану: одни из них отнесли эдилов, другие кричали о военных заслугах Кориолана, взывая к милосердию плебса. Речи и отдельные слова тонули в страшном шуме. Тогда один из трибунов встал и спросил патрициев:

— Почему вы мешаете народу наказать Кориолана?

— Потому, что незаконно наказывать человека без суда,— отвечали патриции.

— Обвиняемый будет судим! — сказал трибун.— Тебе, Кориолан, мы приказываем явиться через три недели и убедить граждан в своей невиновности. Они будут твоими судьями.

Патриции разошлись, довольные решением трибунов, так как на следующий день римское войско выступало в поход против вольсков. Это давало аристократам надежду на отсрочку суда: они рассчитывали, что война будет затяжной, а за это время гнев народа стихнет.

Но война с вольсками длилась недолго, и войска вскоре возвратились домой. Патриции забеспокоились: они не хотели предавать Кориолана в руки народа и в то же время не желали дать трибунам повод настроить плебс против сената.

Видя, что сенат колеблется, Кориолан спросил трибунов, в чем они обвиняют его и за какое преступление привлекают к суду. Трибуны ответили, что обвиняют его в стремлении к захвату власти и установлении тирании.

— Ну что ж,— усмехнулся Кориолан,— если вы докажете это, я приму любое наказание.

¹ См. рассказ «Ромул».

Через несколько дней при огромном стечении народа состоялся суд. Трибуны не стали обвинять Кориолана в стремлении к тирании. Они рассказали о том, как Кориолан хотел помешать продаже хлеба по низким ценам и лишить народ права выбирать народных трибунов. Они обвинили Гая Марция также в том, что он неправильно распорядился добычей, захваченной у вольсков: полководец не внес ее, как полагалось, в государственную казну, а разделил между участниками похода. Это обвинение смутило Кориолана, так как он не был подготовлен к нему и не смог привести никаких оправданий. Народ приговорил Кориолана к вечному изгнанию.

После объявления приговора плебеи расходились с такой радостью, какой не выказывали даже после победы над неприятелем. В этот день граждан различали не по одежде. Сразу было видно, что веселый — это плебей, а печальный — патриций.

Казалось, один Кориолан равнодушно воспринял случившееся. Простившись с матерью и женой, осужденный в тот же день покинул Рим. В дикой злобе он решил на гнусный поступок — измену своей родине. Гай ушел с твердым намерением отомстить изгнавшим его. За помощью в этом бесчестном деле Кориолан хотел обратиться к вольскам.

Среди вождей вольсков больше всех ненавидел римлян богатый и храбрый Тулл Аттий, который своими подвигами заслужил такую же известность и славу, как Кориолан у римлян.

Однажды, когда Тулл ужинал, к нему в дом вошел незнакомец и сел у очага, не говоря ни слова¹. Хозяин встал, подошел к страннику и спросил:

— Кто ты? Откуда пришел и что тебе надо?

Незнакомец поднял голову и сказал:

— Я — римский гражданин Гай Марций, по прозвищу Кориолан. Ты наверняка слышал обо мне — о злейшем враге вольсков. Сейчас я несправедливо изгнан из Рима и хочу отомстить своим соотечественникам. Воспользуйся этим. Я готов повести ваши войска против римлян. Добиться победы мне будет легко, так как я хорошо знаком с достоинствами и недостатками, силой и слабостью римской армии.

— Великое счастье для нас, что ты перешел на нашу сторону, — обрадованно воскликнул Тулл, подавая Кориолану руку.

На следующий день Тулл и Кориолан стали совещаться с влиятельными вольсками, подстрекая их начать войну против римлян. Кориолан доказывал, что вражда римских партий создала для нападения самый подходящий момент. Однако вожди

¹ У древних народов существовал обычай: странник, который нуждался в покровительстве хозяина дома, садился у очага.

указывали на то, что с римлянами заключен мирный договор на два года и его нельзя нарушать.

Тогда Кориолан пошел на хитрость. Он отправил в Рим посланца с ложным известием, будто вольски хотят воспользоваться происходившими там ежегодными играми, чтобы сосредоточить в городе под видом зрителей своих солдат и неожиданно напасть на римлян. Поверив этому, сенаторы приказали в день состязаний всем вольским удалиться из Рима до захода солнца.

Этот оскорбительный приказ разгневал вольсков. Тулл, разжигая страсти, призывал к наказанию обидчиков. Он добился того, что в Рим отправили послов в возмещение обиды требовать возврата земель и городов, захваченных у вольсков во время последней войны. По существу это требование было объявлением войны.

Выслушав послов, римляне возмутились.

— Вольски первыми берутся за оружие,— сказали они,— римляне последними положат его.

Послы вернулись ни с чем. Тогда Тулл созвал Народное Собрание, решившее начать войну с Римом. Он же посоветовал пригласить Кориолана командовать войсками. Народ согласился, и Кориолан стал военачальником с неограниченными правами.

Боясь, что приготовления вольсков к войне затянутся и удобный момент будет упущен, Кориолан решил действовать немедленно, приказав влиятельным гражданам и городским властям запастись все необходимое для армии. Тем временем, не дожидаясь окончания набора войска, Гай Марций созвал отряд добровольцев и неожиданно вторгся в римские владения, захватив такую добычу, что его солдаты не могли ни унести, ни увезти ее. Но не в этом была цель похода.

Кориолан страстно желал, чтобы римляне заподозрили в измене патрициев. Поэтому он строго запретил вольским трогать их поместья. Это вызвало в Риме различные толки. Народ стал подозревать патрициев в пособничестве Кориолану. В свою очередь патриции везде говорили о том, что из-за несправедливого изгнания Кориолан теперь мстит согражданам. Начались ссоры патрициев с плебсом.

Таким образом, Кориолан добился своего и на время прекратил военные действия. Вскоре собралось все войско вольсков. Люди охотно шли в армию под командование Марция, предвкушая богатую добычу. Желающих было так много, что часть сформированного войска решили оставить для охраны городов под командой Тулла. Он же занимался и снабжением армии. Другая часть войска ушла в поход против римлян.

Как только Кориолан получил подкрепление, он тотчас двинулся против римских владений, захватывая один город за дру-

гим. За короткий срок были взяты штурмом города: Цирцей, Толерий, Лабики, Пед и Бола. Полководец расправлялся с теми, кто оказывал ему сопротивление: город он отдавал солдатам на разграбление, а жителей продавал в рабство или убивал. Если город сдавался добровольно, Кориолан не причинял ему вреда, располагаясь лагерем вдали от городских стен.

Вольски, участвовавшие в этом походе, несказанно разбогатели. Солдаты Тулла завидовали воинам Кориолана. Так, например, узнав о взятии очередного города, они отказались повиноваться своему командиру и двинулись на соединение с войсками Кориолана. Они кричали, что считают его своим вождем и единственным главнокомандующим. Это глубоко уязвляло честолюбивого Тулла.

У римлян же по-прежнему царил раздор — целые дни проходили во взаимных спорах патрициев и плебеев. Никто не решался возглавить в это время римское войско. Тем временем было получено известие, что вольски осадили Лавиний. Этот город римляне почитали более остальных, считая, что их народ жил там во времена Энея. Узнав об осаде, римские плебеи решили отменить свой приговор Кориолану и призвать его обратно. Однако сенат воспротивился такому решению, считая, что этим будет подорван авторитет римлян в глазах соседей.

Узнав о решении сената, Кориолан вознегодовал еще больше. Он снял осаду Лавиния, направился к Риму и расположился лагерем у Клелиевых рвов¹. Его появление принесло с собой страх и смятение, но разом прекратило распри во враждебных лагерях. Никто из сенаторов больше не противоречил предложению плебса о возвращении Кориолана из изгнания. Решили отправить к нему послов и просить его вернуться. Послами назначили родственников Кориолана, надеясь, что их он примет радушнее, чем кого-либо другого. Однако римляне ошиблись: Кориолан встретил послов враждебно и не захотел остаться с ними наедине. Знатные вольски стояли рядом с ним.

Когда послы кончили говорить, Гай Марций напомнил о нанесенных оскорблениях и отказался вернуться в Рим, потребовав, чтобы римляне возвратили ранее завоеванные у вольсков города и земли. Для ответа он назначил тридцатидневный срок.

После ухода послов Кориолан немедленно очистил римские владения. Он прекрасно понимал, что взятие Рима — весьма трудная и едва ли осуществимая задача. Счастье могло изменить вольскам, и поэтому Марций решил заключить мир при выгодных для вольсков обстоятельствах.

¹ Клелиевы рвы находились приблизительно в 7 км от городских стен Рима.

Тридцатидневным сроком Кориолан сумел хорошо воспользоваться: он занял владения союзников римлян, грабил и опустошал их и захватил еще семь больших городов.

Когда срок ответа прошел, Кориолан снова со всеми войсками вернулся к стенам Рима. Римляне отправили к нему новое посольство с просьбой сперва отойти от стен города, а потом начать переговоры. Послы говорили, что никакие угрозы не заставят римлян пойти на уступки. Пусть вольски отведут войска и сложат оружие. Переговоры могут состояться только при этих условиях.

Кориолан ответил, что как предводитель вольсков он никогда не согласится разоружить свои войска, а как римлянин советует не упорствовать там, где это неразумно. Гай Марций дал римлянам еще небольшой срок для размышлений и предупредил послов, что их не пропустят в лагерь, если они вторично явятся с пустыми разговорами. Послы вернулись и доложили сенату о словах Кориолана. Тогда к нему решили пойти жрецы. Но и им было предложено или принять его прежние условия, или продолжать войну. С этим ответом жрецы вернулись.

После этой неудачи римляне решили закрыться в городе и обороняться. Свои надежды они возлагали лишь на время и неожиданную перемену счастья. В городе царствовали смятение и страх. Все храмы были полны молящимися женщинами. Одной из них пришла мысль отправиться в дом матери Кориолана Волумнии. Когда женщины вошли, Волумния сидела с невесткой и внуками. Римляне обступили их и сказали:

— Мы пришли к вам как женщины к женщинам. Не по решению сената и не по приказанию консулов. Мы пришли просить вас исполнить то, что одно только может спасти всех римлян. Пойдемте с нами к Кориолану и будем просить его увести войска вольсков.

Когда женщины кончили, Волумния сказала:

— Не знаю, прислушается ли Кориолан к моим словам и уведет ли назад войска вольсков. Ведь он ради своей мести не посчитался даже с отечеством, которое в глазах римлянина стоит выше матери, жены и детей! Однако мы готовы помочь вам. Пойдемте к нему и будем молить его.

Женщины отправились во вражеский стан. Вольски были так удивлены их неожиданным приходом, что пропустили их к Кориолану, ни о чем не спросив и ничем не обидев.

Кориолан, заметив приближавшихся женщин, изумился. Потом, узнав свою мать, идущую во главе римлянок, все понял и решил оставаться непреклонным. Но безграничная любовь к матери не дала ему усидеть на месте: Кориолан бросился ей навстречу, поцеловал мать, затем жену и своих детей.

И тогда заговорила Волумния:

— Сын мой, посмотри на меня и на свою жену. Мы — несчастнейшие из женщин. Я вижу своего сына, а моя невестка — мужа расположившимся лагерем перед стенами родного города. Для людей молитва служит утешением в скорби. Для нас она — страшная мука. Нельзя молить небо и о победе отечества, и о твоём спасении. Я не хочу дожидаться того дня, когда увижу тебя или побежденным согражданами, или празднующим победу над отечеством. Только перешагнув через мой труп, нападёшь ты на родной город. Я не прошу тебя спасти отечество ценою гибели вольсков. Это была бы несправедливая просьба, ибо низко предавать тех, кто доверился тебе. Но я прошу тебя быть благоразумным. Чем кончится война — неизвестно. Известно лишь, что, если ты будешь победителем, тебя проклянет родина. Но если ты потерпишь поражение, тебя убьют вольски.

Кориолан не перебивал ее. Когда Волумния закончила свою речь, он еще долго стоял молча. Тогда она заговорила снова:

— Сын мой, что ты молчишь? Разве человек должен помнить лишь о причиненном зле? Разве не делали тебе добра твои родители, прежние друзья и сограждане? Если ты так жестоко караешь неблагодарность, будь же сам примером благодарного человека. Будь милосерден, справедлив и благоразумен.

С этими словами она упала к его ногам.

— Ты победила! — воскликнул Кориолан, поднимая ее. — Это спасет Рим, а меня погубит. Я отступаю. Одна ты одержала надо мной победу.

Сказав это, он поговорил еще немного с матерью и женой, затем отпустил их обратно в Рим, а ночью отступил с войсками вольсков от города.

Когда римляне заметили со стен отступление неприятеля, то отворили все храмы, граждане ходили в венках и приносили богам благодарственные жертвы. Сенат называл женщин спасительницами отечества. Народ предложил исполнить любое их желание. Они попросили только выстроить храм, посвященный Женскому Счастью, что и было исполнено.

Марций возвратился с войсками в столицу вольсков город Антий. Его встретил Тулл, уже давно завидовавший славе Кориолана, а теперь ненавидевший недавнего друга. Авторитет и власть Тулла с приходом полководца-римлянина значительно уменьшились. Он боялся, что дальше будет еще хуже, и решил убить Кориолана.

Сторонники Тулла убеждали вольсков, что римлянин дважды их предал. Первый раз, когда согласился на тридцатидневное перемирие. И вторично, когда увел войска по просьбе своей матери. Сам Тулл требовал, чтобы Кориолан сложил с себя полномочия полководца и дал отчет в своих деяниях перед Народным Собранием. Кориолан согласился на это.

В назначенный день Гай Марций явился в Народное Собрание, где его встретили страшным шумом: сторонники Туллы шныряли в толпе, подстрекая людей к расправе с Кориоланом. Он хотел заговорить, но ему не дали слова. Самые решительные из его врагов кинулись к нему, холодно блеснули на солнце мечи, и Кориолан, смертельно раненный, обливаясь кровью, медленно опустился на землю и через несколько минут умер.

Если вольски и были недовольны Кориоланом, тем не менее большинство из них совершенно не желало его смерти: жалко потерять талантливого полководца, одержавшего для них столько блистательных побед.

Похоронили Кориолана как героя, украсив его могилу оружием, захваченным в бою у врагов.

Римляне же при известии о смерти Кориолана не выразили ни печали, ни радости. Он перешел на сторону вольсков только из-за желания отомстить за свои обиды, и республика не могла простить ему измены. Римлянки жалели Кориолана, тронутые его необыкновенной любовью к матери, и носили по нем траур в течение десяти месяцев, как это сделала бы каждая из них после смерти своего отца, сына или брата.

Марк Фурий Камилл

Марк Фурий Камилл является одним из героев древнего Рима. Он командовал войсками и всегда одерживал блестящие победы над врагом. Четыре раза он удостоивался высшей награды победителю — большого триумфа.

Простой народ любил Камилла за то, что в его характере сочтались личная скромность и воинская отвага, за умение повелевать, подчиняться, за острый, пылливый ум и за то, что он прежде всего думал о родине.

Римляне много воевали со своими соседями. Они покорили значительную часть Средней Италии. Наиболее сильными противниками Рима были эквы¹ и вольски. Борьба с ними была длительной и трудной. В одной из таких войн и отличился впервые молодой Марк Фурий Камилл.

Во время битвы, когда он на коне скакал впереди отряда, брошенный вражеским солдатом дротик вонзился ему в бедро. Но всадник, вырвав дротик из раны, продолжал сражаться, обратив в бегство противника. В Риме много рассказывали о смелости и мужестве Камилла.

Однако прочную славу завоевал Марк Фурий Камилл в войне с Вейями, одним из самых богатых и красивых городов Этрурии². Сильные Вейи были постоянными соперниками Рима: во многих сражениях с ними римляне терпели поражения. Исход вечной борьбы могло решить только покорение или разрушение Вей.

¹ Эквы — одно из древнеиталийских племен, жившее к востоку от Рима.

² Этрурия — область на западе Италии севернее Лация (современная Тоскана).

Этрусский воин

Собрав значительные силы, римляне приступили к осаде вражеского города, который был обнесен высокими прочными стенами. Защитники Вей были хорошо вооружены и имели большие запасы продовольствия. Осада оказалась делом трудным и продолжительным: год шел за годом, а овладеть Вейями так и не удавалось.

Прошло семь лет, когда воины и граждане Рима стали роптать:

— Наши начальники слишком нерешительны!..

— Они медлят, как черепахи!..

— Надо сместить их...

Сенат назначил новых военачальников, среди которых был и Марк Фурий Камилл. Сначала

Камилл выступил против тех городов, которые помогали Вейям, и разгромил врага. Хотя это немного и облегчило положение римлян под Вейями, но осада продолжалась без серьезной надежды на успех.

Однажды осенью случилось несчастье: воды горного озера в Альбанских горах вышли из берегов и хлынули вниз, заливая луга, пашни, сметая на своем пути все постройки...

О том, что случилось на Альбанском озере, узнали и римляне, и осажденные. Все были поражены грозным явлением природы. Не умея объяснить его, люди считали это чудом, дурным предзнаменованием. Осажденные радовались несчастью римлян. Один из этрусских воинов насмешливо кричал со стены:

— Эй, римляне! Плохи ваши дела! Никогда не взять вам славного города Вей! Это доказали Альбанские воды!..

Несколько дней спустя, во время стычки у городской стены, один из римских воинов узнал насмешника и захватил его. Пленный рассказал римлянам следующее:

— Я открою вам тайну. Существует предсказание, что Вейи только тогда падут, когда враг повернет назад хлынувшие воды Альбанского озера и помешает им соединиться с морем...

Суеверные римляне поверили предсказанию, и тысячи людей вышли с мотыгами и лопатами, чтобы воздвигнуть преграду на пути вод. Построили и водоотводный канал.

Однако Вейи не пали. Еще три года солдатам Рима пришлось стоять под стенами города.

Наступил десятый год осады. Римский народ был крайне недоволен и требовал решительных действий. Сенат прибегнул к крайним мерам: лишил власти всех должностных лиц Рима и вместо них назначил диктатором Марка Фурия Камилла. Отныне он стал ведать всеми военными и гражданскими делами в государстве.

Камилл энергично приступил к делу, вторгшись в земли фалисков, помогавших Вейям, и разбил их. Римляне нанесли удары и другим союзникам осажденного города. Спокойный за свой тыл, Камилл занялся осадой.

Он внимательно осмотрел укрепления города и понял, что прямой штурм слишком опасен и рискован. Долго размышляя римский полководец, какой же путь избрать для борьбы с врагами. Вспомнилось ему, как тысячи граждан Рима рыли землю у Альбанского озера, как быстро рос водоотводный канал... Камилл отдал приказ о прекращении беспорядочных стычек с осажденными и укреплении осадных сооружений. Наступило временное затишье.

Защитники Вей насмеялись над противником, крича, что римляне боятся сражения и поэтому укрылись со страху в своем лагере.

Тем временем, незаметно для врагов воины Камилла рыли подкоп под стены города. Почва была мягкая, и работа подвигалась быстро. Сменяясь каждые шесть часов, день и ночь рыли подземный ход римские воины. Через несколько недель глубокий и длинный подкоп, который заканчивался внутри города, был завершен.

И вот настал решительный день. Часть римского войска, возглавляемого Камиллом, двинулась к городу, словно намеревалась его штурмовать. Защитники Вей заняли свои боевые места на стенах и башнях, готовые к отражению врага. В это время другая часть римских воинов скрытно вошла в подземный ход и вскоре оказалась внутри крепости.

По преданию, выход из подкопа случайно пришелся под храмом богини Геры, который считался самым большим и почитаемым в Вейях. Римляне притаились в своем убежище, ожидая сигнала для нападения. А в храме шло богослужение. Слышался голос жреца, который сказал:

— Тот победит, кто закончит совершение этого обряда...

Римляне взломали пол и появились перед изумленными этрусками. Все находившиеся в храме сдались на милость победителя.

Это произошло в то время, когда начался общий штурм города. Вейи пали. Римляне, захватив огромную добычу, достигли желанной цели и сокрушили могущественного соперника.

Камилл был удостоен большого триумфа и справил его с такой пышностью, что возбудил зависть некоторых граждан. Особенное недовольство вызвало то обстоятельство, что в триумфальную колесницу Камилла были впряжены четыре белых коня.

— Никто так не поступал, — говорили завистники, — Камилл хочет сравняться с богами...

Однако скоро вновь потребовалось военное искусство Камилла: вспыхнула новая война с жителями города Фалерий. И опять Марк был поставлен во главе войск.

В 394 г. до н. э. он осадил Фалерии — город, отлично укрепленный и хорошо подготовленный для долгой обороны. Камилл сразу понял, что одним ударом, с налета, такую крепость не взять. Он расположил свои войска под стенами Фалерий и приступил к осаде. Уверенные в прочности укреплений, окружавших город со всех сторон, фалерийцы не боялись врага: на башнях и стенах были только дозорные. Жители продолжали заниматься обычными делами. Даже дети, как обычно, выходили со своим учителем для прогулки за городские ворота.

Учитель оказался предателем, который задумал нанести своим согражданам удар в самое сердце. На прогулке он незаметно с каждым днем все дальше отходил от стены. Дети скоро привыкли к этому. Прошло несколько недель, и настал день, когда ему удалось осуществить коварный план. Выйдя, как всегда, с детьми, учитель на этот раз подвел их к вражескому лагерю и окрикнул римских часовых. Когда вражеские воины подошли, он передал им детей, а себя попросил отвести к римскому полководцу. Солдаты отвели его и детей к Камиллу. Учитель низко поклонился и сказал, указывая на детей:

— Я воспитатель этих детей. Я должен их обучать и охранять. Но мне важнее, Камилл, оказать тебе услугу, чем исполнить свой долг. Вот почему я пришел к тебе и привел с собой детей. С ними я принес тебе и Фалерии.

Камилл ужаснулся поступку учителя, предавшего беззащитных детей врагам. Он отвернулся от учителя и громко сказал окружающим:

— Квириты! Все вы знаете, что война не радостное дело. Война всегда несет насилие и несправедливость. Все же для честного воина и на войне существуют кое-какие законы. Все мы желаем победы. Но мы не можем желать победы такой ценой, как бесчестие. Полководец и его воины должны рассчитывать на свое искусство и свое мужество, а не на чужую подлость...

С этими словами Камилл повернулся к ликторам и, указав на учителя, сказал:

— Возьмите этого негодяя и свяжите его.

Ликторы схватили изменника, сорвали с него одежду и связали ему руки за спиной.

— Принесите прутья и плети,— приказал Камилл и, когда это было исполнено, велел раздать их детям.

— Идите, дети, назад, к своим отцам, матерям, а изменника гоните перед собой. Пусть каждый подгоняет его своим прутом или плетью!

Жители Фалерий были потрясены, узнавши о подлом поступке городского учителя. Повсюду слышались рыдания, горестные вопли. Толпы людей заполнили городские стены, как вдруг все увидели удивительное зрелище: голый человек со связанными за спиной руками, спотыкаясь, брел к городу, а за ним, стегая его плетями и прутьями, крича и улюлюкая, шли дети.

Забыв об опасности, родные и близкие бросились из ворот навстречу ребятишкам.

Фалерийцы повсюду превозносили Камилла, называя его отцом родным, спасителем детей. Народное Собрание города решило прекратить сопротивление и послало именитых граждан возвестить об этом Марка Фурия Камилла.

Камилл был милостив к капитулировавшим фалерийцам. Они заплатили небольшую дань, чтобы возместить понесенные римлянами расходы. Затем недавние враги заключили между собой дружественный союз.

Однако большинство солдат было недовольно исходом войны и особенно Камиллом за то, что он не дал им разграбить город и захватить добычу, на которую они рассчитывали. В Риме многие поддержали солдат. На Камилла посыпались обвинения одно за другим. С горечью слушал Марк эти наветы и, считая, что ему не в чем оправдываться, не возражал своим хулителям. Когда же сказали, что он против народа и не любит своих сограждан, Камилл не выдержал и решил покинуть родной город.

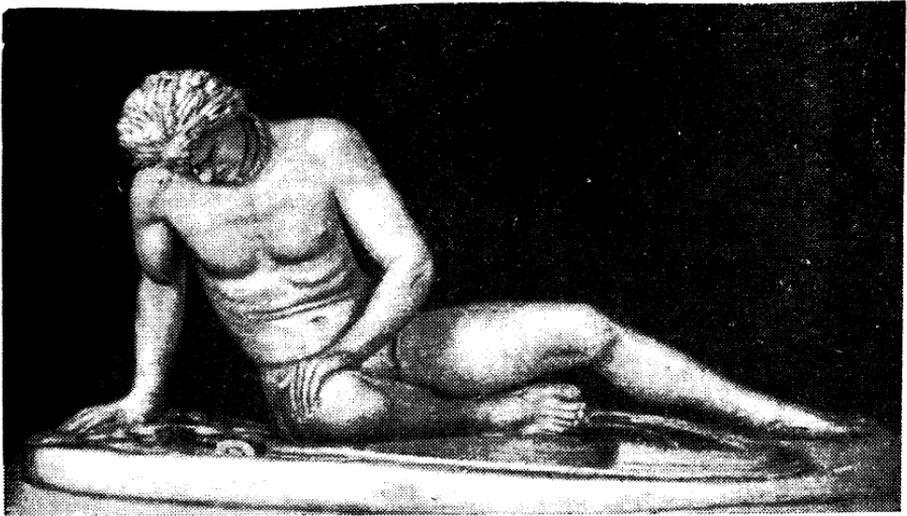
Ранним утром Камилл простился со своей семьей, вышел из дому и пошел к городским воротам. Лишь выйдя из города, он поднял руки и, глядя на раскинувшийся перед ним Рим, воскликнул:

— О римляне! Вы опозорили и изгнали меня! Скоро вы раскаетесь, и вам еще понадобится Камилл. Вы нетерпеливо будете ждать его возвращения. И, если моей родине будет угрожать опасность, я забуду обиды и приду...

Так говорил благородный Камилл, удаляясь в изгнание.

Прошло менее года, и тяжкое бедствие обрушилось на римское государство, едва не приведшее его к гибели. Рим подвергся нашествию галлов.

Галлы были народом кельтского происхождения. Когда-то они покинули свою родину и двинулись на поиски новых земель. Одни племена шли по северным районам Европы, другие заняли равнины между Пиренеями и Альпами. Позднее десятки тысяч

Умирающий галл

галлов перешли Альпы и вторглись в плодородные долины Северной Италии.

Галлы вели кочевую жизнь. Земледелие они презирали. Походы, сражения, пиры они считали единственным занятием, достойным мужчин. Небольшого роста, крепко сложенные, кочевники были прирожденными воинами. Сражаясь, они не закрывали головы шлемом: их длинные, косматые волосы развевались по ветру, а опущенные вниз длинные усы придавали им дикий, воинственный вид. Перед боем воины надевали яркие праздничные одежды, а шею украшали золотыми ожерельями. Оружием им служили длинный меч, кинжал и пика. Сражались галлы преимущественно пешими.

В начале IV в. до н. э. одно из многочисленных племен галлов вторглось в Этрурию и осадило город Клузий, дружественный Риму. Жители обратились к римлянам за помощью. Римский сенат отправил к галлам послов. Среди них были три представителя знатного и всеми уважаемого рода Фабиев.

Галлы временно прекратили военные действия и встретили послов с подобающими почестями. Те передали письма, взятые из Рима, и просьбу сената не нападать на клузийцев, старинных союзников и друзей римского государства. Обратившись к предводителю галлов Бренну, послы спросили:

— За что напали вы на город Клузий? Чем провинились перед вами его жители?

Брэнн нагло рассмеялся и ответил:

— Клузийцы виновны в том, что не хотят уступить нам часть своей земли, хотя мы бедны и нас много, а они богаты землей. Точно так же виноваты были перед вами, римлянами, жители многих городов и земель, которые вы захватили. Когда народы не делятся с вами, вы, римляне, начинаете войну, опустошаете земли, покоряете города, а жителей обращаете в рабство. Я не осуждаю вас и не вижу в том, что вы делаете, ничего несправедливого и ужасного. Сильный должен подчинять себе слабого. Это древний закон и людей и зверей. Бросьте-ка, римляне, жалеть осажденных клузийцев. А то галлы могут последовать вашему примеру и пожалеть те народы, которые терпят несправедливость от Рима!

Послы поняли, что им не убедить галлов, и, покинув их лагерь, направились в Клузий, чтобы там рассказать о результатах своих переговоров.

Вскоре осажденные предприняли вылазку. Под стенами города завязалось сражение. Один из римских послов, Квинт Амбуст Фабий, присоединившись к клузийцам, напал на одного из галльских предводителей — высокого, ловкого и красивого всадника. Поединок проходил быстро, стремительно. Звенело оружие, храпели кони, сталкиваясь друг с другом. Из-за быстроты движений и поднятой лошаадьми пыли первое время никто не мог различить того, кто бился на стороне клузийцев. Но вот галльский воин упал на землю. Римлянин соскочил с коня и стал, по обычаю, снимать с убитого вооружение. И тут только предводитель галлов узнал в победителе одного из римских послов. Бренн закричал громким голосом:

— Боги свидетели! Этот римлянин нарушил священный обычай! Он прибыл как посол, его встретили как посла, ему оказали почести, его пропустили в осажденный город... А теперь он сражается против нас как враг!..

Галлы прекратили битву, решив снять осаду Клузия и идти на Рим. Войско их медленно продвигалось. Бренн отправил послов в Рим с требованием выдать Фабия, нарушившего законы войны, а сам стал ждать ответа.

Когда в Риме узнали о случившемся, немедленно собрался сенат. Многие сенаторы осуждали поступок Фабия. Жрецы-фециалы, которые считались хранителями международных обычаев, говорили:

— Квинт Амбуст Фабий совершил кощунство и навлек позор на Рим. Сенат должен выдать виновного галлам. Пусть он понесет справедливую кару, а Рим восстановит свою честь.

Сенаторы не пришли к единому мнению и обратились к Народному Собранию. Народу нравилась смелость Квинта Фабия, и он не захотел его наказывать. Более того, Фабий и его братья были избраны военными трибунами.

Когда об этом стало известно галлам, они пришли в ярость. Их медлительность исчезла, и они стремительно двинулись на Рим. Враг так спешил достигнуть своей цели, что нигде не задерживался, не разорял те земли, какие лежали на его пути. Когда тысячи вооруженных галлов проходили мимо одного из городов, то кричали жителям, которые заперли ворота и стояли на стенах, готовые к защите:

— Не бойтесь! Мы идем на Рим! Только римлянам мы объявили войну! Остальные народы — наши друзья!

Римское войско выступило навстречу противнику. Сорокатысячную армию возглавляли военные трибуны. Римские военачальники и воины относились к галлам пренебрежительно. Римляне разбили лагерь в девяноста стадиев¹ от Рима, у небольшой речки Аллии, при ее впадении в Тибр.

Вскоре показались передовые отряды галлов, а затем и главные их силы. Заиграли тысячи боевых рожков и свирелей, и воздух огласился страшными криками галлов. Они бросились вперед, смяли левое крыло римлян, почти полностью истребив его. Правый фланг тоже понес большие потери и обратился в бегство. Ужас, который вселили галлы в сердца римских воинов, был так велик, что они в бегстве сбивали с ног и топтали друг друга. Часть солдат бежала в Рим. Другие укрылись в соседних Вейях, так как были уверены, что Рим сегодня же будет занят врагом. Такого поражения римляне еще не знали. Произошла битва 18 июля 390 г. до н. э.

Если бы галлы сразу начали преследовать врага, они на плечах беглецов ворвались бы в Рим. Но они сначала не поняли значения своей победы. Задержал их также и раздел добычи. Время было упущено.

Римляне воспользовались передышкой. Толпы мирных жителей спешили оставить город, который воины не надеялись защитить. Решили укрепить только Капитолий — крепость, расположенную на высоком холме с крутыми обрывистыми склонами. Туда стали сносить оружие и запасы продовольствия.

Старейшие сенаторы и жрецы не пожелали укрыться за стенами Капитолия и стать обузой для его защитников. Они облачились в праздничные одежды, пришли на форум, уселись там в кресла, сделанные из слоновой кости, и стали ожидать своей судьбы.

На третий день, после битвы при Аллии, к вечеру галлы подошли к Риму. Ворота города были открыты, а на стенах не было видно ни одного воина. Однако противник побоялся сразу вступить в город и решил дожидаться утра. Галлам казалось невероятным, что римляне отказались от сопротивления. Они опасались,

¹ Стадий — мера длины — около 185 м.

Галлы убивают сенатора

лись какой-либо хитрости или западни. Утром разведчики донесли, что никакой опасности нет, и галлы через Коллинские ворота устремились в Рим. Улицы были пусты, двери домов закрыты, все кругом словно вымерло.

Когда галлы дошли до форума, они увидели нескольких стариков, сидящих в креслах. Ни один из них не двинулся с места. Пришельцы остановились в изумлении, приняв этих людей за искусно сделанные статуи. Один из солдат противника приблизился к сенатору Манию Папирию и осторожно потрогал его за подбородок, затем, осмелев, дернул за длинную бороду. Старик поднял посох и ударил им дерзкого обидчика. Галл выхватил меч и зарубил Папирия. Другие галлы бросились на стариков и перебили их. Затем враги рассыпались по улицам, убивая всех, кто встречался на их пути. Начались грабежи, поджоги и бесчинства: Рим запылал и через несколько дней превратился в груды развалин. С волнением смотрели на гибель родного города римляне, укрывавшиеся за стенами Капитолия. Они отклонили предложение сдаться и готовились обороняться до последнего человека.

Осада Капитолия оказалась длительной: проходили месяцы, а крепость не удавалось взять. Отряды галлов в поисках пищи рыскали по окрестностям, опустошали их, чем возбуждали ненависть местного населения к себе.

В латинском городе Ардее, расположенном в полутора десятках километров от Рима, поселился Марк Фурий Камилл после того, как был изгнан из Рима. Он жил там, как простой гражданин. Однако, когда пришли известия о нашествии галлов, о поражении при Аллии, о гибели Рима, Камилл решил покарать врагов своей родины. Он страстно убеждал ардейцев не оставаться в стороне от борьбы:

— Борьба с галлами — общее дело. Рим только начало. Когда падет Капитолий, варвары уничтожат один за другим города Италии. Непосредственная опасность грозит и Ардее...

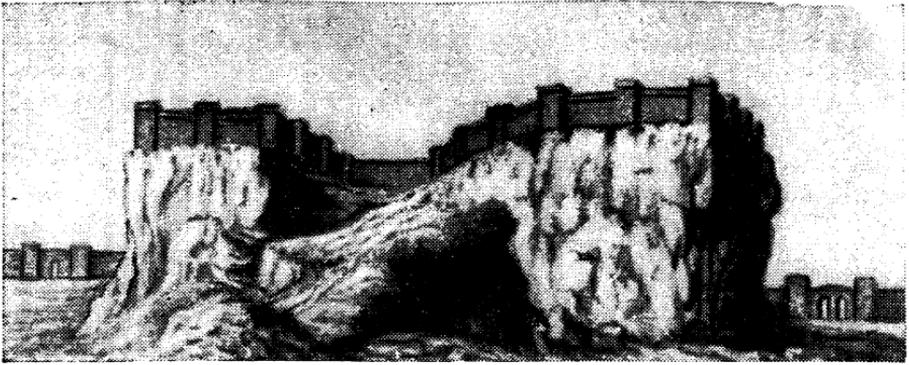
Молодежь охотно слушала Камилла. Обеспокоены были событиями и городские власти, которые передали в руки Камилла организацию обороны города. Он энергично принялся за дело, вооружив всех, кто был способен носить оружие. Так в Ардее тайно были созданы войска, о существовании которых мало кто подозревал.

После очередного набега большой отряд галлов возвращался в Рим. Противник, обремененный добычей, двигался медленно. На равнине, неподалеку от Ардеи, они расположились на ночлег. Ни о чем не беспокоясь, они пировали и заснули, даже не выставив часовых. Лазутчики донесли обо всем Камиллу, и тот решил воспользоваться беспечностью врага. С наступлением темноты он вывел из Ардеи своих воинов и неожиданно напал на лагерь галлов. Рев боевых труб и крики атакующих настолько ошеломили врагов, что большинство из них не успело даже оказать сопротивления и погибло.

Весть об успехе Камилла дошла до римлян, которые были в Вейях, куда они бежали после разгрома под Аллией. К Камиллу послали гонцов с просьбой возглавить борьбу против галлов. Камилл ответил гонцам:

— Я не могу решать. Я только слуга отечества. Ныне мое отечество в Капитолии, там, где граждане защищают последний клочок римской земли. Вопреки воле защитников Капитолия я ничего не сделаю. Их воля для меня закон...

Тогда молодой Понтий Каминий вызвался пробраться в осажденный Капитолий и передать слова Марка. Каминий не взял письма, чтобы, в случае неудачи, враги ничего не могли бы узнать. Он запомнил все, что ему надо передать, надел на себя легкую одежду, под которой спрятал кусок коры пробкового дуба. За день Понтий Каминий прошел весь путь и, когда стало темно, был уже на берегу Тибра. Мост охраняли галльские часовые. Понтий снял с себя одежду, обмотал ею голову и вошел

Капитолийский холм

в реку. Пробковая кора хорошо держала его на воде. Переплыв Тибр, он вышел к городу и осторожно двинулся далее. Свет костров, шум и говор указывали ему, где враги, и Каминий стороной обходил опасные места. Так в темноте он достиг подножия Капитолия. Вокруг стояла тишина. Капитолийский холм здесь был особенно крутым и недоступным, и поэтому галлы почти не охраняли это место.

С огромными усилиями, цепляясь за каждый выступ, рискуя ежеминутно сорваться, лез Каминий по отвесной скале. Добравшись до стены, он окликнул стражу и назвал себя. Его впустили и провели к начальникам. Немедленно собрался сенат, где Понтий сообщил о победе Камилла. Осажденные ничего об этом не знали, и их радость была велика. Сенат единодушно назначил Марка Фурия Камилла диктатором, обладающим неограниченной единоличной властью в военных и гражданских делах.

Тем же путем Понтий Каминий спустился вниз и благополучно возвратился. Римляне радостно встретили решение сената. Вскоре в Вейи прибыл Камилл со своим отрядом, к которому присоединились еще двадцать тысяч человек. Камилл стал готовиться к нападению на галлов.

Между тем в Риме произошли важные события. Днем галльский дозор обходил Капитолийский холм и случайно остановился у того места, где ночью взбирался наверх гонец. Солдаты заметили следы ног, осыпавшиеся комья земли, обломанные ветки кустарника, за которые цеплялся Понтий. Немедленно об этом сообщили командиру. Бренн внимательно осмотрел склон холма, помолчал, а затем велел собрать воинов, наиболее искусных в лазании по горам. Когда они прибыли, Бренн обратился к ним со словами.

— Воины, мы давно здесь стоим и не знаем, как овладеть цитаделью Рима. Сейчас враги сами показали путь, который мы

не могли отыскать. На ту скалу поднялся римлянин, значит, может подняться и галл. Где смог пройти один человек, пройдет другой, третий, пройдет много людей. Многим даже легче будет подниматься, они помогут друг другу. Сегодня ночью мы овладеем Капитолием. Идите, воины, вы получите награды, добычу, ваша храбрость принесет вам славу!

В полночь большой отряд галлов собрался у подножия Капитолийского холма. Молча, помогая друг другу, они полезли на скалу. Подъем оказался более легким, чем предполагали. Скоро первые несколько человек достигли вершины. За ними поднялись другие и стали скапливаться у стены. Внутри цитадели стояла тишина: усталые защитники крепости крепко спали. Заснули и дозорные. Не почувяли ничего и сторожевые собаки. Галлы уже были готовы подняться на стену, как вдруг в Капитолии послышалось гоготанье. Это закричали священные гуси при храме богини Юноны. Гогоча и хлопая крыльями, птицы подняли страшный шум, от которого проснулись римские воины. Увидев, что они обнаружены, галлы с воинственными криками бросились на приступ.

Первым заметил врага бывший консул Манлий — смелый и сильный воин. На него устремились двое галлов. Одним взмахом меча Манлий отсек руку врагу, который бросился на него с оружием, а второго галла ударом щита сбросил со скалы. В это время подоспели другие римляне. Завязалась ожесточенная схватка. Скоро все галлы были убиты, а тела их сброшены вниз. Утром сбросили со скалы и начальника римского караула, который, заснув на своем посту, едва не погубил всех. Доблестный Манлий получил самую высокую награду, какую могли дать осажденные, — каждый отдал ему свою порцию хлеба и вина.

После этой неудачи галлы пали духом. Кроме того, им все труднее стало находить пищу, так как Камилл нападал на отряды, искавшие продовольствие. Врагу грозил голод.

Непривычная жара изнуряла осаждающих. Тысячи непогребенных трупов отравляли воздух. Малейший ветер гнал пыль и пепел от сотен сгоревших домов, затрудняя дыхание. Начались повальные болезни в стане противника.

Положение осажденных в Капитолии также стало невыносимым. Шел седьмой месяц осады, запасы продовольствия иссякли, и люди голодали. Защитники Капитолия не имели никаких вестей от Камилла, так как галлы теперь бдительно несли охрану, и никто не мог проникнуть в крепость. Измученные римляне решили начать переговоры. Галлам также хотелось скорее кончить войну. Представитель римлян встретился с Бренном, который потребовал от осажденных тысячу фунтов золота, после чего обещал покинуть Рим и его владения. По обычаю условия договора скрепили взаимной клятвой.

Принесли золото и стали взвешивать. Галлы хотели обмануть римлян и получить побольше золота. Они потихоньку, а затем открыто стали наклонять чашку весов. Римляне негодовали. Тогда Бренн снял с себя тяжелый меч и бросил его на весы.

— Что это значит? — воскликнули римляне.

— Это значит — горе побежденным! — ответил Бренн.

Силы были слишком неравны, и осажденным пришлось отдать больше золота, чем указывалось в договоре.

В это время послышались звуки труб, и в воротах города показался Камилл, за которым шли его воины. Он узнал о переговорах с галлами и поспешил на помощь своим соотечественникам. Перед ним все расступились. Камилл подошел к весам, снял с них золото, передал его своим ликторам, и сказал, обращаясь к пришельцам:

— Возьмите свои весы, гири и уходите! Римляне спасают свою честь не золотом, а железом!

Бренн воскликнул:

— Римляне нарушают договор, который скреплен клятвой!

На это Камилл возразил:

— Этот договор незаконный и не имеет силы. После того как я был избран диктатором, вся власть перешла ко мне. Лишь диктатор может заключить договор, а я его не заключал и не заключаю!

Тогда рассвирепевший Бренн подал сигнал к бою. обнажив мечи, галлы и римляне бросились друг на друга. На узких улицах, среди развалин, не могло развернуться настоящее сражение, а лишь отдельные, беспорядочные стычки, которые закончились, когда стемнело.

Убедившись в том, что римлян ему не разбить, Бренн решил вывести свои войска из города, а ночью двинулся к городу Габий. Там, на рассвете, Камилл настиг галлов. Римляне горели желанием сразиться с врагами своей родины. Началась битва, продолжавшаяся весь день. Галлы потерпели сокрушительное поражение.

Победители возвратились в освобожденный Рим, где семь месяцев находились галлы.

Вернулись в Рим и жители, которые укрывались в Вейях. Навстречу своим женам и детям вышли героические защитники Капитолия: бледные, измученные, едва держащиеся на ногах от голода и лишений, они со слезами обнимали своих близких. Все превозносили Камилла и говорили:

— Он второй основатель Рима!

— Он возвратил Риму Рим!

Камилл удостоился триумфа, который он заслужил как спаситель отечества,

Теперь предстояло много работы, чтобы заново построить разрушенный город, но мало было сил и не хватало средств. Многие граждане говорили:

— Зачем восстанавливать Рим? Надо покинуть пепелище и переселиться в Вейи. Они сохранились, и там удобно жить.

Некоторые люди стали поднимать голос против Камилла:

— Он заставляет нас разбирать развалины и восстанавливать город из собственного честолюбия. Камиллу мало славы полководца-диктатора. Он хочет заслонить собой Ромула!

Чтобы окончательно покончить с вопросом о будущем государства, Камилл решил созвать сенат. Вот поднялся старый Луций Лукреций. Он обычно всегда говорил первым, и к его голосу все прислушивались. Вдруг за дверью послышался топот: это проходил отряд дневной стражи. В тишине четко прозвучал голос центуриона:

— Лучше всего здесь остановиться на отдых!

Луций Лукреций не колеблясь повторил слова центуриона и добавил:

— Да, римляне, отдых должен быть здесь, где город наших отцов и дедов, где гробницы наших героев, могилы наших предков!

Все единодушно пришли к тому же мнению. И вот закипела работа. За год почти весь город был отстроен, но не по определенному плану. Граждане строились так, как хотели, и в Риме появилось много узких, кривых улиц и тупиков.

Еще не закончились восстановительные работы, как пришло известие о вторжении во владения римлян соседних племен эквов, вольсков и латинян, которые осадили дружественный Риму город Сутрий. Вскоре стало известно, что неприятель окружил римское войско у Медицейской горы. И тогда опять Рим обратился к Камиллу, избрав его диктатором.

Ему с трудом удалось набрать солдат, так как большая часть людей, способных носить оружие, ушла из города. Пришлось вооружить даже тех, кто вышел из призывного возраста.

Камилл двинулся в обход Медицейской горы в тыл врага. Неприятель, заметив костры римской армии, испугался, что очутится между двух огней, и стянул все свои силы в лагерь, который поспешно укрепил. Враг решил обороняться.

Камилл понял, что надо торопиться, пока к противнику не подошла помощь. Взглянув на неприятельский лагерь, он увидел, что все укрепления в нем деревянные. Знал также Камилл и то, что с гор каждое утро в направлении вражеского лагеря дует сильный ветер.

Римский диктатор приказал заготовить большое количество зажигательных стрел. Затем он разделил свои силы на две части, приказав одним бросать в врагов копья, стрелять из луков

и как можно громче кричать, привлекая к себе внимание противника. Сам Камилл с другой частью войска занял позицию спиной к горам. Рассвело. Камилл и его воины стояли неподвижно. Но вот взошло солнце и с гор, как обычно по утрам, подул резкий, сильный ветер. Военачальник римлян дал знак — и тысячи зажигательных стрел посыпались в лагерь. Они впились в дерево, поджигая его. Ветер раздувал пламя. Запылала ограда лагеря, за ней другие деревянные постройки. Люди сбились в кучу и гибли в огне. Те, кто выскакивал из огня, падали под ударами копий и мечей римлян.

После этой победы Камилл двинулся на выручку осажденно-го этрусками Сутрия. По пути римляне встретили толпу измученных и усталых людей в рваных одеждах. Это были граждане Сутрия. Они не выдержали осады и сдали город. Враги выгнали их за ворота в одном платье, сохранив им жизнь. Камилл и римские воины были тронуты жалким видом сутрийцев.

— Надо спешить, — сказал Камилл, — и сразу идти на Сутрий. Те, кто захватил только что богатый город и изгнал его жителей, не опасаются врагов ни изнутри, ни извне. Они заняты добычей, пирами и забыли об осторожности.

Камилл оказался прав. Когда римляне подошли к городу, они не встретили караулов, так как этрусски, уставшие от грабежа и пьянства, спали. Когда этрусски заметили неприятеля, было уже поздно.

Этот подвиг Камилла принес ему новую славу. Он впоследствии не раз командовал римскими войсками и бил противника. В последний раз ему пришлось оставить дом и идти на поле битвы уже глубоким стариком: Камиллу шел восьмидесятый год. До Рима докатился слух: галлы идут! Все жители и сенат единодушно потребовали, чтобы, как когда-то, диктатором вновь стал «второй основатель города». Камилл, несмотря на старость, не отказался служить отечеству в минуту грозной опасности. Огромный боевой опыт помог Камиллу-полководцу выработать особую тактику борьбы со старым противником.

Галлы сражались длинными мечами, которыми старались поразить врага в голову или плечо. Зная это, Камилл приказал выковать для своей тяжелой пехоты железные шлемы с гладкой, полированной поверхностью, чтобы плохо закаленные мечи врага соскальзывали, не нанося вреда, или ломались. Щиты он велел обить медью. Всинцов обучили не метать копья, а, превратив их в пики, подставлять как защиту от вражеских мечей.

Когда стало известно, что галлы приближаются, Камилл пошел им навстречу. Скоро римляне увидели лагерь противника. Марк Фурий Камилл расположил свои силы на холме, который покрывал лес, неподалеку от реки Аниена. Это позволяло, до поры до времени, укрыть большую часть римских солдат. Тем

же, которые были видны неприятелю, диктатор приказал укрепиться и стоять спокойно, не препятствуя галлам выходить из лагеря и грабить окрестности.

— Пусть враги думают, что римлян немного и что они боятся сразиться с многочисленным противником,— сказал он.

Так римляне и поступили. Галлы бесчинствовали вблизи римского лагеря, насмехались над воинами и называли их трусами. Римляне не отвечали. Враг чувствовал себя в безопасности и перестал обращать внимание на своего противника.

Когда Камилл убедился, что галлы не думают об опасности, а пьют вино, делят добычу, он ночью поднял свое войско — и стоявших в лагере, и скрытых в лесу.

Впереди шла легковооруженная пехота. Она первая завязала бой. Галлы оттеснили ее. Но за ней стояла римская тяжеловооруженная пехота. Солдаты противника, уверенные в успехе, крича и размахивая мечами, ринулись вперед, чтобы схватиться врукопашную. Копья римлян отбивали удары мечей и пробивали кожаные щиты врагов. Мечи галлов скользили по полированным доспехам римских солдат и ломались. Скоро галлы фактически оказались безоружными. Тогда ударила римская пехота. Галлы побежали, но мало кто из них успел спастись. Весь лагерь и большая добыча достались победителям.

Произошло это событие двадцать три года спустя после взятия галлами Рима. Но битва при Анниене была последней для Камилла. Вскоре в Риме вспыхнула эпидемия, от которой умирали тысячи людей. Камилл заразился и умер.

Фабий Максим

Прошло уже более двадцати лет со времени окончания первой Пунической¹ войны, когда весной 218 г. до н. э. в Карфаген² прибыли римские послы. Все эти годы обе враждующие стороны тщательно готовились к возобновлению борьбы за власть и влияние в Средиземноморье и искали повод к столкновению.

Почтенные римские сенаторы выдвинули обвинение, что карфагенский полководец Ганнибал нарушил условия мирного договора, и потребовали его выдачи. На заседании сената Карфагена один из послов Рима, Квинт Фабий, подобрав переднюю полу своей тоги так, что образовалось углубление, сказал:

— Здесь я приношу вам войну и мир! Выбирайте!

На эти слова он получил гордый ответ карфагенян:

— Выбирай сам!

Тогда Квинт Фабий распустил тогу и воскликнул:

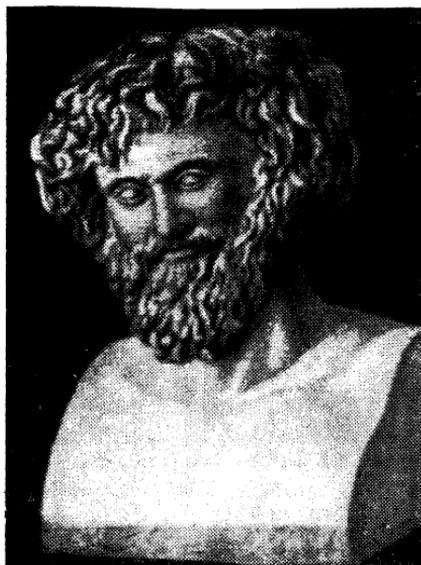
— Я даю вам войну!

Так была объявлена вторая Пуническая война, в которой послу Фабию предстояло сыграть большую роль. В этой борьбе упорство и осторожность Рима одержали победу над блестящим военным талантом Карфагена.

Римляне, готовясь к войне, предполагали вести ее на территории врага. С этой целью были созданы две армии: одну из них направили в Испанию — крупнейшую карфагенскую колонию, а другая готовилась к отправке в Африку. Однако точно

¹ Пуническая война — война с карфагенянами, которых римляне называли пунами.

² Карфаген — могущественный город-государство в Северной Африке (территория нынешнего Туниса), основанный финикийцами в IX в. до н. э.

Ганнибал

ненависти к римлянам, дал ему отличное образование под руководством греческих учителей и подготовил из него блестящего полководца.

Вскоре 25-летний Ганнибал занял пост главнокомандующего испано-карфагенской армии в Испании. Он тщательно изучал своего противника, часто прибегал к помощи шпионов. Во всех его действиях сказывались не только редкий талант военачальника, но и выдающееся дарование политического деятеля.

Осада карфагенянами дружественного римлянам города Сагунта привела к объявлению войны, которой Ганнибал давно желал.

Превосходство римского флота над карфагенским делало Италию неуязвимой для вражеских нападений с моря. Тогда Ганнибал предложил свой план вторжения в Италию с севера через Альпы, одновременно рассчитывая на то, что появление вражеских войск на итальянской земле приведет к восстанию покоренных Римом народов. Весной 218 г. до н. э. Ганнибал выступил со своей многочисленной армией из Нового Карфагена в Испанию. В сентябре того же года его армия, потеряв почти половину своего состава, усталая и измученная, спустилась с крутых отрогов Альпийских гор в равнины Цизальпинской Галлии.

Появление Ганнибала было полной неожиданностью для римлян. Приходилось на ходу менять военные планы. Сенат приостановил отправку войска в Африку. Две армии римских консулов

разработанный план военных действий вскоре пришлось изменить.

Неожиданно для римлян, с севера, через Альпы в Италию вторглось большое войско противника под предводительством карфагенского полководца Ганнибала, происходившего из семейства Баркидов. Члены этой семьи были злейшими врагами Рима. Отец Ганнибала — Гамилькар — после неудачной войны с Карфагена первой войны с Римом в течение нескольких лет готовил в Испании войска для новых сражений. Своих сыновей — Ганнибала, Гасдрубала и Магона — он воспитал непримиримыми противниками Рима.

Отец Ганнибала еще в детстве взял с него клятву в вечной

Тиберия Семпрония и Корнелия Сципиона, равные по численности войску Ганнибала, спешили ему навстречу. Казалось, этих войск было вполне достаточно для защиты Италии от измученных тяжелым переходом войск Карфагена, и поэтому Рим спокойно ожидал сообщений о поражении Ганнибала.

Однако вопреки ожиданиям поступило известие о разгроме римлян при реке Требии (декабрь 218 г. до н. э.). Эта весть вызвала в Риме тревогу и недоумение. Правда, было известно, что конница у противника много сильнее, чем у римлян, но пехота карфагенян, состоявшая из различных племен, по своим боевым качествам значительно уступала римским легионерам.

Поражение римских войск вызвало в Риме большое возбуждение, приведшее к возобновлению борьбы между правящими партиями.

Народная партия обвинила сенат и нобилитет в нераспорядительности и небрежной защите народных интересов. Вновь назначенные полководцы повели навстречу Ганнибалу свежие войска. Один из них — глава народной партии Гай Фламиний горел желанием поскорее встретиться с Ганнибалом и показать пример ставленникам сената. Ему поручили командование армией, стоявшей у Арреция и закрывавшей дорогу на Рим.

Однако Ганнибал сумел обойти горные позиции римлян. Четыре дня его войска шли по Тосканским болотам и вышли в тыл противнику. В результате Фламиний, бросившийся догонять неприятеля, попал в засаду у Тразименского озера и погиб в трехчасовой битве 21 июня 217 г. до н. э. В руках Ганнибала оказалась вся Этрурия, и путь на Рим был открыт. Эта битва явилась не только вторым военным поражением римлян, но и поражением народной партии.

В Риме известие о разгроме вызвало панику. Срочно были разобраны мосты через Тибр, укреплены стены, набрана резервная армия. Встал вопрос о том, кому поручить командование войсками. Было ясно, что римские полководцы, избираемые на год, не имеющие достаточного военного опыта и знаний, не могут противостоять военному гению Ганнибала.

Риму был необходим полководец осторожный и благоразумный. Наконец, по решению сената командовать войсками было поручено Квинту Фабия. Ему были даны диктаторские полномочия, так как республика находилась в крайней опасности.

Назначение Фабия многих привело в недоумение. Это был тихий и незаметный человек, молчаливый и медлительный. Еще в детстве он отличался уступчивостью по отношению к товарищам и робостью в играх. Его прозвали овечкой. Фабий с трудом усваивал науки, которые изучал, и многие считали его недалеким. Но в нем сочетались упорство и трудолюбие, благоразумие и настойчивость. Он происходил из знатного рода и был

уверен в том, что рано или поздно ему придется командовать войсками и занимать высокие государственные посты. Квинт Фабий занимался военным делом и приучал себя к длительным походам. Готовясь к публичным выступлениям, Фабий упражнялся в красноречии. Выдающимся оратором он не стал, но речи его отличались простотой и разумностью.

К началу второй Пунической войны Квинт Фабий стал уже сенатором и участвовал в посольстве в Карфаген. Он же и объявил войну противнику.

Назначая Фабию диктатором, сенат надеялся на его осмотрительность и стойкость, которую многие принимали за нерешительность и упрямство. Новый диктатор был уже немолод. Он добился у сената позволения участвовать в походе верхом на лошади. Все прежние диктаторы, согласно закону, должны были всегда находиться в строю пехоты.

Диктатор Квинт Фабий прибыл в армию с твердым намерением уберечь ее от разгрома. Приехав на место, он убедился, что поражения римлян губительно отозвались на боевом состоянии войск. Солдаты сильно пали духом, считая Ганнибала непобедимым, а войну полностью проигранной. Новый командующий прежде всего постарался убедить всех в том, что причина неудач кроется не в трусости солдат, а в пренебрежительном отношении полководцев к богам. Фабий говорил повсюду, что спасение государства зависит прежде всего от жертвоприношений и молитв. (Сам он дал обет принести в жертву богам множество коз, свиней и овец.)

В отношении Ганнибала Фабий принял решение всячески уклоняться от сражения, которое он не надеялся выиграть. Карфагенский полководец напрасно стремился вызвать римлян на решительный бой. Римские войска следовали по пятам армии Ганнибала, держась горной местности, неудобной для действий превосходной вражеской конницы. Мелкими стычками Фабий стремился затруднять карфагенянам снабжение армии.

Тем временем Ганнибал проходил со своими войсками по всем областям Италии от Умбрии до Лукании на юг, а затем через Самний в Кампанию, объявляя себя освободителем италиков от римского ига. По пути карфагенские солдаты беспощадно разрушали римские и латинские колонии и поселения. Следуя за противником, римские солдаты беспомощно наблюдали за тем, как на равнине пылали селения колонистов. В армии росло недовольство: солдаты смеялись над Фабием, называя его «дядькой» Ганнибала. Особенно настойчиво требовал у диктатора энергичных действий начальник конницы, сторонник народной партии Марк Минуций. Он говорил повсюду, что командующий располагается лагерем на высотах для того, чтобы солдаты видели, как жгут и опустошают их родную Италию. В сенате опасались, как бы

бездействие Фабия не привело к отпадению союзников, земли которых на виду у римской армии опустошались Ганнибалом.

Фабий относился к насмешкам спокойно, и прочно укрепившаяся за ним прозвище Кунктатор (т. е. «Медлитель») его не трогало. Друзья диктатора, рассказывая ему о насмешках, убеждали Фабия смыть с себя бесчестие нападением на врага. Но на это он ответил:

— Я был бы гораздо трусливее, чем кажусь, если б боязнь насмешек и оскорблений заставила меня изменить моему решению. Бояться за родину не постыдно, но бояться мнения, клеветы, порицания — недостойно человека, обличенного высоким званием, а прилично разве человеку, готовому отдаться в рабство людям, ошибки которых он должен сдерживать и подавлять.

Но недовольство сената вынудило его действовать. Вскоре Фабию представился случай встретиться с неприятелем.

Ганнибал, опустошив Кампанию, возвращался на юг, где он собирался провести зиму. Фабий, прекрасно зная местность, сумел обойти противника и занял узкие проходы на пути Ганнибала в горах, разделявших Кампанию и Самний. Остальная часть римской армии находилась в тылу вражеского войска. К ночи карфагеняне оказались запертыми в узкой долине.

Римляне заняли превосходные позиции на возвышенностях и, атаковав карфагенян с тыла, нанесли им значительный урон. Казалось, что выйти из затруднительного положения невозможно и что с рассветом войско карфагенян будет уничтожено. Тогда Ганнибал приказал собрать около двух тысяч быков, захваченных у римлян, и привязать каждому из них к рогам связку сухих прутьев. Затем прутья подожгли, а быков погнали на римских солдат, занимавших выход из долины. В темноте римлянам показалось, что они окружены врагами, которые собираются напасть на них, и в панике отошли. Сразу же легкая пехота Ганнибала, шедшая вслед за быками, заняла холмы у прохода. После этого вся армия карфагенян вышла из долины, унося с собой богатую добычу, награбленную в Кампании.

Фабию сообщили о том, что карфагеняне уходят, однако, из осторожности, опасаясь засады, диктатор не предпринимал никаких действий до самого рассвета. Когда он попытался днем напасть на неприятеля с тыла, то Ганнибал послал во фланг римлянам испанских воинов. Римляне, не выдержав неожиданного нападения, отступили с большими потерями.

После того как стало известно, что Ганнибал ловко обманул Фабия и сохранил свои войска, общее возмущение «Медлителем» усилилось. Повсюду раздавались голоса, осуждавшие его нерешительность.

Благодаря тактике Фабия римляне не терпели поражений, и прежний страх перед Ганнибалом был уже забыт. В связи с

этим в Риме вновь присбтели силу сторонники энергичных действий. По их требованию начальнику конницы Фабия — Минуцию также были даны диктаторские полномочия. Впервые в истории республики в Риме оказалось сразу два диктатора, каждый из которых командовал отдельной армией.

Правда, первые же самостоятельные действия Минуция окончились плачевно: только благодаря подоспевшему на выручку Фабию его армия избежала полного разгрома. Но это не охладило тех, кто считал необходимым вести решительную борьбу с Ганнибалом. Вскоре истек срок полномочий Квинта Фабия, и он сложил с себя власть диктатора.

На выборах 216 г. до н. э. выдвинули двух консулов для командования армией. Один из них — Теренций Варрон — являлся ставленником народной партии и был сторонником энергичного ведения войны. Второго консула — Эмилия Павла — избрали по настоянию сената. Он придерживался осторожной тактики Фабия. По старинному обычаю, консулы должны были командовать армией через день, по очереди, чтобы не возникали между ними разногласия. В их распоряжение предоставили вновь сформированные легионы. Римская армия теперь насчитывала около 80 тыс. человек. Такого количества солдат Рим не выставлял еще ни в одной войне. Фабий высказывал опасение, что если такая огромная армия потерпит поражение, то республика никогда не оправится от удара. Но к его голосу никто не прислушался. Все ждали от новых консулов вестей о победе над Ганнибалом.

Римляне встретились с карфагенянами в Апулии, в долине реки Ауфиды близ города Канны. Эмилий Павел советовал продвинуться к югу, так как открытая равнина была удобна для действий карфагенской конницы. Но Теренций, которому в день 2 августа 216 г. до н. э. принадлежало командование, решил дать бой.

Войска Ганнибала, насчитывая вдвое меньше пехотинцев — всего сорок тысяч, сохраняли лишь превосходство в коннице (10 тыс. против 6 тыс. римских всадников). Однако карфагенский полководец сумел чрезвычайно искусно построить свою немногочисленную армию: в центре он поставил наименее стойкие войска, расположив их в виде полумесяца, обращенного выпуклой стороной к противнику; на флангах находились самые храбрые и стойкие солдаты.

Замысел Ганнибала был точен. Уверенные в превосходстве своих сил, римляне попали в расставленную им ловушку. Они потеснили центр карфагенской армии и, преследуя отступающих, вклинились в расположение войск противника. Стоявшие на флангах отборные части войск Ганнибала напали на них слева и справа. Тем временем с тыла зашла карфагенская кавалерия. Римская армия была окружена и почти полностью уничтожена.

Удалось спастись лишь небольшому отряду во главе с Теренцием Варроном. Эмилий Павел погиб.

Ожидали, что Ганнибал, следуя по пятам отступавших римлян, ворвется в столицу. В этот тяжелый для государства час вновь необычайно возрос авторитет Квинта Фабия. Он не потерял присутствия духа, спокойно ходил по городу, ласково и весело здоровался со всеми, советовал гражданам, собиравшимся вместе, меньше горевать об общем бедствии. Перед угрозой вражеского нашествия в Риме прекратились внутренние раздоры. Чтобы подчеркнуть единодушие граждан, Фабий вместе с другими сенаторами вышел навстречу Теренцию Варрону, прибывшему в Рим после поражения армии. Они выразили ему благодарность за то, что он не впал в отчаяние и явился, чтобы участвовать в защите родного города. Вскоре стало известно, что Ганнибал направился вновь в поход по областям Италии. На его сторону под влиянием карфагенских побед перешли многие итальянские союзники римлян, несколько крупных городов, в том числе и Капуя — первый по значению город после Рима. Это облегчало задачу Ганнибала по снабжению своих войск провиантом.

Для римлян неудачно складывалась обстановка и в других местах военных действий. В Сицилии высадилось двадцатипяти-тысячное войско карфагенян, заняло Акрагант и поддержало восстание в Сиракузах, которые в 214 г. до н. э. тоже присоединились к Карфагену. Царь Македонии Филипп V вступил в союз с Ганнибалом и напал на владения Рима в Иллирии. В Испании брат Ганнибала Гасдрубал уничтожил две римские армии под командой Гнея и Публия Корнелиев Сципионов.

Казалось, республика находится на краю гибели. Жрецы возносили ежедневно молитвы, чтобы боги даровали победу Риму. В Грецию был направлен родственник Фабия, Пиктор, чтобы узнать у знаменитого дельфийского оракула о судьбе Рима.

Были приняты все меры для спасения государства, призваны в армию римские граждане и оставшиеся верными Риму союзники, начиная с 17-ти лет. Так как не хватало оружия, использовали старые трофеи, висевшие на стенах храмов. Фабий был снова избран консулом. С этого времени все римские полководцы, водившие войска против Ганнибала в Италии, придерживались тактики Фабия. Несмотря на то, что карфагеняне продолжали опустошать Италию, римские полководцы твердо решили избегать крупных сражений. Фабия вновь избрали консулом. Но полководческому гению Ганнибала Рим по-прежнему ничего не мог противопоставить. Впрочем, республика стремилась не допустить осуществления основного плана врага — разложения итальянского союза и объединения против римлян всех враждебных им сил. Так проводилась изоляция армии Ганнибала: она лишалась притока резервов и средств к дальнейшему

ведению военных действий. Рим делал ставку на постепенное разложение армии Карфагена и ее уничтожение в условиях затяжной войны.

В течение пяти лет (с 215 по 210 г. до н. э.) римляне, накапливая силы, постепенно продвигались от одной крепости к другой, вытесняя Ганнибала из центральной Италии к югу. Были приняты все меры к удержанию сохранивших верность союзников и возврата тех, кто перешел на сторону карфагенян. Римляне зорко следили, чтобы войска Ганнибала не могли получать подкреплений. Свежие силы республики были направлены в Сицилию, Испанию и против союзника Ганнибала — Филиппа Македонского.

И вот постепенно стали оправдываться слова Фабия, что войну можно выиграть без больших сражений. Карфагенский полководец, не имея перед собой противника, которого он, несомненно, мог бы разбить в открытом бою, с отчаянием убеждался в крушении всех своих планов.

Большинство италийских союзников сохранило верность Риму. Те из них, кто перешел на сторону Ганнибала, оказывали карфагенянам лишь незначительную поддержку. К тому же армия противника была слишком малочисленна, чтобы защищать все подвластные ему области: стоило карфагенскому войску оставить какой-либо район, как тотчас же его занимали римляне. Они сурово расправлялись с изменниками, чтобы устрашить сторонников врага. Понимая, что собственными силами войну не выиграть, Ганнибал возлагал большие надежды на подкрепление. Но сенат Карфагена относился к гениальному полководцу подозрительно, его блестящие замыслы войны в Италии не встретили одобрения, и поэтому резервов не посылали. Карфагенское правительство больше интересовало военные действия в Сицилии и Испании.

В Сицилию, вскоре после Канн, римляне направили одного из лучших полководцев — Марка Клавдия Марцелла. Это был человек железной воли, смелый и талантливый военачальник. Ему удалось добиться перелома в ходе военных действий в пользу римлян. Один за другим были подчинены все крупные города Сицилии. Страшному разграблению подверглись Сиракузы, захваченные после долгой осады. (Обороной города руководил знаменитый греческий математик Архимед.) Карфагенская армия в Сицилии не смогла оказать сопротивления, и вскоре весь остров оказался во власти римлян.

Римлянам удалось нанести тяжелое поражение в Греции Филиппу Македонскому, которому в связи с этим пришлось отказаться от похода в Италию на помощь Ганнибалу. Он вынужден был вступить с римлянами в переговоры и в 205 г. до н. э. заключил с ними мир. Последней надеждой Ганнибала были карфагенские войска в Испании под командой его братьев — Гасдру-

бала и Магона, уничтожившие армию врага вместе с военачальниками. Римлянам, однако, удалось закрепиться на линии реки Эбро и удержать карфагенян от похода в Италию.

Положение в Испании резко изменилось, когда командовать римскими войсками туда прибыл Публий Корнелий Сципион. Он разбил карфагенян в ряде сражений и полностью очистил Испанию от войск противника. Гасдрубал и Магон пытались каждый в одиночку пробиться в Италию навстречу старшему брату. Однако оба они потерпели неудачу. Гасдрубал погиб в битве, а римляне, опознав его, отрубили голову у трупы и подбросили ее в лагерь Ганнибала. Неудачей закончилась попытка Магона высадиться в Лигурии. Прижатый к Тарентскому заливу, лишенный резервов, Ганнибал стал неопасен для Рима.

Дальнейшее пребывание карфагенян в Италии не имело смысла. И все же Ганнибал не торопился уходить. Он знал о том, что в Карфагене после неудачи его ожидает нелюбезный прием. А между тем дела шли все хуже и хуже. Полководцы римлян Фабий и прибывший из Сицилии Марцелл теснили Ганнибала все дальше к югу. Фабий служил как бы щитом отечества. Энергичного Марцелла, постоянно тревожившего Ганнибала внезапными нападениями, римляне называли мечом республики. Один за другим в руки римлян возвращались города, бывшие союзниками Ганнибала. Была взята Капуя, граждане которой понесли суровое наказание. При захвате Тарента каждый из римских полководцев действовал сообразно своим наклонностям. Марцелл вступал в сражения с войсками Ганнибала, в которых то терпел неудачу, то одерживал победы. Осторожный Фабий склонялся к измене гарнизон Тарента, большая часть которого состояла из италийцев. Ганнибал тогда впервые признался в кругу друзей, что у него не осталось никаких надежд на победу.

Последней удачей Ганнибала был разгром Марцелла, когда в неравном бою отважный римлянин погиб. Однако Фабий продолжал осторожно и настойчиво теснить карфагенян: престарелый консул достиг в это время вершины своей славы. Ему оказывали блестящие почести, наградив прозвищем «*Максимус*», что значит «величайший из граждан».

Медлительность Фабия стоила Италии огромных жертв: ее поля были вытоптаны, селения сожжены дотла, крестьяне лишены крова и разорены. И все же только благодаря упрямой тактике «Медлителя» римляне сумели накопить силы и лишить гениального карфагенского полководца всех плодов его смелого замысла. Успехи римлян в Сицилии и Испании дали им возможность оправиться от ряда тяжелых поражений. В римскую казну были внесены огромные суммы, награбленные военачальниками.

Настало время избавить Италию от чужеземных солдат, опустошавших ее города и селения.

План дальнейшего ведения военных операций предложил Публий Корнелий Сципион, снискавший своими победами в Испании славу и популярность. Публий считал необходимым перенести военные действия в Африку, в самый Карфаген. Когда Сципиона избрали консулом, он с большой энергией принялся за подготовку к походу. Однако талантливому полководцу пришлось преодолевать упорное сопротивление сената. Против него выступил и Фабий Максим. Осторожному «Медлителю» казалась опасной всякая смелая мысль, и он упрямо твердил, что поход в Карфаген обречен на неудачу, что нельзя уменьшать вооруженные силы Италии, пока враг угрожает родному городу.

Своими речами он навел страх на римлян. Сенат отказал Сципиону под предлогом истощения казны в средствах на подготовку похода. Полководец был вынужден сам доставать деньги. Так как в успех похода мало кто верил, Сципиону разрешили взять с собой лишь сицилийские войска и добровольцев из солдат, служивших вместе с ним в Испании.

Провожаемый мрачными пророчествами Фабия, Сципион отбыл в Африку на четырехстах транспортных кораблях. Вскоре в Риме разнесся слух о его блестящих победах: консул уничтожил два неприятельских лагеря, захватил богатую добычу. Но что было еще более важно, карфагенское правительство, напуганное успехами Сципиона, предложило Ганнибалу оставить Италию и взять на себя защиту города. Ганнибал собрал свои войска и отплыл в Африку, удачно проскользнув мимо римских судов (203 г. до н. э.).

Весть о том, что карфагенское войско покинуло пределы Италии, вызвала в Риме всеобщее ликование. Было принято решение увенчать лавровым венком Фабия Максима. Эта высокая награда означала, что престарелый консул признан победителем Ганнибала: не смог победить карфагенского полководца в открытых сражениях, но зато одолел его упорством и осторожностью.

Но награда не успокоила старика. Фабий по-прежнему считал, что карфагенская экспедиция принесет республике гибель. По его словам, опасность для Рима возросла оттого, что непобедимый Ганнибал отправился в Африку: защищая Карфаген, он нападет на римлян с удвоенной яростью.

Однако пророчество Фабия не оправдалось. Сципион, искусно используя рознь среди африканских племен, сумел разбить самого Ганнибала. Он смирил гордый Карфаген и тем укрепил власть римлян.

Фабий Максим не дождался конца войны с Карфагеном. Он заболел в то время, когда Ганнибал покинул Италию, и вскоре умер, так и не узнав о поражении своего непобедимого противника. За заслуги в войне с карфагенянами его похоронили на общественный счет как «спасителя отечества».

Катон Старший

Марк Порций Катон родился в латинском городе Тускуле недалеко от Рима в 234 г. до н. э. Его родители не выделялись из числа римских граждан ни своим происхождением, ни богатством. Отец и дед Катона владели небольшим имением в Самнии. Они принимали участие во многих сражениях, неоднократно получали боевые награды, но ни один из них не сделал сколько-нибудь значительной военной или политической карьеры. Катон был первым из всего рода, кому удалось занять место в рядах римской знати. Однако для гордых аристократов он навсегда остался «новым человеком» (так обычно в Риме называли людей, добившихся высших должностей благодаря каким-либо заслугам).

Катон смолоду отличался крепким здоровьем и выносливостью, но не был красив. Его внешность постоянно служила предметом насмешек со стороны врагов. Но никто не мог сказать, что Марк глуп. Даже само прозвище Марка Порция Приска (таково его первоначальное имя) «Катон» произошло от латинского слова *cátus*, что означает «смышленный».

Катону было всего семнадцать лет, когда он простым солдатом начал свою службу в тяжелое для Рима время.

Карфагенский полководец Ганнибал вторгся в Италию. Одна армия Рима за другой терпели поражение. Однако римляне обладали упорством и терпеливостью: частные лица не жалели личных средств для победы над врагом, а армия пополнялась молодыми людьми, едва вышедшими из детского возраста. Среди этих юношей был и Катон. Он прошел всю войну с Ганнибалом, начиная от битвы при Тразименском озере, где римляне потерпели жестокое поражение, и кончая решающей победой над Карфа-

геном в Африке, при городе Заме. Катон служил под командой Марцелла, Фабия Максима и Сципиона Старшего, проявляя необыкновенную отвагу и выносливость. На стоянках молодой воин всегда помогал своему рабу в приготовлении пищи, никогда не обращая внимания на ее качество. В отличие от других он не принимал участия в солдатских пирушках и пил только воду. Лишь иногда, после долгого и утомительного марша, Катон, чувствуя себя усталым, добавлял в воду несколько капель вина.

С детства идеалом для Катона служил консул Маний Курий, который прославился своими победами над самнитами и Пирром. Старые люди, знавшие консула, вспоминали, что он всегда сам, лично, обрабатывал свой крошечный участок земли, даже став прославленным полководцем и трижды отпраздновав свой триумф. Рассказывали, что прибывшие однажды к нему послы самнитов застали Мания в тот момент, когда он, сидя у печки, готовил обед — вареную репу. Самниты предложили ему деньги, чтобы прекратить военные действия, но консул прогнал их, говоря, что тот, кто довольствуется таким обедом, не нуждается в золоте. Он сказал послам, что, по его мнению, лучше побеждать тех, кто имеет богатства, чем самому обладать ими.

И Катон всю свою жизнь подражал Манию Курию.

В перерывах между военными действиями Катон возвращался в свое имение, где работал в поле вместе со своими рабами. Часто он брал на себя защиту интересов своих соседей в судах. В окрестности уже хорошо знали молодого адвоката, и многие побаивались его остроумия.

Слухи о простом и суровом образе жизни Катона, о его трудолюбии, уме и ораторском таланте дошли до его знатного соседа — Луция Валерия Флакка, аристократа, скучавшего в своем деревенском поместье. Он пожелал познакомиться с молодым человеком, который, казалось, стремился возродить древние римские нравы и обычаи. Знакомство превратилось в тесную дружбу. Флакк предложил Катону отправиться в Рим и попытаться сделать политическую карьеру, обещая ему свою поддержку, без которой в то время человек, не принадлежащий к знати, не мог рассчитывать на успех.

В Риме Катон обратил на себя всеобщее внимание страстными и правдивыми выступлениями, остроумием, прекрасным знанием римских законов, необыкновенной энергией. Вскоре он стал одним из самых знаменитых римских ораторов того времени. Современники называли его «римским Демосфеном»¹.

Благодаря поддержке и влиянию Луция Флакка Катон добился вначале звания военного трибуна, получив в свое распоряжение легион. Затем он был выбран *квестором* — казначеем. После

¹ *Демосфен* — знаменитый греческий оратор IV в. до н. э.

окончания войны с Ганнибалом Катона выбрали претором, поручив ему управление островом Сардиния. Здесь он показал себя умным и дальновидным правителем, охранявшим интересы Рима, стремясь внушить жителям провинции уважение к римскому владычеству. В отличие от прежних преторов он не обременял жителей острова чрезмерными поборами в свою пользу. Ежедневное содержание, которое причиталось ему и его свите, поражало своей скромностью островитян, привыкших к бессовестным грабежам римских наместников. Однако Катон умел быть беспощадно суровым и жестоким, когда этого требовали интересы Рима. Как судья, он был справедлив, беспристрастен, неподкупен и неутомим. Поэтому впоследствии говорили, что никогда римляне не пользовались большей любовью сардинцев и одновременно никогда не были для них так страшны, как во времена Катона.

В 195 г. до н. э. Катона избирают консулом. Это была высшая должность в государстве. Вторым консулом выбрали его знатного друга Луция Валерия Флакка. Это произошло в то время, когда в Испании вспыхнуло восстание против римского владычества.

Многочисленные и воинственные испанские племена, населявшие северную и западную часть Пиренейского полуострова, не желали примириться с римским господством. Сокрушительные атаки их плотно сомкнутых колонн не раз заставляли колебаться и даже отступать прекрасно организованные и дисциплинированные римские легионы. Испанцам не хватало только сплоченности и единства, чтобы избавиться от чужеземного ига.

В самом начале восстания наместник Рима на юге страны был убит, а его армия разгромлена. В Северной Испании римляне с трудом отражали многочисленные атаки теснивших их отовсюду повстанцев.

Рим послал в Южную Испанию Катона, который высадился с войском на восточном побережье Пиренеев. Консул принял решительные меры к восстановлению римского владычества, сумев навязать повстанцам решительный бой. Военное искусство Рима одержало победу над храбростью испанцев: в решающий момент Катон двинул свежие резервы, что предопределило исход битвы в его пользу. После этого вся Южная Испания подчинилась римлянам.

Однако эта покорность была ложной, так как едва прошел слух о возвращении консула в Рим, как испанцы вновь восстали. Катон жестоко расправился с повстанцами, продав большое число побежденных в рабство. Испанским городам от Пиренеев до реки Гвадалквивира было приказано срыть все укрепления и разрушить стены. Когда на смену Катону прибыл победитель Ганнибала Сципион Африканский, в провинции установились тишина и спокойствие.

Антиох III

Получив триумф за свои победы в Испании, добившись славы и почестей, Катон на этом не успокоился. Он по-прежнему готов был служить республике на любом посту, который сочтут возможным доверить ему сограждане. Едва вспыхнула война с сирийским царем Антиохом III, как Катон отправился в Грецию, к театру военных действий.

Во время войны с Антиохом римлянам вновь пришлось иметь дело с их старым противником Ганнибалом.

После окончания второй Пунической войны Ганнибал прилагал все усилия к тому, чтобы подготовить Карфаген к новому столкновению с Римом. Римляне потребовали у карфагенского сената его выдачи. Тогда Ганнибал бежал к сирийскому царю Антиоху III, готовившемуся к борьбе с римлянами. Великий пунийский полководец предложил царю смелый план войны с республикой: Антиох должен со своей армией высадиться в Греции, где ему был готов оказать всемерную поддержку Этолийский союз городов. В случае успеха царь мог рассчитывать на помощь со стороны Греции и Македонии. Одновременно Ганнибал во главе одиннадцатитысячной сирийской армии и флота, состоящего из сотни боевых кораблей, предполагал поднять восстание в Карфагене против сената, а затем высадиться в Италии.

Однако этот грандиозный план потерпел неудачу. Гений Ганнибала, как и во время второй Пунической войны, столкнулся с недоброжелательством и недальновидностью его союзников. Придворные сирийцы завидовали тому влиянию, которое великий полководец оказывал на царя: против него начались интриги. Самолюбивому и ничтожному Антиоху III внушили, что слава Ганнибала затмевает славу царя. Карфагенский полководец был устранен от дела, к его советам перестали прислушиваться. Из всех грандиозных планов Антиох сумел осуществить только высадку в Греции. Однако большая часть греков и Македонское царство не поддержали его. В неудаче Антиоха значительную роль сыграла ловкость и ораторское искусство Марка Порция Катона. Вместе с несколькими римскими представителями, в числе которых находился победитель македонян Тит Квинкций Фламинин, Катон был отправлен в Грецию. Он объехал города

Коринф, Афины, Патры, Эги и сумел уговорить богатых и влиятельных граждан отказаться от выступления на стороне Антиоха. Благодаря ловкости римских послов лишь незначительная часть греков примкнула к сирийской армии, высадившейся на Балканском полуострове (Средняя Греция). В 191 г. до н. э. против сирийцев в Грецию был направлен консул Маний Ацилий Глабрион. В числе его военных трибунов находились Марк Порций Катон и Луций Валерий Флакк.

Двадцатипяти тысячная римская армия сравнительно легко овладела Северной Грецией. Антиох со своими незначительными силами попытался защитить Среднюю и Южную Грецию, заняв узкий Фермопильский проход между горами. Римский отряд под водительством Катона был послан в обход позиции сирийцев в то время, как сам консул с главными силами готовился напасть на них с фронта. Ночью отряд Марка Порция сбился с пути и лишь благодаря находчивости командира сумел выполнить поставленную перед ним задачу. Войско Антиоха было почти полностью уничтожено. Царь едва спасся с пятью сотнями всадников.

В этом сражении решающая роль принадлежала Катону. После битвы консул Глабрион на глазах всей армии обнял и расцеловал его, благодаря за успех. Тотчас после сражения Марк Порций Катон был отправлен с вестью о победе в Рим, где его приняли как победителя Антиоха.

Но еще больше, чем военными подвигами, Катон прославился своим ораторским талантом. Его писательской манере подражали в течение нескольких веков.

По своим политическим убеждениям Катон не был сторонником плебса. Он желал сохранить единство римского общества, хотел видеть его таким, каким оно было до войны с Ганнибалом, когда и аристократия и простой люд были единодушны в своем стремлении к захвату чужой территории. Катона пугал рост имущественного неравенства, усиление контраста между богатыми и бедными, роскошью и нищетой. Всеми доступными ему средствами он боролся за тесное сплочение римского народа без различия на простых и знатных, на богатых и бедных.

Больше всего Катон боялся обострения классовой борьбы, видя в ней угрозу могуществу Рима. Поэтому он резко выступал против вождей народной партии, обвиняя их в карьеризме, демагогии и продажности. Катон считал, что наилучшими для римлян были те древние законы, нравы и обычаи, благодаря которым Рим достиг своего наивысшего могущества и расцвета.

Однако Катон видел, как с ростом богатства римский нобилитет, прежде пополнявшийся за счет способных граждан незнатного происхождения, превращался в замкнутое сословие. Знать

не желала теперь делиться с «новыми людьми» своими возросшими правами и привилегиями. Римские нобили стали все более высокомерно относиться к остальной массе простых римских граждан.

По мере роста богатства, власти и своеволия знати росло недовольство ею со стороны остальных римских граждан. Способные люди из престолярства, не находя применения своим талантам, не имея доступа в ряды нобилитета, переходили на сторону демократической партии. Таким образом, аристократия сама подрывала свое господствующее положение, способствуя расслоению общества, уничтожению единства римского народа, сохранить которое так стремился Катон. Всю свою жизнь Марк Порций возбуждал судебные процессы против тех, кто, по его мнению, наносил вред монолитности римского государства: либо Катон добивался осуждения какого-нибудь нарушителя законов, либо сам находился под судом и следствием по обвинению со стороны своих многочисленных врагов. В 149 г. до н. э., будучи глубоким стариком, Катон привлек к суду наместника Испании Сервия Сульпиция Гальбу.

Еще будучи квестором во время войны с Ганнибалом, Катон не побоялся вместе с Квинтом Фабием Максимом выступить против Сципиона Старшего, обвинив прославленного полководца в растрате общественных денег. В то время Сципион считался единственным человеком, способным противостоять гению Ганнибала. Поэтому сенат был вынужден объявить, что обвинения, выдвинутые против него Катонем и Фабием Максимом, необоснованны. Однако Катон не оставил в покое полководца, гордого своими победами. Во время войны римлян с Антиохом III Катон выдвинул против Сципиона Африканского новые обвинения.

Пользуясь огромным влиянием, Сципион протаскивал на государственные должности своих родственников и друзей. Он подкупал толпы избирателей щедрыми раздачами хлеба, привлекал на свою сторону солдат, используя государственные средства. Своего бездарного брата Луция Сципион сделал главнокомандующим в конечный период войны с Антиохом III. Благодаря этому Луций Сципион получил право на триумф наряду с наиболее даровитыми римскими военачальниками. Поводов для обвинения Сципиона было более чем достаточно. Однако только у Катона хватило мужества выступить против всемогущего полководца. Марк Порций потребовал для него смертной казни за превышение власти, казнокрадство, подкуп избирателей и стремление к господству в государстве. Только слава победителя Ганнибала спасла Сципиона от наказания. Однако его брата Луция приговорили к штрафу, и он едва избежал заключения в тюрьму. Род Сципионов был опозорен и лишен власти. Видя круше-

ние всех своих надежд, Сципион Старший удалился из Рима и умер в изгнании.

Наказав Сципионов, Катон обрушился на семью Квинкциев. Один из представителей этого рода, победитель македонского царя Филиппа, Тит Квинкций Фламинин, попытался подражать Сципиону Старшему. Стараниями Катона брат Тита Фламинина, Луций, был вычеркнут из списка сенаторов за недостойное поведение. Марк Порций сумел доказать римлянам, что ни знатность, ни богатство, ни слава не спасут от наказания тех, кто, возгордившись, попытается нарушить дедовские обычаи и законы.

Но и сам Катон стал отклоняться от своих воззрений и идеалов. Его слова и требования все сильнее расходились с делом, Власть, почет и богатство сильно изменили поклонника старины. Некогда Катон энергично боролся против торговцев и ростовщиков, разорявших римских крестьян. На склоне лет, стремясь умножить свое состояние, он сам обратился к спекуляции, занимаясь ею тайно, через подставных лиц.

В ранней юности он удивлял соседей и знакомых тем, что вместе с рабами работал в поле, питался вместе с ними одной и той же пищей. Во время походов Катон делил с сопровождавшим его рабом все тяготы военной жизни, обращаясь с ним почти по-братски. В старости Катон стал жестоким и расчетливым рабовладельцем. В своей книге «О земледелии» Марк Порций дает советы, как извлечь из труда невольников больше прибыли при наименьших расходах на их содержание. Он безжалостно избавлялся от состарившихся в его имении рабов, которые были не в состоянии работать. Некогда сторонник простых дедовских нравов, поражавший всех окружающих скромностью своей пищи и одежды, Катон во время устраиваемых им званых обедов жестоко наказывал рабов за плохо накрытый стол, за кашель или чихание в присутствии гостей. Невольники старого Катона панически боялись своего жестокого господина. Известен случай, когда один из его рабов покончил с собой, чтобы не держать ответа перед хозяином за ничтожный проступок.

Учившийся в молодости у греческого философа Неарха, обязанный развитием своего писательского и ораторского таланта чтению греческих авторов, Катон в старости становится врагом всего чужеземного. Под конец жизни его ненависть к грекам дошла до того, что он стал всерьез утверждать, будто изучение греческой литературы погубит римскую республику. В письме к сыну Катон пишет: «То, что я говорю о греках, основано на собственном опыте, приобретенном мною в Афинах. Их сочинения стоит только просматривать, но никак не изучать. Поверь мне, что греки до основания испорченный народ, который не способен разумно управлять собой. Если они перенесут к нам свое образование — все погибло»,

Чем больше Катон сам отходил от древних обычаев, тем беспощаднее преследовал за это других. Он беспрестанно ругал новое поколение и все более впадал в ханжество и лицемерие.

Через семь лет после победы над сирийцами при Фермопилах, в 184 г. до н. э. Катон вместе со своим другом Флакком был выбран *цензором*. Эта должность считалась у римлян почетным завершением карьеры политического деятеля. Цензоры следили за нравами и поведением граждан, контролировали действия сената, в их ведении находилось все государственное имущество. Только они могли изменять состав сената и изгонять из него недостойных.

Должность цензора досталась Катону после тяжелой борьбы. Большинство римских аристократов считало его «выскочкой» и не желало, чтобы человек незнатного происхождения занял одну из самых важных и почетных должностей в республике. Многие боялись придирчивости старого брюзги и сутяги, зная, что он будет беспощаден ко всякому, кто хоть сколько-нибудь нарушит закон.

Став цензором, он всячески старался показать себя прежним поклонником суровой старины, берегущим государственную копейку. Так как снабжение водой в Риме производилось бесплатно, а содержание водопроводов требовало больших расходов, Катон приказал разобрать водопроводные трубы, по которым подавалась вода в частные дома и сады. Все могли теперь пользоваться общими водопроводными колонками, находящимися на улицах. Это давало Риму грошовую экономию и создавало жителям большие затруднения. Однако римская беднота была довольна тем, что аристократы вынуждены пользоваться городскими фонтанами наравне с ней.

Другим дешевым приемом, с помощью которого Катон добился расположения народа, была борьба с частными лицами, пытавшимися застраивать участки земли, принадлежащие государству. По его распоряжению беспощадно сносили самые красивые и благоустроенные виллы и загородные дачи аристократов. Римский плебс был в восторге, хотя разрушительная деятельность неугомонного цензора не сулила народу никаких выгод.

Во время цензуры Катона торговля предметами роскоши облагалась огромными пошлинами, которые, однако, не мешали знатным дамам по-прежнему щеголять в дорогих туалетах.

В конце жизни Катон связал свою судьбу с римскими дельцами, торговцами и ростовщиками. В их интересах он, некогда славившийся своим справедливым отношением к подвластным Риму народам, стал добиваться разрушения Карфагена. Этот город давно уже перестал угрожать господству Рима на Средиземноморье, да и в военном отношении он не представлял больше

никакой опасности. Однако римские торговцы и спекулянты боялись конкуренции опытных и ловких карфагенских купцов. В угоду спекулянтам каждую свою речь в сенате, произносимую по любому поводу, Катон стал заканчивать требованием разрушить до основания мирный, богатый и цветущий город. И он добился своего.

Незадолго до смерти Катон жаловался, что новое поколение его не ценит и не понимает. Однако он умер, окруженный всеобщим почетом и уважением. Статуя этого человека, изменившего в старости своим взглядам и идеалам, была поставлена в одном из римских храмов. Надпись на ней прославляла старого ханжу и лицемера как сурового и неподкупного цензора, оберегавшего добрые нравы сограждан.

Эмилий Павел

Знаменитый римский полководец Люций Эмилий Павел происходил из знатной семьи. Отец его был консулом и, занимая этот пост, пал в битве при Каннах (216 г. до н. э.).

Эмилий Павел рос в тревожное время. Детские годы его совпали с походом Ганнибала в Италию, когда после многолетней упорной борьбы Рим вышел победителем в схватке с Карфагеном.

Будущий полководец получил хорошее образование. Он отличался необыкновенной прямоотой, честностью, высокой требовательностью к себе, был нетерпим к лести, хвастовству, лжи, к пустым и громким словам.

Будучи молодым человеком, Эмилий Павел стал эдилом, причем ему было оказано предпочтение перед другими двенадцатью претендентами, желавшими занять эту должность. Вскоре Эмилий избирается жрецом-авгуром¹, где проявил себя непримиримым к легкомыслию и лености, отличаясь точностью и исполнительностью во всем, даже в мелочах. «Из-за невнимания к мелочам нередко исчезает забота о делах первостепенной важности», — говорил он.

Через несколько лет Эмилий Павел стал претором (191 г. до н. э.). Во время Сирийской кампании по решению сената он был послан на усмирение восставшей против Рима Испании (190 г. до н. э.). Чтобы подчеркнуть полномочия Эмилия Павла, ему были присвоены знаки отличия и власти консула: вместо шести ликторов, полагавшихся претору, его сопровождали, как консула, двенадцать.

¹ *Авгур* — жрец, гадавший по полету птиц. Без совета жрецов-авгуров Рим не начинал войны.

Сирийский царь Антиох III (223—183 гг. до н. э.) предоставил убежище потерпевшему поражение Ганнибалу и сделал его своим военным советником. Великий карфагенский полководец предложил создать антиримскую коалицию, в состав которой должны были войти Сирия, Македония, Карфаген и ряд греческих городов. Ганнибал лелеял надежду снова вторгнуться в Италию и разгромить ненавистный ему Рим. Из-за колебания Антиоха и решительных действий республики этому плану не суждено было осуществиться. Царь Сирии остался почти без союзников, и в 190 г. до н. э. был наголову разбит римлянами. Антиох обязался выдать Риму Ганнибала. Карфагенский полководец бежал в Вифинию (небольшое царство в Малой Азии), где через несколько лет покончил жизнь самоубийством.

В то время как римские армии сражались на Востоке, Эмилий Павел подавил восстание в Испании. Ему удалось быстро справиться с повстанцами и победителем вернуться в Рим. В отличие от большинства римских военачальников Эмилий Павел несколько не обогатился во время испанского похода, так как не умел и не любил наживать деньги.

Когда Эмилий Павел стал консулом (182 г. до н. э.), он возглавил поход против воинственных и храбрых лигуров, живших в Северо-Западной Италии. Они занимались морским разбоем, а их корабли, бороздившие Тирренское и Средиземное моря, доходили до Геркулесовых столбов (Гибралтарского пролива). Войско лигуров в пять раз превосходило силы Эмилия Павла, но он разбил их и загнал в укрепленные города, предложив мир на почетных и весьма умеренных условиях, которые и были приняты. Римляне вернули побежденным города, но отобрали у них все корабли. Мягкие условия мира объяснялись тем, что Рим был заинтересован в союзе с лигурами, служившими своего рода прикрытием Италии от нападения галлов.

Потерпев неудачу в попытке остаться консулом на второй год, Эмилий Павел вышел в отставку и занялся образованием своих детей, дав им греческое, а не римское воспитание. Юношей окружали греки — учителя грамматики, философии, риторики, а также скульпторы, художники, мастера верховой езды и наставники в искусстве псовой охоты.

В это время Рим вел войну с македонским царем Персеем. Это была третья Македонская война (171—168 гг. до н. э.).

Первая Македонская война проходила в 215—205 гг. до н. э. Царь македонский Филипп V тогда был союзником Ганнибала. Рим победил, но мирный договор оказался для царя мягким — Македония сохранила свои владения. Такой мир объяснялся тем, что Рим еще не закончил тяжелой войны с Ганнибалом.

Вторая Македонская война (200—197 гг. до н. э.) закончилась поражением Филиппа V. Царь отказался от всех своих за-

воеваний, уплатил Риму контрибуцию, отдал победителям весь флот и обязался иметь не более пяти тысяч солдат. Греческие города, завоеванные Македонией, получили независимость, это означало, что вскоре они попадут под владычество Рима.

Царь Филипп тщательно готовился к новой войне. Он сумел сбойти тяжелые условия позорного мира: каждый год царь набирал четыре тысячи солдат, обучал, а затем отпускал их по домам, набирая новых воинов. В горах и лесах Филипп стрсил лагеря для войск и тайные склады оружия. Были собраны огромные запасы продовольствия. Царская казна накопила столько денег, что их хватило бы для содержания десяти тысяч наемников в течение десяти лет.

Филипп сделал своим наследником сына Деметрия — одаренного и храброго юношу. Второй сын царя — Персей — коварный, низкий и злобный человек, оклеветал брата перед отцом, и тот в гневе приказал убить Деметрия. Когда Филипп узнал, что его любимый сын был невиновен и пал жертвой навета, он умер от горя. Так Персей стал царем Македонии.

Персей унаследовал от отца ненависть к Риму, но не обладал способностями Филиппа V. Новый царь отличался необыкновенной жадностью к деньгам, трусостью, мстительностью. Но его отец так основательно подготовился к войне, что, начав ее, Персей одержал крупные победы.

Римляне вторглись в Македонию с суши и с моря. Персей разгромил сухопутную армию римлян, которые потеряли 2500 отборных воинов убитыми и 600 пленными. Затем солдаты македонского царя напали на стоянку римского военного флота и вновь одержали победу: были захвачены двадцать кораблей с оружием и продовольствием. Кроме того, в руках победителей оказались четыре крупных боевых корабля. Много судов, груженых хлебом, македоняне потопили. Попытки римлян новыми соединениями вторгнуться в Македонию были успешно отражены.

Персей вел переговоры с вождями придунайских племен бастарнов, подстрекая их к выступлению против Рима. Многие народы были готовы бороться за свою независимость, которой угрожали римляне. Однако своекорыстие македонской знати и царя Персея помешали этой справедливой борьбе народов.

Римский сенат был охвачен тревогой: народ обвинял своих полководцев в трусости, нежелании и неумении вести войну. Негодованию не было предела. Ведь еще совсем недавно Рим разбил Антиоха III, сокрушил Филиппа V и освободил Грецию от власти македонян. Наконец, Рим победил величайшего полководца Ганнибала. А ныне какой-то Персей угрожает республике!

Риму во многом помогла жадность Персея. Если бы македонский царь не жалел денег, можно было без труда поднять против своего противника города Греции. Персей обещал иллирий-

скому царю Гентию большие деньги за разрыв дипломатических отношений с Римом. Но, когда тот порвал с Римом и бросил в тюрьму римских послов, македонский царь счел излишним выплату обещанных денег. В конце концов римляне разгромили Гентия и изгнали его из Иллирии, а Персей ничем ему не помог.

Сенат, наконец, решил направить в Македонию нового командующего, человека опытного и благоразумного. Выбор пал на Эмилия Павла, которому было уже под шестьдесят лет. Так он стал консулом во второй раз (168 г. до н. э.).

Эмилий Павел выступил перед римлянами с речью, благодаря за оказанное ему доверие, и заявил, что принимает вторично власть консула лишь потому, что в Риме не оказалось другого военачальника, способного вести военные действия. Если римляне считают, что кто-либо иной поведет войну лучше, то он, Эмилий Павел, охотно уступит место этому человеку. Если же народ ему доверяет, то пусть его приказы выполняются без малейших возражений, и все силы государства будут направлены на лучшую подготовку к войне. Этой речью полководец внушил гражданам твердую веру в победу. Все радовались, что, наконец, во главе войска стал твердый военачальник.

Народ торжественно проводил Эмилия Павла домой, где, как рассказывают, он застал свою маленькую дочь Терцию в слезах. Девочка, плача, сказала отцу:

— Наш Персей умер!

Ребенок говорил о своей любимой комнатной собачке по кличке Персей.

— В добрый час, дочка! — воскликнул обрадованный Эмилий Павел. — Да будет твои слова благим предзнаменованием!

Эмилий Павел прибыл в римский лагерь, расположенный у подножия Олимпа. Поражения сломили боевой дух солдат, и дисциплина в армии резко пала.

Прежде всего требовалось доставить в войско свежую воду: ее в лагере не доставало, и она была плохой на вкус. Legionеры страдали от жажды. Эмилий Павел долго рассматривал высившуюся над лагерем величественную громаду Олимпа, густо поросшего лесом. Полководец заметил, что среди деревьев выделяются полосы ярко-зеленого цвета. Он понял, что такая окраска листвы объясняется тем, что из-под земли бьют родники, начинающиеся с гор. Эмилий приказал вырыть у основания горы колодцы, которые вскоре наполнились отличной водой.

Персей с главными силами занял позиции по противоположному склону Олимпа, ближе к морю, на укрепленной местности. У него было четыре тысячи всадников и почти сорок тысяч пехотинцев. Чувствуя себя в полной безопасности, царь рассчитывал, что время будет работать на него: чем дольше продлится война, тем больше понесет расходов Рим. В конце концов сенат

откажется давать деньги на войну, и тогда римляне вернутся домой. Персей не понимал, что римский сенат, чтобы достичь победы, не остановится ни перед какими расходами. Царь полагал, что все так же скупы, как он.

Две армии стояли неподалеку друг от друга, но боевых столкновений не было. Военные действия, казалось, замерли. На самом деле Эмилий Павел не бездействовал. Он восстановил пошатнувшуюся дисциплину, потребовав от легионеров строгого исполнения приказов командира и выполнения солдатского долга. Чтобы поднять бдительность в войсках, Эмилий Павел приказал часовым ночью находиться в дозорах без оружия. Он считал, что они будут тщательнее нести службу, опасаясь, что враг застигнет их врасплох и нападет внезапно на безоружных. Повышенная бдительность позволит заметить неприятеля раньше и своевременно принять меры для отпора врагу.

Вскоре консул узнал, что враг считает неприступным ущелье, ведущее в глубь Македонии, и его охраняет только слабый дозор.

Эмилий Павел приказал отряду под командованием Сципиона Назики — зятя Сципиона Африканского — внезапным ударом овладеть ущельем и зайти в тыл македонянам.

Римский отряд выполнил задачу и вышел в тыл врагу. Македоняне были обойдены, и Персею ничего не оставалось, как отступить, чтобы не попасть в окружение. Он отошел к городу Пидне, где решил дать сражение, надеясь на то, что его силы намного превосходят римлян. Поле, расстилавшееся перед лагерем Персея, благоприятствовало действиям македонской фаланги, удар которой считался в то время неотразимым.

Теплый июньский день близился к концу, когда на поле стали строиться в боевой порядок римские легионеры. Хрипло звучали боевые трубы. Подошел отряд Назики, занявший место в общем строю. Эмилий Павел без шлема и панциря — чтобы его видело все войско — обходил ряды солдат. Консул не решился атаковать готовую к бою фалангу македонян. Молодые римские командиры, а больше всех Назика, уговаривали старого полководца не медлить и напасть на врага, но Эмилий Павел осторожно ответил:

— Будь я в ваших летах, вероятно, я бы дал приказ о наступлении. Но мои победы дают мне право понимать ошибки побежденных и не веяют с хода атаковать изготавившуюся к бою фалангу.

И консул отдал приказ строить лагерь, чтобы отвести туда войско. После ужина воины расположились на отдых. Вдруг светлая луна стала меркнуть и, наконец, вовсе исчезла из глаз. Наступило полное лунное затмение. Эмилий Павел заранее предупредил войско, чтобы оно не приняло затмение за дурное

предзнаменование, и, чтобы окончательно успокоить солдат, наутро принес обильные жертвоприношения.

Македоняне же были смущены и напуганы величественным явлением природы.

Во второй половине следующего дня, 22 июня, римляне стали спешно выстраиваться на поле. Эмилий Павел обходил ряды воинов и сам размещал их в боевом порядке, ободряя своих солдат. Вскоре завязались первые схватки с македонянами. Пылкий Назика помчался на коне вперед, в гущу сражающихся и убедился, что в бой вступила вся армия противника.

Впереди войска Персея шли фракийцы: огромного роста воины были одеты в черные рубашки, сверкали бронзовые поножи и ярко блистали полированные медные щиты. Воины потрясали тяжелыми мечами. Один их вид внушал ужас. Рядом размещались наемники из других племен. Затем показалась знаменитая македонская фаланга, солдаты которой носили позолоченные доспехи, пурпурные плащи и были вооружены копьями. Бесчисленные ряды македонян, с блестящими в лучах заходящего солнца медными щитами, грозно ощетинившимися остриями длинных копий — *сарисс*, говорили о несокрушимой мощи. Сам Эмилий Павел потом признавался, что его объял страх при виде медленно приближавшегося врага.

Никогда еще не видел римский командующий столь страшного зрелища... Но, скрыв свои чувства, он с улыбкой продолжал объезжать неподвижные ряды легионеров.

Вот уже смят римский авангард, уничтожена целая когорта римлян. Но военное счастье изменчиво. Слабой стороной фаланги было то, что она могла передвигаться только по совершенно ровной местности. А перед лагерем римлян находился небольшой холм.

Македоняне, преследуя отступавших римлян, торопились обойти поросшую кустарником пересеченную местность. Ряды фаланги совершенно расстроились, и тогда римляне напали на нее с тыла и флангов. Македонская конница стояла неподвижно, не принимая участия в сражении, а затем стала быстро откатываться. Персей бежал со своими всадниками одним из первых, бросив на произвол судьбы войско. Эмилий Павел отдал приказ преследовать бегущего врага.

Исход сражения оказался плачевным для Персея: фаланга истреблена, а македоняне потеряли убитыми более двадцати пяти тысяч человек. Римлян пало всего около ста. Ночью победители возвратились в лагерь, опьяненные победой. Рабы с факелами выходили навстречу воинам и отводили их в палатки, ярко освещенные и украшенные венками. Так закончилась битва при Пидне, навсегда ликвидировавшая государство Македонии.

Эмилий Павел один не разделял общей радости войска — без вести пропал его любимый сын Публий. Горе отца было безмерно. Солдаты, любившие юношу, всю ночь искали его тело среди павших воинов. Перед рассветом молодой человек возвратился в лагерь. Он слишком увлекся погоней за врагом и поэтому возвратился в лагерь позднее других. Этот юноша был Сципион, прославившийся впоследствии разрушением Карфагена.

Персей под охраной своих кавалеристов бежал в Пеллу, древнюю столицу Македонии. Он был совершенно растерян и подавлен. С ним была только свита и критяне-наемники. Приближенных этих удерживала не столько верность, сколько надежда поживиться сокровищами Персея. Но царь ничего им не уплатил и тайно бежал на корабле на остров Самофракию, где нашел убежище в храме. Вся Македония была в руках римлян.

Вскоре стало известно местопребывание Персея и его семьи. Римская эскадра подошла к острову Самофракии и, хотя не дерзнула нарушить неприкосновенность храма, приняла все меры, чтобы царь не смог снова ускользнуть. Персей договорился с владельцем небольшого судна, что тот возьмет его на корабль вместе с сокровищами и семьей. Но судовладелец обманул царя, погрузил его сокровища и отплыл, оставив Персея на берегу. Ему ничего не оставалось делать, как сдать в плен командиру римской эскадры. Скоро пленник предстал перед Эмилием Павлом.

Персей забыл о гордости и царском достоинстве. В нем говорило только желание жить. Он упал перед победителем ниц, разразившись жалостными воплями. Эмилий Павел с огорчением и укором ответил царю:

— Зачем ты принимаешь мою победу и чернишь мой успех? Зачем ты открываешь низкую душу труса? Доблесть побежденного римляне всегда уважают, но в их глазах нет ничего презреннее трусости!

Затем суровый римлянин поднял Персея с земли, протянув ему руку, и, передав пленника под охрану римских офицеров, долго молчал, погруженный в думы о превратности судьбы, по велению которой рушатся могучие царства.

Македония была теперь разделена на четыре области. Ей запрещалось иметь вооруженные силы, крепости уничтожались. Некогда могущественное государство превратилось в слабую страну, где полностью господствовал Рим. Таков был бесславный конец великой державы Александра Македонского.

Римский сенат с беспощадной суровостью отнесся и к союзникам Македонии. Царство Гентия было разделено. Греческие государства, проявившие сочувствие к Персею, подверглись кро-

Триумф Эмилия Павла

вавой расправе. В Эпире разграбили 70 городов, а 150 тысяч их жителей продали в рабство.

Римское войско возвращалось в Италию. Эмилий Павел плыл на царском корабле с шестнадцатью рядами гребцов. Корабль был щедро украшен пурпурными тканями, коврами и богатым оружием.

Тысячные толпы римлян криками приветствовали консула. Но простые люди Рима не любили Эмилия Павла. Народ знал, что полководец был ярким защитником господства аристократов. Ворчали и вернувшиеся в Италию солдаты. Поэтому, когда в Народном Собрании обсуждался вопрос, следует ли ознаменовать победу Эмилия Павла триумфом, многие протестовали против устройства такого торжества. Солдаты, настроенные против Эмилия Павла, голосовали за то, чтобы триумфа не было. Лишь после горячих споров знатнейшим сенаторам удалось уговорить народ, и было принято решение о триумфе.

Торжество в честь Эмилия Павла длилось три дня (28—30 ноября 167 г. до н. э.). Несмотря на враждебное отношение народа к триумфатору, десятки тысяч людей заполнили улицы столицы, чтобы насладиться редким зрелищем. Двери храмов были открыты, в святилища вносили бесчисленные венки. На алтарях курились благовония.

Весь первый день — с утра до вечера — на двухстах пятидесяти колесницах везли захваченные картины и огромные

скульптуры. На следующий день ехали повозки с великолепным дорогим оружием македонян, сверкающим медью и полированной сталью. Здесь были шлемы, щиты, панцири, поножи, колчаны и конская упряжь, нагроможденные вперемежку с остроконечными сариссами.

За повозками шли три тысячи человек, неся серебряные монеты в семистах пятидесяти сосудах, серебряные чаши, кубки, инкрустированные рога и ковши великолепной работы и тончайшей чеканки.

На третий день триумфа, едва рассвело, по улицам Рима двинулись трубачи, исполнявшие боевой марш. За ними шли юноши, которые вели сто двадцать жертвенных быков. Животные были откормлены, шерсть лоснилась, рога были вызолочены, ленты и венки украшали их головы. Мальчики несли серебряные и золотые чаши для приношений богам. Показались рабы с сосудами, наполненными золотой монетой. Высоко над головами зрителей поплыл священный ковш, отлитый из золота по приказу Эмилия Павла. Он был щедро усыпан драгоценными камнями. Пронесли драгоценные сосуды диковинных форм и золотую посуду царского стола.

Появилась великолепная золоченая колесница Персея, нагруженная царским оружием, поверх которого лежала великолепная *диадема*¹. За колесницей шли дети Персея в сопровождении учителей. Дети, двое мальчиков и девочка, были еще слишком малы, чтобы понять свое несчастье. Царь Персей шел за детьми, подавленный горем. Накануне он послал к Эмилию Павлу своего советника, моля извинить его от позора триумфа, но победитель ответил:

— Это и прежде зависело от тебя, да и теперь зависит только от тебя!

Эмилий Павел хотел этими словами дать понять Персею, что тому следовало бы покончить жизнь самоубийством и таким образом избавиться от позора. Но трусливый царь не решился на это. Римляне обещали сохранить ему жизнь, а о большем он и не думал.

Гул восхищенной толпы нарастал. Появились ряды рабов, несшие четыреста золотых венцов — дары греческих городов их освободителям от македонского ига (теперь же взамен его было установлено римское иго). И, наконец, на круглой раззолоченной колеснице, запряженной четверкой белых коней, показался триумфатор.

Эмилий Павел был одет в пурпурную туннику, расшитую золотыми пальмовыми ветвями. Поверх ее наброшена пурпурная тога. Позади триумфатора стоял государственный раб, дер-

¹ *Диадема* — венец из золота с драгоценными камнями.

жавший над головой полководца золотой венец, и время от времени громко восклицал:

— Помни, что ты только человек!

Слова раба должны были напоминать триумфатору о том, что счастье переменчиво, так как и победителя могут постигнуть удары беспощадной судьбы: он тоже может стать побежденным.

Рядом с колесницей шли друзья и, гордые славой, родственники победителя. Затем следовали ликторы (консулу полагалось их двенадцать), несшие на плечах связки розог. По случаю праздника они были одеты в пурпурные одежды, а розги их были обвиты ветвями лавра. Музыканты, шедшие вслед за ликторами, играли торжественный марш.

Улицы заполнила армия: вольным шагом, закинув зачехленные щиты за плечи, шли солдаты. Офицеры были в парадной форме, в ярко сверкавших шлемах.

Триумф примирил солдат с полководцем, по крайней мере внешне. Тяготы и лишения в походах, розги центуриона и раны, голод и холод, убийственная жара — все это было позади. Жалование, награды, добыча, вино и веселье ждали воинов. Жесткая дисциплина на время триумфа ослабевала: солдатам даже разрешалось петь шуточные песни о своем полководце. Легионеры подшучивали над лысиной триумфатора, над его характером и привычками, его строгостью и его слабостями.

Под крики толпы «Ио! Триумф!» (крич «Ио!» у римлян соответствовал нашему «Ура!») праздничный кортеж направился к храму Юпитера, расположенному на Капитолийском холме. Здесь шествие уже ожидали сенаторы в торжественных одеяниях.

Триумфатор принес в жертву Юпитеру быков, передал храму часть военной добычи и золотой венец. Затем он распустил солдат на несколько дней, раздав им подарки. Триумф завершился торжественным пиром.

Добыча, доставленная Эмилием Павлом государству после победы над Македонией, была огромна: в Риме надолго отменили налоги с жителей.

По отношению к поверженному и уже безопасному врагу Эмилий Павел проявил подлинное великодушие, сохранив Персею жизнь (обычно римляне после триумфа казнили пленных царей и полководцев). Персея содержали в тюрьме, но обращались с ним хорошо. Как говорят, он умер через несколько лет, уморив себя голодом. Таков был конец трусливого македонского царя.

В последние годы жизни Эмилий Павел занимал должность цензора. Цензор в древнем Риме следил за переписью населения, составлял списки сенаторов, распределял граждан по сотням и оценивал их имущество.

Казалось, Эмилий Павел безмерно обласкан судьбой. Но она всегда умеряет беспредельное счастье, посылая людям горе.

У Эмилия Павла было четыре сына. Двое из них — Публий и Квинт — впоследствии перешли в другие семьи (Сципиона и Фабия Максима). Двое других умерли: один на пятнадцатом году жизни за пять дней до триумфа, а через три дня после торжества смерть унесла двенадцатилетнего сына полководца. Эмилий Павел сумел мужественно перенести эти удары судьбы, не унизив горем величие своих побед.

Остаток своих дней Эмилий Павел провел в имении на берегу моря. Однажды он на время вернулся в Рим и даже лично принес благодарственную жертву богам за свое благоденствие. Но в тот же день ему стало плохо, он впал в беспамятство и вскоре скончался (160 г. до н. э.).

Тиберий Гракх

Тиберий Гракх принадлежал к знатному римскому роду. Его отец, Тиберий Семпроний Гракх-старший, дважды избирался консулом, был цензором, а после побед в Испании и завоевания острова Сардинии сенат устраивал в его честь триумфы.

Когда Тиберию было 11 лет, отец его умер. Все заботы о воспитании мальчика легли на плечи его матери, Корнелии, дочери знаменитого полководца Сципиона, победителя Ганнибала. Корнелия старалась, чтобы ее дети, Тиберий и его младший брат Гай, были достойны славы отца и деда. Ее труды не пропали даром: по словам современников, братья Гракхи были самыми образованными, самыми талантливыми из всех римлян, а их заслуги перед римским народом навсегда прославили их имена.

Пятнадцатилетним юношей Тиберий отправился в Африку, в ряды армии, сражавшейся под стенами Карфагена: в это время шла третья Пуническая война. Римляне решили уничтожить своего самого опасного соперника на Средиземном море. Во время этой войны молодой Гракх и совершил свой первый подвиг. Случилось это так.

Консул Сципион Эмилиан, командовавший римскими войсками, решил взять штурмом предместье Карфагена Мегару. Под покровом ночной темноты, стараясь неслышно ступать и не звенеть оружием, двинулись римляне к крепостным стенам, надеясь захватить врага врасплох. Но карфагенские часовые заметили и окликнули их. Римляне бросились на штурм. Разгорелся бой. Карфагеняне яростно оборонялись. Наконец группе римских воинов удалось захватить обособленно стоявшую башню. А с башни по колеблющимся доскам, переброшенным на голову-

кружительной высоте, самые отважные устремились на стену крепости. Первым вбежал на нее Тиберий. Имя героя стало известно всей армии.

На войне Тиберий привык к полной опасности и лишениям солдатской жизни. Впоследствии он выгодно отличался от своих сверстников простотой, мужеством, требовательностью к себе.

После разрушения Карфагена Тиберий вернулся в Рим настолько известным и уважаемым человеком, что, несмотря на молодость, был избран в коллегию авгуров, имевшую не только религиозное, но и политическое значение, так как она объединяла наиболее знатных и уважаемых граждан Рима. Гордый сенатор Аппий Клавдий — один из опытнейших политиков того времени — после продолжительной беседы с Тиберием на пиру авгуров предложил ему в жены свою дочь. Рассказывали, что, придя домой, Аппий с порога крикнул жене: «Антистия, я просватал нашу дочь!» Та удивленно спросила: «К чему такая поспешность? Или ее женихом стал Тиберий Гракх? Только тогда я пойму твою торопливость и буду рада счастью дочери». Так велико было уважение граждан к молодому Гракху.

Вскоре Тиберий был избран квестором и направлен вместе с консулом Манцином в Испанию, где в то время шла война с жителями крепости Нуманции, восставшими против римского владычества. Война была неудачной. В Риме говорили, что у республики еще никогда не было такого бездарного полководца, как Манцин. Но и в этих условиях Тиберий Гракх сумел оказать полезным римскому народу.

Однажды в ставку консула проникли ложные слухи о разгроме второй римской армии, воевавшей в Испании. Испуганный Манцин приказал той же ночью отступить от стен Нуманции. Нумантинцы заметили отход и, преследуя римлян, стали отеснять их в непроходимые горные ущелья. Гибель двадцатитысячной римской армии казалась неизбежной. Послы, отправленные Манцином, стали униженно просить нумантинцев начать мирные переговоры. «Мы согласны, — ответили те, — но пусть переговоры ведет Тиберий Гракх. Мы слышали, что он не только смел, но честен и справедлив». Тиберий был послан к нумантинцам. Он умело вел переговоры: в одном уступал, в другом упорствовал. Мир был заключен. Римскому войску разрешили вернуться на родину. Но среди добычи, доставшейся нумантинцам в захваченном ими римском лагере, оказались и восковые дощечки, на которых Тиберий вел счета, записывал денежные расходы армии. Если бы Тиберий вернулся в Рим без этих счетов, его легко могли бы обвинить в растратах. Тогда Тиберий в сопровождении нескольких друзей снова отправился к нумантинцам. Он обратился к их вождям с просьбой вернуть ему дощечки. Вчерашние враги так уважали Тиберия, что тотчас

исполнили его просьбу и даже пригласили его принять участие в пире, которым они отмечали свою победу.

В Риме Тиберия ожидали серьезные неприятности. Значительная часть народа и сенаторы были недовольны заключенным миром, возмущались капитуляцией армии. Они говорили: «Кто позволил Тиберию говорить с врагом от имени римского народа?! Этот договор позорит римское оружие, не следует признавать его!» Некоторые даже вспоминали, как поступили в подобном случае их предки двести лет назад. Тогда, потерпев поражение в войне с самнитами, римские военачальники на свой страх и риск заключили с победителями мир. Сенат не признал заключенного соглашения, и опозоренные полководцы, квесторы, военные трибуны, словом, все, кто участвовал в мирных переговорах, были отданы на расправу врагам. В Риме раздавались призывы так же поступить с Манцином и Тиберием. Однако Гракха спасли аристократические связи и заступничество той части римлян, которые видели в нем спасителя своих близких: солдат армии Манцина. Ради Гракха были помилованы и остальные военачальники. Только Манцина, босого, в одной рубашке, закованного в цепи, выдали нумантинцам. Однако нумантинцы не казнили несчастного полководца, а великодушно отпустили его на родину.

Тиберий Гракх много думал о положении римского народа. Еще направляясь в Испанию, Тиберий обратил внимание, что на полях совершенно не видно свободных крестьян. Повсюду он встречал лишь рабов, закованных в цепи, и надсмотрщиков с длинными бичами. То здесь, то там раздавался свист плети из воловьих жил да жалобный крик избиваемого раба. Куда же исчезли свободные крестьяне, еще недавно трудившиеся на этой земле? Положение народа, судьба римского государства глубоко взволновала Тиберия. Скоро он понял причину поразившего его явления. Пока крестьяне, составлявшие основную часть римского войска, сражались в Африке или Малой Азии, Испании или Греции, их хозяйство приходило в упадок, а земли захватывались богатыми землевладельцами (оптиматами). Разоренные крестьяне либо шли в батраки, либо уходили в города и жили там на подачки городских богачей. Чем меньше оставалось свободных крестьян, тем слабее становилось римское государство: ведь батрак или городской нищий не имел права служить в армии. А сильная армия защищала страну от внешних врагов и держала в повиновении сотни тысяч рабов в самой Италии. Все это понял Тиберий Гракх и решил бороться за преобразования в стране. По существовавшим в Риме обычаям предлагать проекты новых законов мог только человек, занимающий государственную должность. Поэтому Тиберий выставил свою кандидатуру на пост народного трибуна, обещая в случае избрания

добиться передела земель. И действительно, став народным трибуном, Тиберий выступил с требованием предоставить землю народу. Обращаясь к римлянам, он говорил: «Дикие звери в Италии имеют логова и норы, куда они могут прятаться, а люди, которые сражаются и умирают за Италию, не владеют в ней ничем, кроме воздуха и света. Лишенные крова, точно кочевники, бродят они повсюду с женами и детьми. Полководцы обманывают солдат, когда на полях сражений призывают их защищать от врагов могилы отцов и храмы: ведь у множества римлян нет ни отчего дома, ни гробниц предков — они сражаются и умирают за чужую роскошь, чужое богатство. Их называют владыками мира, а они не имеют даже клочка земли».

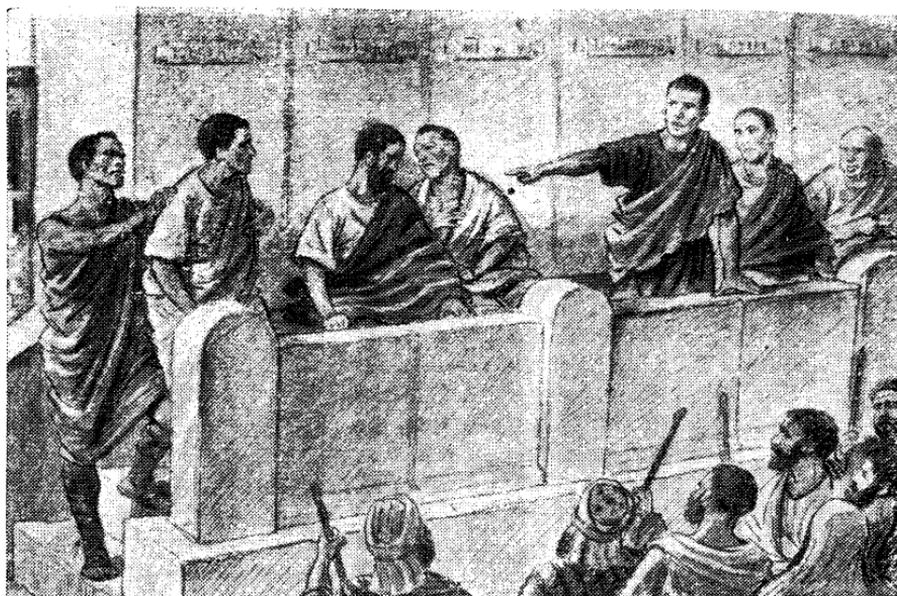
По проекту закона, предложенного Тиберием Гракхом, общественные земли, незаконно присвоенные богачами — оптиматами, возвращались государству. А государство раздавало их малоземельным и безземельным гражданам. Владельцы не имели права продавать свой участок, который должен был переходить по наследству от отца к сыну.

Этот проект был восторженно встречён народом, но вызвал бурю негодования среди оптиматов. Они решили не допустить принятия закона, грозившего их богатству и влиянию. Оптиматы стали распространять клеветнические слухи о том, что Тиберий переделом земель хочет вызвать междоусобицу в стране и захватить власть в свои руки. Однако авторитет Тиберия был слишком велик, народ полностью доверял своему трибуну, и эти слухи не оказали никакого воздействия на массы.

Но враги Тиберия не дремали. Они нашли другой способ борьбы с ненавистным им законом. Оптиматы уговорили второго трибуна, богатого землевладельца Марка Октавия, наложить вето¹ на законопроект Тиберия. Тиберий был потрясен: Октавий, в прошлом его друг, теперь выступает против закона, которого так жаждет народ, который так нужен республике. Думая, что Октавий боится потерять свои земли, Тиберий предложил возместить ущерб, который ему нанесет закон, из своих личных средств. Октавий отказался. Тогда Тиберий, пользуясь тем же правом вето, приказал приостановить деятельность всех государственных учреждений до того дня, когда его законопроект будет поставлен на голосование в Народном Собрании. Прекратили работу магистраты, был опечатан храм Сатурна, в котором находилась государственная казна, и таким образом были прекращены все платежи.

В знак протеста против действий Тиберия оптиматы стали появляться на улицах Рима в траурных одеждах, не скрывая глубокой скорби по поводу решений трибуна. Наиболее решитель-

¹ См. рассказ «Гай Марций (Кориолан)».

Тибери́й на трибу́не

ные противники реформы стали готовить покушение на Тибери́я. Но никакие угрозы не могли заставить его отступить. Гракх потребовал обсудить создавшееся положение перед народом.

И вот настал день Народного Собрания. На центральной площади Рима — форуме, подле трибун, собралась многотысячная толпа. Люди приветствовали Тибери́я, ободряли его. Но вдруг крик гнева и возмущения прокатился по площади. Оказалось, что оптиматы, желая сорвать голосование, похитили избирательные урны. Разгневанный народ был готов ринуться на расправу с ненавистными богачами. Тогда на трибуну, где находился Тибери́й, поднялись бывшие консулы, Манлий и Фульвий. Они стали умолять Гракха не допустить кровопролития и обратиться в сенат; ведь там заседают самые мудрые и уважаемые люди государства. Пусть они решат, как следует поступить. После долгих уговоров Тибери́й согласился. Но когда сенаторы не поддержали его предложений, он снова созвал Народное Собрание.

— Граждане! — обратился он к римлянам. — Трибуны, которых вы облекли столь большой властью, что одно лишь слово каждого из них может остановить жизнь государства, не могут прийти к соглашению. Поэтому я предлагаю: пусть волей народа один из нас будет отстранен от должности.

И, повернувшись к своему противнику, Тибери́й спокойно произнес: — Октавий! Спроси мнение граждан. И если римский

народ лишит меня звания трибуна, я тотчас отправлюсь в свой дом и буду жить как простой гражданин. Клянусь тебе, Октавий, ты не увидишь меня в числе своих недругов, если народ отметит тебя своим доверием. Понимая, что народ ни за что не лишит Тиберия звания трибуна, ибо все знают, что Тиберий смело борется за народное счастье, Октавий молчал. Тогда вновь заговорил Тиберий.

— Народный трибун,— сказал он, обращаясь к притихшей толпе,— лицо священное и неприкосновенное, так как деятельность его посвящена народу, и он призван защищать интересы народа. Но если трибун, отвернувшись от народа, причиняет ему вред, умалает его власть, препятствует его свободе — такой трибун сам отстраняет себя от должности, ибо не исполняет своего долга. Если бы трибун разрушил Капитолий или поджег арсенал,— продолжал Тиберий,— он был бы дурным трибуном; но тот, кто ниспровергает демократию — уже не трибун. Я предлагаю решить, может ли занимать должность трибуна Марк Октавий, раз он препятствует принятию закона, который даст римскому народу кров, хлеб и работу.

Началось голосование. Семнадцать триб из тридцати пяти высказались за то, чтобы Октавий был отстранен от должности трибуна. Но Тиберий приостановил голосование. Дружески взяв Октавия за руки, Тиберий вновь попытался убедить его в неразумности упорства.

— Мой Октавий! Откажись от своего вето. Этого жаждет народ, терпящий лишение и горе. Взгляни, с какой надеждой смотрят сейчас на тебя граждане, и подумай, с каким презрением и ненавистью будут смотреть они, если ты обманешь доверие тех, кто тебя избрал. Не покрывай позором свое честное имя!

Октавий молчал. Его глаза наполнились слезами. Казалось, он внял убеждениям друга, внял голосу совести, внял воле народа. Но, когда Октавий взглянул на сгрудившихся в стороне аристократов, на их траурные одежды, на их лица, застывшие в напряженном ожидании, он, словно внезапно пробудившись, освободил свои руки из рук Тиберия и, глядя ему в лицо, произнес: «Нет!» Уважение кучки оптиматов оказалось для Октавия дороже, чем счастье народа.

Тиберий продолжил голосование. Большинство голосов Октавий был отстранен от должности. По приказу Тиберия сопротивлявшегося Октавия стали сводить с трибуны. Между разгневанным народом, бросившимся на Октавия, и защищавшими его богачами завязалась схватка. Октавий едва спасся: его выхватили из толпы и дали возможность бежать. У верного раба, прикрывавшего бегство своего опозоренного господина, вырвали глаза.

После отстранения Октавия и избрания на его место другого трибуна, клиента Тиберия по имени Муций, все препятствия были устранены. Аграрный закон Тиберия был принят. Для передела земель было избрано трое уполномоченных: сам Тиберий, его тесть Аппий Клавдий и брат Тиберия Гай. То, что все уполномоченные были членами одной семьи, не смущало граждан: напротив, в этом видели залог их успешной деятельности. Но сенат всячески мешал работе Тиберия: ему отказали в предоставлении за государственный счет палатки, назначили ничтожную плату и т. д. Враги продолжали плести заговор против Тиберия и его единомышленников. Один из друзей Тиберия внезапно умер. Когда тело умершего положили по обычаю на костер, кожа на трупе лопнула и из него вытекло столько жидкости, что костер погас. Это вызвало подозрение, что смерть наступила от отравления. Над самим Тиберием постоянно висела угроза покушения, и однажды он, в траурной одежде, привел свою жену и детей на площадь и обратился к народу с просьбой взять их под защиту.

Тем временем противники Тиберия получили новый предлог для нападок на трибуна. Умер Аттал, царь Пергама, одного из малоазийских государств. Посланец царя, Евдем, передал завещание, которое объявляло наследником покойного римский народ. Тиберий внес законопроект, по которому все сокровища пергамского царя распределялись между гражданами, получающими земельные участки по новому закону. При этом Тиберий подчеркнул, что он намерен решить этот вопрос с самим народом, не обсуждая его в сенате. Это вызвало у сенаторов чрезвычайное раздражение: они надеялись, что несметные богатства Пергама не минуют их рук. Вновь волна клеветы обрушилась на Тиберия. Один из сенаторов, Квинт Помпей, заявил: «Я сосед Тиберия, и мне известно, что Евдем привез в Рим и передал Тиберию корону пергамских царей. Разве не ясно всякому, что Гракх собирается стать царем Рима, погубить республику!» Затем выступил Квинт Метелл:

— Когда Тиберий-отец, в бытность свою цензором, возвращался с позднего ужина домой, граждане тушили огни, чтобы цензор не подумал, что они засиделись в гостях или пьянствуют. Иное теперь! Тиберию-сыну самому освещают путь ночью. И кто?! Люди из черни, самые отчаянные и негодные!

Так старался укорить Тиберия всякий, кому не нравилось, что трибун, встав на защиту народа, пренебрегает мнением богатей и аристократов. Но враги не только клеветали и укоряли: они продолжали угрожать, хотя по закону личность народного трибуна была неприкосновенной. По просьбе Тиберия его дом каждую ночь стали охранять вооруженные граждане.

Оптиматы с нетерпением ждали окончания срока полномочий Тиберия Гракха. Они надеялись, что тогда смогут легко расправиться с ним, а главное, отменить аграрный закон. Чтобы не погубить начатое дело, Тиберий решил вторично выставить свою кандидатуру на выборах народных трибунов. Это было нарушением древнего обычая, запрещавшего одному и тому же лицу два года подряд избираться на государственную должность. Воспользовавшись этим, оптиматы стали обвинять Тиберия в намерении устроить государственный переворот. Они распространяли слухи о многочисленных дурных предзнаменованиях, якобы предвещавших гибель Тиберия. Будто бы в его боевой шлем заползли змеи и вывели там детенышей, а утром того дня, когда были назначены выборы народных трибунов, необычно вели себя священные куры: они не хотели выходить из клетки и отказывались клевать корм. А это считалось недобрым предзнаменованием.

В этот день неудачи преследовали Тиберия. Выходя из дому, чтобы идти на выборы, Тиберий так сильно ударился ногой о порог, что сломал ноготь большого пальца; сквозь обувь выступила кровь. Пройдя несколько шагов, он увидел на крыше дома двух дерущихся воронов. Камень, который столкнули птицы, упал у самых его ног. Некоторые из спутников Тиберия заколебались и стали советовать вернуться назад. Но проходивший мимо друг и учитель Гракха, философ Блоссий, сказал:

— Велик будет стыд и позор, если ты, сын Гракха, внук Сципиона Африканского и вождь римского народа, испугавшись ворона, не отзовешься на призыв сограждан! А что скажут враги? Они, конечно, станут утверждать, что трибун считается с приметами больше, нежели с желанием народа.

И Тиберий продолжал свой путь.

Сначала все складывалось хорошо. Народ встретил трибуна восторженными кликами. Но в это время один из сторонников Тиберия, сенатор Фульвий Флакк, с трудом пробившись через толпу к трибуне, сообщил, что сенаторы готовятся к расправе с Гракхом и его единомышленниками и что с этой целью они собрали большое количество вооруженных сторонников. Друзья Тиберия, услышав о грозящей опасности, опоясали тоги и, разломав жерди, которыми ликторы отгесняют толпу, вооружились обломками. Стоявшие в задних рядах не слышали слов Фульвия и не могли понять причину тревоги. Тогда Тиберий, не надеясь, что его услышат, коснулся рукой головы, жестом желая показать, что его жизни грозит опасность. Враги поспешили истолковать этот жест по-своему и побежали в храм богини Верности, где происходило заседание сената. «Тиберий хочет стать царем! — кричали они. — Он хочет возложить на

свою голову корону!» Главарь противников Тиберия, Сципион Назика, стал требовать от консула немедленной казни Гракха. Консул возразил:

— Я не положу начала насилию и не нарушу правосудие. Но если народ, послушавшись Тиберия, нарушит законы республики, то я применю свою власть для ее защиты. Спокойный тон консула еще более распалил ярость сторонников Назики. Он же, вскочив с места, крикнул:

— Что я слышу? Даже консул предает республику! Кто хочет помочь мне, пусть следует за мной! С этими словами он бросился к выходу. За ним устремились и другие сенаторы. Толпа людей, вооруженных палками, камнями, ножками от разбитых скамеек, хлынула на площадь, где происходило Народное Собрание. Стойких сторонников Тиберия на площади было немного. Крестьяне, обязанные Тиберию своей землей, отсутствовали, так как наступило время полевых работ. Среди городской бедноты было много людей, зависимых от аристократии, живших ее подачками. Они расступились перед сенаторами и не оказали им сопротивления. Друзья Тиберия были частью убиты, частью обращены в бегство. В схватке на площади погиб и Тиберий.

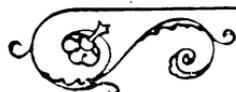
Расправа над сторонниками Гракха продолжалась еще несколько дней: людей без суда предавали казни, ссылали. Даже трупы их подвергались надругательствам. Брат Тиберия, Гай, просил разрешения похоронить несчастного трибуна, но ему отказали; и тело Тиберия было брошено в реку.

Заговор против Тиберия возник вследствие ненависти богатых к реформам, облегчавшим положение народа и ограничивающим произвол оптиматов. Обвинение Тиберия в стремлении к царской власти явилось лишь удобным предлогом для расправы с ним. Но, опасаясь гнева народа, сенат не посмел разогнать комиссию по переделу земель, в которую вместо Тиберия был избран один из его единомышленников.

Народ свято чтит память героического трибуна и ненавидел его врагов. Назика — инициатор убийства Тиберия — несмотря на занимаемый им высокий пост верховного жреца, был вынужден покинуть Рим, где его в глаза называли убийцей, и умер в изгнании. Даже Сципион Эмилиан, необычайно популярный и всеми уважаемый в Риме, сразу лишился и уважения и любви, как только стало известно, что, услышав о гибели Тиберия, он процитировал греческого поэта Гомера:

«Так да погибнет каждый, свершающий дело такое!» и неодобрительно отозвался о деятельности трибуна.

Такова была короткая, но прекрасная жизнь славного сына римского народа Тиберия Гракха.

Гай Гракх

Когда Тиберий Гракх был убит разъяренной толпой знати, его брату, Гаю, шел двадцать первый год. Как и Тиберий, он выделялся среди молодых римлян умом и образованностью и также был блестящим оратором. Правда, в ораторских приемах обоих братьев было немало различий. Если Тиберий, выступая перед народом, оставался на месте в спокойной позе, то Гай шагал по трибуне, а порой даже сбрасывал с плеча тогу. Если речь Тиберия настраивала слушателя на сострадание, то речь Гая, пылкая и страстная, могла даже утрашать. Гай был более вспыльчив, чем брат, и, выступая, он порой настолько отдавался чувству гнева, что возвышал голос и допускал чрезмерные резкости. Зная свой недостаток, Гай заставлял своего раба Лициния становиться позади и следить за речью господина. Заметив, что Гай начинает слишком горячиться, Лициний с помощью специального инструмента издавал мелодичный звук. Тогда Гай сдерживал свой гнев и продолжал речь уже спокойнее. Но различия в характерах не мешали обоим братьям одинаково горячо любить свой народ и самоотверженно бороться за его права.

Первое время после гибели брата Гай вовсе не появлялся в Народном Собрании и, казалось, совершенно отошел от политической деятельности. Однако говорили, что в эти годы он много работал над развитием своего ораторского таланта, готовясь к будущим выступлениям.

И, действительно, первая же речь, произнесенная Гаем на судебном заседании в защиту его друга Веттия, восхитила слушателей и сразу принесла ему славу первого оратора Рима.

Богатые римляне поняли, что над ними снова нависнет угроза, если младший Гракх пойдет по стопам брата и так же, как тот, станет бороться за права народных масс. Они решили

во что бы то ни стало помешать Гаю стать трибуном. Поэтому они с радостью встретили известие о предстоящем отъезде Гая в качестве квестора¹ в Сардинию. Сам Гай поехал туда с радостью: военная слава влекла молодого человека не менее, чем слава оратора.

Современников очень удивляло, как Гай, в юности стоявший в стороне от политической деятельности, вдруг неожиданно проявил себя искусным политиком, выдающимся вождем римского народа. По этому поводу возникли различные легенды. Например, Цицерон² рассказывал, будто Гаю явился во сне брат и сказал: «Что ты медлишь, Гай? Ведь нам нет отступления: обоим нам суждена одна и та же жизнь, одна и та же смерть в борьбе за народное благо!» Это, по словам Цицерона, и толкнуло Гая на путь политической борьбы³.

Итак, Гай Гракх отправился на Сардинию с легким сердцем и радужными надеждами, которые на первых порах не обманули его. Вскоре он выделился среди других знатных молодых людей храбростью в битвах, справедливостью к подчиненным, дисциплинированностью и повиновением старшим. Что же касается рассудительности, трудолюбия и скромности, то, по словам современников Гая, он не имел себе равных. Вскоре эти таланты молодого квестора принесли римлянам немалую пользу.

Когда наступили зимние холода, консул обратился к местным жителям с требованием снабдить римских солдат теплой одеждой. Но сардинские города отправили депутацию в Рим с просьбой освободить их от этой повинности. Сенат удовлетворил их просьбу. Консул, командовавший римской армией в Сардинии, оказался в трудном положении: войско по-прежнему страдало от стужи. Тогда Гай предпринял поездку по сардинским городам и сумел так убедительно рассказать жителям о страданиях римлян, что те добровольно снабдили войско одеждой. Такой рост популярности Гая обеспокоил сенат. Поэтому, когда в Рим прибыли послы из Ливии с известием, что их царь согласен снабдить римского консула в Сардинии хлебом из уважения к Гаю Гракху, тревога сенаторов сменилась нескрываемым раздражением. Ливийских послов прогнали, а в Сардинию был послан приказ: римские легионы, там находящиеся, должны быть сменены другими, но консул и его квестор Гай Гракх должны остаться на острове еще на один срок.

¹ Квестор — должность в Риме по заведованию уголовным судопроизводством и государственной казной.

² Марк Туллий Цицерон — выдающийся оратор и политический деятель древнего Рима.

³ Это, конечно, легенда. Не «вещий» сон, а глубокая любовь к родине и народу не позволила Гаю остаться в стороне от политической борьбы.

Тибериий и Гай Гракхи

Узнав об этом, Гай необычайно разгневался и самовольно отправился в Рим. Этот поступок вызвал в столице большое недовольство, причем даже народ считал, что квестор не имел права оставить должность ранее своего полководца. Гай был привлечен к суду цензоров. Защитительная речь Гая была яркой и убедительной.

— Вы судите меня за нарушение закона? Но почему я не был судим раньше? Ведь я участвовал не в десяти походах, как предписано законом, а в двенадцати! Ведь я был квестором целых три года, когда обязателен лишь годовой срок! Может быть, я извлек выгоду из столь долгой службы? Нет! Из всех участников этой войны только я один, уехав с полным кошельком, привез его обратно пустым, другие же, опорожнив взятые с собою амфоры¹ с вином, привезли их сюда полными золота и серебра.

Попытка осудить Гая провалилась. Но еще несколько раз знать привлекала его к суду по разным ложным обвинениям, но каждый раз красноречие Гая и его безупречность помогали ему доказать свою невиновность. Попытки недругов не допустить Гая занять какой-либо важный государственный пост ни к чему не привели: Гай выставил свою кандидатуру в народные трибуны в 123 г. до н. э. Все богатые, как один человек, поднялись против Гая. Зато со всех концов страны в Рим стеклась такая масса народа, желавшего голосовать за младшего Гракха, что форум не смог вместить всех явившихся, и голоса избирателей

¹ Амфора — глиняный сосуд с двумя ручками.

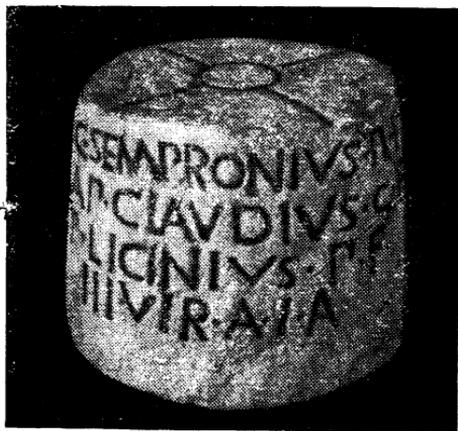
доносились даже с крыш зданий, окружавших площадь. Хотя знать оказала немалое давление на народ и многих склонила не голосовать за Гая, он был избран народным трибуном.

Став трибуном, Гай сразу же выдвинулся на первое место благодаря своему уму и красноречию. Не раз выступая по разным поводам, он вспоминал трагическую гибель брата, пострадавшего за народные интересы, и напоминал о жестокости оптиматов, его убийц. Он говорил:

— Наши предки присудили к смертной казни некоего Гая Ветурия лишь за то, что он один из всех прохожих не уступил дорогу трибуну, переходившему через площадь. А Тиберий на глазах народа был зверски убит. Враги волочили его труп через город, отказали ему в погребении, бросили в реку, точно собаку. А сколько друзей Тиберия убили без суда! Разве так поступали предки? Раньше к дому преступника приходил посланец и вызывал его на суд звуками трубы. А судьи до той поры не начинали разбирательства дела, пока преступник не являлся к ним.

Под влиянием речей Гая в народе ожили воспоминания о героической жизни его брата и о том произволе, который чинила знать. Поэтому Народное Собрание приветствовало законопроекты, вносимые Гаем: люди видели в нем продолжателя дела Тиберия.

Прежде всего Гай провел закон о твердых ценах на хлеб: это принесло большие выгоды римской бедноте. Была возобновлена деятельность аграрной комиссии: вновь безземельным гражданам стали отводить участки. Чтобы успешней продолжать свои преобразования, Гай решил привлечь на свою сторону всадников. Именно в их интересах он провел свою судебную реформу. До этого все судебные дела велись сенаторами. Всадники почти не могли рассчитывать попасть в их число: ведь сенаторы не выбирались, а назначались. Обычно бывало так, что место умершего отца занимал его сын; словом, немногих самых знатных римских семей из поколения в поколение стояли во главе государства. А всадники, разбогатевшие на торговле (сенаторы не имели права ею заниматься), нуждались в таком суде, который бы за-

Римский межевой столб

щищал их интересы. Навстречу их желаниям и пошел Гай, предложив включить в число судей триста всадников. Гай заботился не только о римлянах, но и о населении провинций (областей, завоеванных Римом), ограждая их от чрезмерных поборов. Заслужив Гая считали его постоянной заботу о дорогах. Именно по его указанию через Италию прокладывались прямые как стрела, мощенные обтесанным камнем дороги. Людей поражала энергия и распорядительность Гая. Постоянно его видели среди граждан, и с каждым, будь то ремесленник или посол, солдат или ученый, крестьянин или сенатор, он разговаривал приветливо.

Популярность Гая была настолько велика, что он без труда добился своего переизбрания народным трибуном на второй срок. В это время Гай Гракх был самым влиятельным человеком в Риме.

Но враги Гая нашли коварный способ ослабить влияние народного вождя, подорвать его авторитет. Исполнителем этого замысла стал один из трибунов, Ливий Друз. Он происходил из знатной и богатой семьи, был опытным политическим деятелем и блестящим оратором. Его-то и использовал сенат для борьбы с Гракхом. Друз, которого должность народного трибуна обязывала стоять на защите прав народа от неправильных действий сената, на деле стал послушным орудием знати. Он стал выступать с законопроектами, которые в действительности были неосуществимы, но внешне казались более заманчивыми, чем законопроекты Гая. Например, Гай предложил образовать две колонии, где желающие могли получить земельные наделы. Друз же, демонстрируя свое мнимое народолюбие, предложил образовать в Италии 12 колоний, хотя в действительности для них не нашлось бы земли. Тогда как Гай с трудом добился снижения арендной платы за землю для бедняков, Друз, по соглашению с сенатом, внес предложение совершенно освободить крестьян от арендной платы. Знать была готова на любые уступки, лишь бы Друз стал самым популярным человеком в Риме, а влияние Гая было бы ослаблено. При этом Друз всегда подчеркивал, что все эти законопроекты вносятся с одобрения сената, и таким образом обманывал граждан, убеждая, что сенат, всегда стоявший на защите интересов имущих, полон любви к народу и заботы о нем. Коварству Друза не было границ: он не останавливался даже перед намеками, что Гай берется за непосредственное руководство всеми делами с корыстными целями.

Гай отплыл в Африку, где на месте разрушенного Карфагена основывалась колония Юнония. Скоро из Африки пришли дурные вести.

— Граждане! — рассказывал посланец. — Несчастье грозит нашей новой колонии. Видно, не прав был Гракх, когда предло-

жил распахать землю на месте, преданном проклятию: ведь там стоял Карфаген — город, причинивший Риму столько вреда. Боги прогневались на нас. Когда мы хотели водрузить римское знамя на месте будущей колонии, поднялся сильный ветер. Знамя было разорвано в клочья, а внутренности животных, принесенных в жертву, были сброшены с алтарей и раскиданы по этой нечистой земле.

Потрясенные слушатели качали головами, а рассказчик продолжал:

— Долго трудились мы, ставя каменные столбы по границе колонии. А когда настало утро следующего дня, ни одного столба не осталось на месте! — Куда же делись эти камни? — Ночью набежала стая волков. Мы видели, как в темноте блесгли их глаза. Потом волки исчезли. Вероятно, это они, посланные богами, совершили чудо¹.

Несмотря на суеверные страхи римлян, Гай продолжал работы по основанию колонии со свойственной ему энергией и деловитостью.

Тем временем в Риме дела сторонников Гракха ухудшились. Один из ближайших друзей Гая, сенатор Фульвий Флакк, отличавшийся резкостью и вспыльчивостью, публично оскорбил Сципиона Африканского. Вечером того же дня Сципион внезапно умер. Близкие покойного утверждали, что на его теле сохранились следы побоев. Был пущен слух, что в этой смерти виновен Фульвий. Кроме того, аристократ Луций Опимий, злейший враг Гая и яростный противник его реформ, выдвинул свою кандидатуру в консулы. Все это заставило Гая покинуть Африку и вернуться в столицу: он должен был заступиться за Фульвия и попытаться помешать избранию Опимия.

Вернувшись в Рим, Гай переселился с Палатинского холма, аристократического района города, в квартал, расположенный ниже форума и заселенный беднотой. Он хотел быть ближе к народу, большинство которого его по-прежнему любило и уважало. Гай намеревался выступить с новым законопроектом о предоставлении гражданских прав италикам². Услышав об этом, жители различных областей Италии стали сходиться в Рим, желая поддержать своего защитника. Гражданские права, которых добивался для них Гай, означали, что они смогут получать от государства земельные наделы так же, как и римская беднота.

¹ Было ли это «чудо» позднейшей легендой или делом рук враждебных Гаю людей — неизвестно.

² Все подчиненные Риму жители Италии (так называемые италики) считались «союзниками», «друзьями римского народа» и не имели гражданских прав. Некоторые античные авторы указывали, что Гай Гракх добивался прав не для всех италиков, а лишь для латинян — жителей Лациума, области, в которой расположен Рим.

Это предложение Гая враги сумели использовать против него. Консул Гай Фанний выступил перед народом с речью, в которой грозил римлянам, что новые граждане (то есть италики) лишат их всех привилегий.

— Неужели вы думаете, — говорил он, — что, даровав италикам гражданские права, вы и впредь будете стоять здесь в народном собрании, как вы стоите теперь передо мной? Вы надеетесь, что и впредь будете занимать в цирках и в амфитеатрах, когда там показывают гладиаторские бои, те же места, что и сегодня? Неужели вы не понимаете, что эти люди заполняют весь город, а вам не останется ничего?

Римляне действительно стали опасаться за свои привилегии, и, используя их тревогу, Фанний внес предложение: не пускать в Рим италиков, а тех, которые уже прибыли в город, высылать за его пределы. Это нанесло сильный ущерб замыслам Гая. Ведь именно италики могли оказать ему наибольшую поддержку. Поэтому Гай вывесил объявление с протестом против действий консула и обещал помощь италикам, которых намеревались изгонять.

Как-то, проходя по улице, Гай услышал возглас знакомого ему италика, которого схватили ликторы консула. По виду ликторов Гай понял, что они не подчинятся его приказу, а попытка принудить их силой привела бы к преждевременному столкновению, которого Гай хотел избежать. Он не смог выполнить своего обещания защитить италиков. Гай чувствовал, что народ не склонен ни с кем делиться своими привилегиями и правами. Предложения Гракха лишь оттолкнули от него часть римской бедноты. Главный враг Гая, вождь оптиматов Опимий, был избран консулом. Однако Гай не падал духом. Он в третий раз выставил свою кандидатуру в трибуны, но на этот раз избран не был. Говорили, что большинство голосов снова было подано за него, но трибуны пошли на обман и исказили результаты подсчета.

Теперь богачи перешли в наступление: по их требованию был отменен ряд законов, и народ лишился многих прав и привилегий, добытых для него Гаем.

В Юнонию (колонию, основанную Гракхом) сенат послал комиссию, которая придирчиво проверяла прошлую деятельность Гая, ища любого предлога для его обвинения. Почему же оптиматы так преследовали бывшего народного трибуна? Народ был недоволен, что его защитник не был избран вновь. Многие из сторонников Гая призывали его продолжать борьбу с богачами более решительными средствами. Говорят, Корнелия, мать Гая, думала так же: по ее приказанию в Рим прибыла группа воинов, переодетых жнецами. В решительный момент они должны были выступить на стороне Гракха. Отношения между сторонниками Гая и аристократами чрезвычайно обострились: было ясно, что

столкновение может произойти в любой момент. Так и случилось.

Однажды, во время жертвоприношения, совершавшегося консулом, один из его ликторов, Квинт Антиллий, грубо крикнул нескольким друзьям Гая:

— Эй, вы! Негодные граждане! Дайте дорогу порядочным людям.

Это вызвало такой взрыв возмущения, что оскорбитель был тут же убит. Узнав о случившемся, Гай воскликнул в отчаянии:

— Что сделали вы, неразумные! Разве вы не понимаете, что наши враги только и ждали предлога обнажить мечи. Под видом мести за Антиллия они нападут на нас.

Действительно, едва только весть об убийстве ликтора облетела город, на улицах стали собираться толпы вооруженных людей. Но хлынувший ливень разогнал противников по домам.

На другой день перед зданием, где совещались сенаторы, появилась толпа людей, оглашавших воздух громкими воплями и рыданиями. Они несли на носилках труп Антиллия. Сенаторы, услышав шум и крики, вышли на площадь, а консул Опимий, сделав вид, что ему ничего не известно, спросил пришедших:

— Граждане, что случилось? Почему на вас траурные одежды? Что означают ваши рыдания?

— Свершилось неслыханное злодеяние! Достойный муж Квинт Антиллий убит вчера негодьями из числа сторонников Фульвия и Гая,— отвечали люди, несшие труп. Их притворные вопли и показная скорбь, так же как искусно разыгранное удивление и возмущение Опимия,— все это должно было возбудить римлян против Гая, оправдать расправу с ним и его сторонниками.

Но многие граждане по-прежнему стояли за Гракха. Они возмущались: «Сенаторы говорили о правосудии! А где было правосудие, когда Тиберий пал под ударами убийц? Где были сенаторы, когда труп народного трибуна волокли через весь город?»

Все понимали виновность Антиллия и догадывались, что его гибель хотят сделать предлогом для открытой борьбы с Гаем. А сенаторы тем временем прибегли к чрезвычайным мерам. Опимий получил диктаторские полномочия. Он приказал сенаторам и всадникам явиться в полном вооружении и в сопровождении вооруженных рабов.

Потрясенный происходящим, Гай был печален. Долго стоял он на площади перед статуей своего отца, и скупые мужские слезы текли по его щекам. Видевшие это люди были глубоко тронуты горем своего вождя. Огромная толпа народа провожала Гая до дома и охраняла его всю ночь.

Наутро сторонники Гая и Фульвия отправились на Авентинский холм, где они намеревались обороняться от врагов.

Когда Гай выходил из дома, его остановила жена с маленьким сыном на руках. Упав на колени перед мужем, она убеждала его не идти на Авентин.

— Не на трибуну провожаю я тебя, Гай, как народного вождя и законодателя,— говорила несчастная женщина.— Ты идешь и не в славный поход, где смерть почетна и приносит вдове не только слезы, но и право с достоинством носить свой траур. Ты отдаешь себя в руки убийц Тиберия и идешь безоружный, с сознанием своей правоты, готовый скорее погибнуть сам, чем поднять на кого-нибудь руку. Если бы твой брат пал в бою, то враги, заключив мир, отдали бы нам его тело. А мне, видно, придется, как и жене Тиберия, молить реку или море вернуть твой труп. Разве можно верить людям после смерти Тиберия? Разве есть законы, которые удержат убийц?

Но слезы и мольбы жены не удержали Гая. Он молча вышел из дома и в сопровождении друзей отправился на Авентинский холм. Когда все собрались, Фульвий, по совету Гая, послал на площадь для переговоров своего младшего сына. Тот, почтительно обратившись к Опимию и сенаторам, сообщил им условия, на которых было бы возможно примирение. Большинство сенаторов не возражало против переговоров. Конечно, сотни прекрасно вооруженных сенаторов, всадников, их наемников и рабов без труда расправились бы с Гаем и его сторонниками, но все помнили, какую ненависть заслужили в Риме убийцы Тиберия.

Но Опимий грубо ответил посланцу:

— Я не намерен вести переговоры с виновными через мальчишку! Пусть Гай и Фульвий сами придут сюда и почтительно попросят пощады у сенаторов.

Узнав об ответе Опимия, Гай хотел сам отправиться на площадь и убедить консула и сенаторов не допускать кровопролития. Но друзья не пустили его: коварство врагов было хорошо известно. Тогда Фульвий вновь послал своего сына. Опимий приказал схватить юношу, а сам во главе вооруженных воинов двинулся на Авентин. Критские лучники, наемники Опимия, еще издали стали поражать противника. Началась паника. Один за другим гибли друзья Гракха. Фульвий и его старший сын укрылись в заброшенных банях, но были обнаружены там и убиты. Но Гай не хотел принять участие в битве, не хотел поднимать оружие на сограждан. Уйдя в храм Дианы, он намеревался покончить с собой.

— Пусть боги накажут римский народ за неблагодарность,— со скорбью говорил он друзьям.— Народ, который покинул своих вождей в трудный час, достоин вечного рабства. Ведь и на войне порой трус становится рабом, тогда как храбрец умирает героем.

Наконец друзья уговорили Гая бежать. Горстке людей удалось незаметно покинуть храм и устремиться к воротам в стене,

окужавшей Авентин. Но, к несчастью, Гай оступился и вывихнул ногу. Враги, напавшие на след беглецов, настигли их. Тогда друг Гая, Помпоний, взялся задержать преследователей. В крепостных воротах завязался рукопашный бой. Но силы были не равны, и через несколько минут герой пал мертвым.

Тем временем Гай, с трудом ступая на больную ногу, еще спускался к Тибру, надеясь перебраться по мосту на противоположный незаселенный берег. Встречные сочувствовали Гаю, подбадряли его. Но напрасно он молил дать ему коня, чтобы спастись от преследователей. Страх перед местью богачей пересиливал любовь и жалость. На мосту враги вновь были остановлены. Лициний, второй друг Гая, повторил подвиг Помпония: несколько минут отражал он удары врагов, пока не упал мертвым.

Когда Гай в сопровождении верного раба Филократа достиг священной рощи, крики преследователей раздавались уже совсем рядом.

— Друзей у меня больше нет, а врагам я хочу достаться мертвым,— сказал Гай Филократу, указывая на меч в руке раба. Тот понял желание господина и нанес ему смертельный удар...

А через некоторое время перед Опимием появился человек, несущий на острие копья отрубленную голову. Это Септимулей, приятель Опимия, пришел за наградой: ведь консул обещал за голову Гая столько золота, сколько она будет весить. Но негодяй и тут не удержался от подлости: вынув мозг, он наполнил голову Гая свинцом, чтобы получить больше золота.

Целый день волны Тибра несли к морю трупы: около трех тысяч сторонников Гая и Фульвия были убиты и брошены в реку по приказу консула.

Опимий, кичась своими злодеяниями, приказал построить храм Согласию. Но едва постройка была завершена, как на фронтоне появилась надпись, начертанная каким-то смельчаком:

Нечестие воздвигло храм Согласию.

Страх перед силой богачей был так велик, что народ покинул своего вождя, Гая Гракха, в трудный час. Но память об обоих братьях продолжала жить.

Низко склонив головы, проходили люди мимо статуй Гракхов, установленных в одной из лучших частей города. А в праздник урожая первый колос зерна и первый плод граждане несли на священные места, туда, где Тиберий и Гай погибли в борьбе за права разоренных римских крестьян,

Марий

Гай Марий родился в 155 г. до н. э. близ города Арпина в селении Цереаты. Впоследствии оно было переименовано в честь его знаменитого земляка: до сих пор итальянцы называют его Казамаре — «родина Мария». Родители Мария имели небольшой участок земли, но ее не хватало, чтобы прокормить целую семью. Поэтому отец Гая должен был наниматься на работу к богатым соседям.

Марий рано стал батрачить вместе с отцом, с юных лет выполнял тяжелые крестьянские работы. С детства он привык спать на голой земле, легко переносить голод и жажду, зной и стужу. В зрелые годы, будучи консулом и главнокомандующим римской армии, Гай Марий сохранил привычки итальянского крестьянина.

Когда Марий достиг призывного возраста, то поступил на военную службу: по римским законам все граждане, владевшие даже небольшими участками земли, были обязаны служить в армии. В тяжелой борьбе с восставшими испанскими племенами молодой солдат прошел суровую школу, выделяясь среди остальных воинов своей храбростью. После того как Марий в единоборстве победил испанского богатыря, главнокомандующий римского войска Сципион Эмилиан обратил внимание на отважного юношу. Сципион принадлежал к той части римской знати, которая стремилась открыть доступ к управлению государством наиболее выдающимся представителям из народа. Действуя таким способом, они хотели укрепить власть римской знати, привлечь в ее ряды тех, кто мог стать опасным для ее господства.

Поэтому Сципион открыл храброму и по-крестьянски сметливому Марию доступ к офицерскому чину. Сын батрака не упустил возможности выдвинуться, став через некоторое время

одним из самых лучших и отважных штабных офицеров главнокомандующего. Наблюдая за энергичным, упорным и трудолюбивым молодым человеком, Сципион прочил ему блестящую карьеру. Эти разговоры еще больше разжигали честолюбие Мариа, стремившегося сравняться со знатью в почестях, титулах и богатстве, войти в аристократическую среду как равный, а, может быть, и как первый среди равных. Он надеялся при поддержке и покровительстве Сципиона достигнуть на политическом поприще таких же успехов, как и на военном.

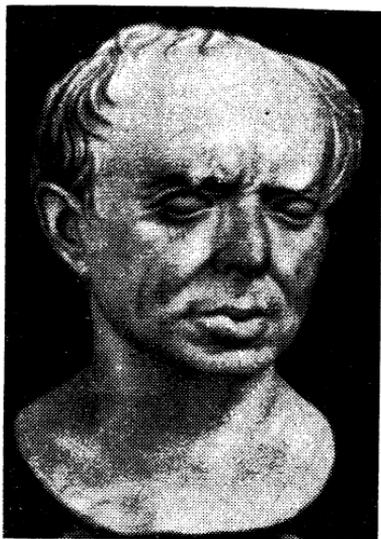
Но надежды Мариа не оправдались: покровитель рано умер, и он лишился могущественной поддержки. Несмотря на это, Гай все же попытался начать политическую карьеру. Столкнувшись с высокомерием и чванством римской знати, ему пришлось терпеть обиды и унижения.

Его простые крестьянские манеры, вполне пригодные в военном лагере, казались смешными в столице. Все попытки Мариа сблизиться со знатью римские аристократы встречали презрительными насмешками. Именно под влиянием этих обид в характере Мариа появились и развились отрицательные черты: к трудолюбию, упорству, энергии, храбрости и здравому смыслу римского крестьянина прибавились хитрость, алчность, жестокость, злобная завистливость и подозрительность.

Ценой больших унижений Марию удалось, наконец, заручиться поддержкой знатного семейства Цецилиев Метеллов. Благодаря их помощи Гай выставил свою кандидатуру на выборах народных трибунов.

В это время в Риме шла борьба между правителями-аристократами и народной партией, стремившейся к власти. Став трибуном, Марий внес в сенат законопроект, ограничивавший влияние римской знати при выборах должностных лиц. Несмотря на сопротивление аристократического сената, он добился проведения закона в жизнь. Этим Гай снискал к себе симпатии народной партии, но аристократы отвернулись от него.

Напрасно Марий пытался заручиться поддержкой знати, помешав в сенате проведению закона о даровой раздаче хлеба рим-

Марий

ской бедноте. Этим он добился только того, что от него отвернулись и демократы.

После окончания срока полномочий трибуна Марий выдвинул свою кандидатуру на должность эдила. Однако, потеряв симпатии как аристократов, так и демократов, он провалился на выборах. Его даже привлекли к суду по обвинению в подкупе избирателей.

Казалось, политическая карьера была кончена и оставалось только заниматься финансовыми спекуляциями, с помощью которых Гай Марий уже сумел сколотить себе порядочное состояние. Однако и на этот раз судьба улыбнулась честолюбцу: ему удалось посвататься к Юлии, происходившей из знатного семейства Юлиев Цезарей. Женитьба на аристократке восстановила положение Мария в обществе, а родственные связи с семьей Юлиев позволили ему снова выступить на политической арене. В 115 г. до н. э. Гай был выбран претором и назначен наместником в Испанию. Здесь он снова показал свои военные дарования в борьбе с испанскими повстанцами, которые вели против римлян партизанскую войну.

Вскоре после этого вспыхнула война в Африке. Нумидийский¹ царь Югурта, возглавив свободолюбивых и отважных североафриканских кочевников, наносил римлянам поражение за поражением. После ряда неудач сенат решил направить в Африку лучшего полководца Рима, Цецилия Метелла, одного из покровителей Мария.

В поисках дельных офицеров для предстоящей кампании Метелл вспомнил о Марии, которому и была предложена должность в штабе. В войне с царем Югуртой Гай проявил блестящее военное дарование и прославился подвигами. В битве при реке Мутул римская армия одержала победу лишь благодаря стойкости и находчивости Мария. После этого сражения он становится первым помощником Метелла.

Вскоре, однако, отношения между главнокомандующим и помощником испортились: Марий решил воспользоваться трудностями войны с Югуртой, чтобы устранить Метелла и самому стать во главе армии. Честолюбивый офицер затеял интриги против своего начальника: он заискивал перед солдатами, в их присутствии порицал действия главнокомандующего, распускал грязные слухи о Метелле. Марий пользовался любым предлогом, чтобы доставить своему начальнику какую-либо чеприятность.

Командовал саперами в то время близкий друг Метелла Турпиллий, отличавшийся мягким характером и пользовавшийся лю-

¹ Нумидия — государство в Северной Африке (на территории нынешнего Алжира).

бовью и уважением не только со стороны римлян, но и нумидийцев. Будучи начальником римского гарнизона в городе Вакке, он старался не обижать и не раздражать местных граждан. Когда Югурта внезапно подступил к городу, жители его восстали и открыли ворота своему царю. Нумидийцы перебили всех римлян за исключением Турпилия, для которого горожане выпросили у Югурты жизнь. Возвратившийся в римский лагерь Турпилий был обвинен Марием в измене и осужден. Метелл принужден был подписать смертный приговор своему другу. Турпилия казнили. Однако вскоре следствием было установлено, что его осудили несправедливо.

Все разделяли печаль Метелла, горевавшего о Турпилии. Лишь один Марий радовался: он открыто говорил, что благодаря его стараниям Метелла теперь преследуют угрызения совести — духи-мстители за казненного друга.

Интриги Мария против главнокомандующего имели успех. Солдаты в письмах домой жаловались на тяготы походной жизни, на суровую дисциплину, введенную Метеллом, и добавляли, что война будет тянуться до бесконечности, если главнокомандующим не станет Гай Марий. Эти письма подготовили общественное мнение Рима и привлекли на сторону Мария симпатии избирателей, когда приблизился срок выборов новых консулов.

Марий потребовал у главнокомандующего отпуска для поездки в Рим. Он мотивировал требование желанием выставить на выборах свою кандидатуру, что по римским законам давало право на отпуск с места службы. Метелл под всяческими предлогами затягивал отъезд Мария. Он отпустил его только за двенадцать дней до начала выборов, рассчитывая, что тот опоздает. Но Марий быстро сумел добраться от лагеря до ближайшего морского порта и вскоре держал речь перед народом в Риме.

Выбранный консулом против желания аристократической группировки, Марий приложил все усилия, чтобы сместить Метелла с должности главнокомандующего и занять его место. Он снова сблизился с народной партией. Опираясь на ее поддержку и используя враждебное отношение народа к знати и сенату, Гай добился поста главнокомандующего на африканском театре военных действий.

Выступая против Метелла, он утверждал, что сумеет победить Югурту меньшими силами. Став главнокомандующим, Марий забыл свою похвалбу и начал добиваться увеличения численности римской армии в Африке. С огромной армией, пополненной добровольцами, Марий отправился в Африку, где в целом ряде сражений разгромил войска нумидийцев. Тогда царь Югурта перешел к партизанской войне.

Неуловимые нумидийские всадники своими набегами причиняли сильный ущерб римлянам. Свои налеты Югурта произво-

дил с территории отдаленной и труднодоступной Мавритании¹, царь которой был его тестем. В такой ситуации война с Югуртой грозила затянуться до бесконечности. Чтобы закончить борьбу, нужно было отправить римского представителя к мавританскому царю Бокху, попытаться уговорить его выдать Югурту и отказаться от поддержки нумидийских партизан. Посольство это считалось опасным, так как двуличный Бокх мог выдать посла нумидийцам и тогда римлянина ожидала мучительная казнь. Это рискованное поручение взял на себя храбрейший из офицеров Мария, молодой аристократ Луций Корнелий Сулла. Он сумел договориться с Бокхом и привез в римский лагерь скованного Югурту. Так к весне 105 г. до н. э. закончилась Африканская война.

Однако аристократическое правительство, недовольное сближением Мария с народной партией, сумело испортить ему торжество. Сенат поддерживал распространившееся в столице мнение, что победой в войне римляне обязаны не Марию, а отважному Сулле, захватившему Югурту. Подозрительный Гай Марий возненавидел своего храброго помощника, но скрывал свои чувства под маской благожелательства. Вскоре им обоим представился случай снова применить свои знания и военный талант для защиты республики.

Едва в Риме узнали о пленении Югурты, как разнесся слух о том, что у северных границ появились германские племена кимвров. Это была огромная орда, двинувшаяся к югу от берегов Балтийского моря в поисках новых земель. Жильем кимврам служили крытые повозки. В бою эти повозки использовались как укрытие. Под их кожаным верхом кимвры помещали скarb и свои семьи. Жители юга удивлялись, смотря на высоких и стройных людей с темнорусыми волосами и голубыми глазами, на их сильных и статных женщин, на детей. Сражались они одетыми в медные шлемы и панцири, применяя в бою длинные мечи, метательные копья и большие продолговатые щиты. Их боевой строй представлял тесную фалангу, состоявшую из равного числа рядов в ширину и глубину фронта.

Воины первых рядов часто связывались друг с другом цепочками или веревками, продетыми в металлические пояса. Из такой связанной одной цепью шеренги невозможно было ни бежать, ни отступить. Существовала у кимвров и конница, но по своим боевым качествам и численности она уступала римской.

Кимвры были суровым, диким и отчаянно смелым народом: нередко они уславливались с противником о времени и месте боя и перед началом сражения вызывали сильнейших вражеских бой-

¹ Мавритания — государство на северо-западе Африки (территория нынешнего Алжира).

цов на поединки. Перед битвой пришельцы всячески выражали свое презрение к врагу и поднимали страшный шум: мужчины оглашали воздух боевым кличем, а женщины и дети стучали по натянутым кожаным крышкам повозок. Кимвры дрались с необыкновенной храбростью, считая смерть на поле битвы достойной свободного человека. Зато после победы они зверски расправлялись с побежденными. Случалось, что они заранее посвящали богам всю военную добычу: после завершения боя уничтожалось все имущество врага, убивали даже лошадей; пленников вешали на месте или оставляли в живых только затем, чтобы принести их в жертву богам. Своих вождей они выбирали из рядов лучших и храбрейших воинов. Эти грозные орды двигались к югу, уничтожая все на своем пути.

Первые столкновения с кимврами были неудачны для римлян: несколько армий, пытавшихся остановить лавину чужеземцев, потерпели поражение. Особенно страшен был разгром армии галльского наместника Рима Квинта Сервилия Цепиона. Из 120 тысяч человек уцелела лишь горстка беглецов. Всем казалось, что республика находится на краю гибели. Взоры всего римского народа обратились к Марию, единственному прославленному полководцу того времени. Вопреки закону, запрещавшему одному и тому же лицу два года подряд занимать государственные должности, Гай Марий, находившийся еще в Африке, был заочно выбран консулом. Ему поручили командование в войне против кимвров. Аристократический сенат не смел возражать. Народная партия торжествовала: вопреки воле знати ставленник демократов, выходец из простой крестьянской семьи, получил почти неограниченную власть в республике.

В борьбе с врагами проявились одновременно и величие и все низменные стороны характера Мария. Он, как никто другой, сумел организовать оборону отечества. В то же время, завидуя талантам Суллы, Гай приложил все усилия, чтобы молодой и даровитый офицер не смог выдвинуться и хотя бы в малейшей степени соперничать с ним в военной славе.

В это тяжелое для Рима время не хватало войска, а набрать новых солдат было нелегко. Согласно закону в римской армии могли служить люди, имевшие какое-либо имущество. Неимущей бедноте — пролетариям римское правительство не доверяло. Поэтому с древнейших времен римские легионы комплектовались главным образом из крестьян, вооружавшихся за свой счет. Однако во II в. до н. э. римское крестьянство стало разоряться и уходить в города, где пополняло ряды пролетариев. В связи с этим численность римской армии резко сократилась. Военное могущество республики пошатнулось.

Стремясь увеличить римскую армию, расположенную в Африке, в 104 г. до н. э. Марий протащил в сенате военную ре-

форму. Он стал вооружать воинов за счет государства, увеличил жалование солдатам и допустил на военную службу неимущих. Эти меры привлекли в армию массу безработных пролетариев, которых конкуренция рабского труда лишила всяких средств к жизни. Отныне служба в армии стала единственным источником существования для римского бедняка, где он имел заработок и обеспечение в старости.

В 104 г. до н. э. Марий прибыл в римские владения за хребтами Альп во главе многочисленных италийских и союзных отрядов. Его сопровождали несколько опытных офицеров, среди которых особенно выделялся Корнелий Сулла.

Сначала главнокомандующий не нашел врага, против которого был послан: кимвры, уничтожившие армию Цепиона, направились в это время в Испанию, предварительно разграбив всю область к западу от реки Роны, и сражались теперь с храбрыми народами, населявшими Пиренейский полуостров. Теперь Марий имел достаточно времени, чтобы тщательно организовать оборону родины. Он укрепил дисциплину в армии, поднял ее боеспособность, приучил солдат к походам и земляным работам: руками воинов был построен канал, облегчавший доставку продовольствия из Италии.

Наконец, в 103 г. до н. э. кимвры, не сумев преодолеть отчаянного сопротивления испанцев, отхлынули обратно в Галлию, получив сильное подкрепление: к ним присоединилась многочисленная орда тевтонов. С возросшими силами вражеские вожди решили предпринять поход в Италию. Чтобы облегчить снабжение продовольствием, кимврские и тевтонские полчища разделились на две части и двинулись разными путями. Кимвры направились к западным перевалам Альп, ведущим в Италию, тевтоны — к восточным, где их ожидал Марий.

Римское войско встретило тевтонов на хорошо выбранной позиции при слиянии рек Роны и Изара. Занимая ее, римляне преграждали противнику путь, по которому тот мог проникнуть в Италию. Тевтоны напали на лагерь римлян.

Три дня подряд враг атаковал римские укрепления, но все безрезультатно. Понеся тяжелые потери, тевтоны решили прекратить штурм лагеря и, оставив его, двинуться прямо в Италию.

Шесть дней непрерывным потоком они проходили мимо римского лагеря. Оставить у себя в тылу сильную армию и отрезать себе, таким образом, всякий путь к отступлению было рискованным шагом, на который решился бы не всякий командир. Но самоуверенные тевтоны слишком презирали своих врагов и скоро поплатились за это.

Едва противник миновал римский лагерь, Марий вывел свои войска и двинулся вслед за ним. Через несколько дней при Секстиевых Водах римляне, заняв удобную позицию на высоком

холме, дали тевтонам решительный бой, отличавшийся длительностью и упорством. До полудня чужеземцы стояли непоколебимо, как стена. Но непривычный зной юга быстро утомил их, а внезапный удар, нанесенный римлянами с тыла, расстроил уже и без этого дрогнувшие ряды. Тевтоны были разгромлены и частью перебиты, частью взяты в плен. Их вождь Тевтобад оказался в числе пленников.

Одновременно летом 102 г. до н. э. кимвры перешли Альпы, вторгнувшись в пределы Италии. Здесь, при выходе из горных проходов, их ожидала стоящая лагерем римская армия под командой второго консула Квинта Лутация Катулла. Позади него протекала река, через которую навели прочный мост, обеспечивавший, в случае необходимости, отступление.

Когда кимвры густой массой хлынули из горных ущелий, римскую армию охватила паника: конница бежала за реку, а пехота бросилась на ближайшую возвышенность, казавшуюся надежной защитой. С большим трудом Катулла удалось собрать часть войска и занять оборону.

Тем временем кимвры попытались разрушить переправу, по которой римские войска могли отступить на другой берег. Враг пускал вниз по течению реки огромные стволы деревьев, которые ударялись о сваи, поддерживающие мост.

Прежде чем мост обрушился, Катулла удалось по нему переправить большую часть своих войск на другую сторону. Однако легион, прикрывавший отступление, был отрезан от главных сил, и его командир собирался сдаться на милость победителям. Но один из подчиненных ему офицеров, Гней Петрей, убил начальника, стал во главе солдат и, пробившись через ряды врагов, присоединился к остальной армии.

Не надеясь своими силами остановить кимвров, Катулл отступил, оставив на разграбление всю равнину от Альпийских гор до долины реки По. На помощь Катулла был срочно направлен Гай Марий, который стал перебрасывать свои войска с берегов Роны в Италию.

Кимвры, не решившись форсировать По, целую зиму провели в богатой местности, изобиловавшей продовольствием. Весной объединенные силы под командованием Мария и Катулла перешли реку и двинулись против врага. Противники сошлись близ местечка Верцеллы (западнее Милана). Кимвры желали дать бой и по своему обычаю предложили римлянам сговориться о дне и месте сражения. Марий согласился и назначил битву на следующий день — 30 июня 101 г. до н. э., выбрав местом сражения Радийские поля, где можно было использовать превосходство римской конницы. В назначенный день римляне атаковали врага, который хотя и предвидел нападение, но все же был захвачен врасплох. Из-за густого утреннего тумана конница

Кимвров столкнулась с более многочисленной римской кавалерией раньше, чем ожидала этого, и была отброшена к пехоте, которая лишь начинала строиться в боевой порядок. С небольшими для себя потерями римляне одержали победу.

Так погибло племя кимвров. Большинство их пало в бою, а остальные попали на невольничьи рынки. Римское государство ликвидировало грозную опасность, и в этом была большая заслуга Мариа.

После победы Марий удостоился таких почестей, каких не знал никто ни до, ни после него. Он был объявлен «спасителем отечества» и новым «основателем Рима». Народ и армия боготворили его.

Аристократическое правительство Рима было перед ним бессильно. Марий пользовался всяким предлогом, чтобы унижить римскую знать. Но даже на вершине славы он оставался прежним итальянским крестьянином, суеверным и боязливым, в глубине души которого жило неосознанное, инстинктивное почтение к аристократии.

После торжеств Марий явился в сенат в одежде триумфатора, что было грубым нарушением римских обычаев. Этим он хотел показать, что законы писаны не для него. Однако, заметив неудовольствие сенаторов, бесстрашный на поле боя Марий струсил и немедленно переделался в обычное платье.

Распустив по домам армию, Марий снова (во время войны он пять раз избирался консулом) выставил свою кандидатуру на выборах консулов. Прославленный полководец заискивал перед избирателями, старался угождать народу, хотел казаться мягким и уступчивым, к чему был менее всего способен по своему характеру. Спокойствие и невозмутимость, свойственные ему во время сражений, покидали его в Народном Собрании. Случайная похвала или порицание заставляли его теряться. Стремясь к верховной власти в государстве, Марий еще больше сблизился с народной партией. Во главе римской демократии стояли в то время Луций Апулей Сатурнин и Гай Сервилий Главция. На выборах в 100 г. до н. э. римская народная партия добилась большого успеха: Марий избирается консулом, Главция — претором, Сатурнин — народным трибуном. Придя к власти, демократы с помощью Мариа принялись за осуществление смелых социальных реформ. Они стремились ослабить власть аристократического сената, распоряжавшегося судьбой римского государства, уравнять в правах с римлянами итальянских подданных, наделить земель малоземельных крестьян и неимущих пролетариев. Этот законопроект представлял дальнейшее развитие аграрного законодательства Гракхов. С этой целью демократы предложили закон о выводе римских колонистов в Африку, Нарбонскую Галлию, Сицилию, Македонию. На территории бывших карфагенских вла-

дений неимущие римляне и италийцы должны были получить участки земли по 25 га на семью. Им выделили средства для обзаведения скотом и хозяйственным инвентарем. Осуществление этой грандиозной программы демократы намеревались поручить Марию. Они желали принятия законопроекта, так как в этом случае Марий становился неограниченным властителем Рима, ибо и армия, и денежные средства для покорения Галлии и колонизации захваченных земель находились бы в его руках. Тогда значение аристократов было бы сведено на нет. Все попытки знати бороться с Марием и народной партией не привели ни к чему. Бывший начальник Мария, глава аристократов, Квинт Цецилий Метелл, пытавшийся сопротивляться мероприятиям народной партии, был с позором изгнан из Рима. Казалось, что римские демократы одержали окончательную победу. Однако Марий внезапно изменил им.

Честолюбие Мария было честолюбием крестьянина, стремившегося сравняться в титулах, почестях и значении с аристократами. Сатурнин и Главция хотели покончить с господством знати и установить в Риме демократический строй. Они готовили окончательное свержение аристократического правительства силой оружия.

Марий же не хотел победы демократической партии, так как пользовался ее услугами лишь для того, чтобы укрепить свое влияние среди народа. Как всякий выскочка, он в глубине души презирал людей одного с ним происхождения. Несмотря на все резкие выступления против римской знати, Марий только ее и чтил и уважал, только с ее мнением и считался. Целью всей его жизни, вершиной желаний было добиться уважения и восхищения аристократов. С гибелью аристократического режима гнила и заветная мечта Мария. Поэтому в момент торжества римской народной партии прославленный полководец перешел в стан врага. В своем предательстве Марий дошел до крайних пределов. Рассказывали, что он одновременно ухитрялся в разных комнатах своего дома вести тайные переговоры с аристократами и демократами. «Знаменитый полководец», «спаситель отечества», жалуясь на расстройство желудка, ежеминутно бегал из одной комнаты в другую, возбуждая аристократов и демократов друг против друга, обещая и тем и другим свою поддержку.

Козни Мария вскоре были обнаружены. Произошел окончательный разрыв между ним и народной партией, означавший крушение всех замыслов как знаменитого полководца, так и римских демократов. Марий не мог без их поддержки стать первым лицом в государстве, они же без его авторитета и влияния были не в состоянии свергнуть господство знати.

Когда наступил срок окончания полномочий должностных лиц, выбранных на 100 г. до н. э., перед Главцией и Сатурни-

ном встал вопрос, который некогда стоял и перед Тиберием Гракхом: либо отказаться от реформ, либо добиваться своего избрания на новый год любым путем. Они выбрали путь восстания.

Как только демократы прибегли к насилию, аристократический сенат поручил Марию как консулу восстановить порядок в государстве силой оружия. 10 декабря 100 г. до н. э. завязались уличные бои между сторонниками народной партии и правительственными войсками, возглавляемыми Марием. Исход этой борьбы был заранее предрешен: разгромленные демократы отступили на Капитолий. По приказу Мария солдаты отвели от Капитолийского холма водопровод, осажденные лишились воды и вскоре сдались. Их поместили в здании сената. Гай сделал неудачную попытку спасти жизнь бывшим сторонникам. Но он уже не был хозяином положения. Молодые аристократы, принимавшие активное участие в подавлении восстания, вопреки приказу консула взобрались на крышу здания, где были заперты пленники, и перебили их сорванной с кровли черепицей. Среди убитых был и Аппулей Сатурнин. Главция пытался скрыться, но был схвачен и убит.

Римская знать торжествовала победу. Было принято решение возвратить из изгнания Метелла. Мария же не только не наградили за предательство, а, окруженного всеобщим презрением, изгнали из Рима. Человек, которого называли «спасителем отечества» и шесть раз избирали консулом, тайно, как вор, покинул родной город перед прибытием Метелла. Он отправился на Восток под предлогом поклонения восточным святыням. Марий надеялся, что в его отсутствие все забудут о совершенном им предательстве.

Вернувшись, он выстроил дом вблизи главной площади Рима с тем расчетом, чтобы привлечь на свою сторону как можно больше народу. Однако его покои пустовали.

Он надеялся, что вспыхнет война на Востоке. Но и эта надежда рухнула, как и многие другие. В его военных талантах никто не нуждался, всюду царил мир. Все забыли о прославленном полководце. Те же, кто помнил, считали его человеком смешным, ничтожным и ничуть не опасным.

Особенно раздражало Мария возвышение молодого аристократа Суллы. Видя крушение всех своих честолюбивых стремлений, Марий удалился в Байи — модный римский курорт на берегу Средиземного моря. Там у него была выстроена великолепная вилла. По рассказам, прославленный полководец вел здесь такой образ жизни, что вызвал нарекания даже со стороны выдавшихся виды римских богачей.

И все же бывший крестьянин где-то в глубине души лелеял надежду, что сбудется предсказание, по которому его в седьмой

раз выберут консулом, что снова, как некогда, поведет он римские легионы к победе и славе.

Прошло несколько лет со времени мятежа Сатурнина и Главциии. В 91 г. до н. э. италийские подданные Рима восстали, не выдержав притеснений со стороны аристократического правительства. Римлянам пришлось вести войну с людьми, не уступавшими им в выучке и вооружении. Во время этого восстания италийцев, получившего в истории название «Союзнической войны», сенат вновь вспомнил о Марии. Ему было поручено командование одним из подразделений римской армии. На этот раз счастье отвернулось от старого полководца. Луций Корнелий Сулла затмил Мария своими успехами. Дело дошло до того, что победителя кимвров и тевтонов отозвали из армии за нерешительные действия и медлительность. Многие говорили, что карьера Гая Мария окончена навсегда. Он оказался беспомощным не только на политической арене, но и в военном деле, где он считался непревзойденным мастером; его обогнал молодой и талантливый соперник — Корнелий Сулла.

Но тут случай снова вынес Мария на поверхность водоворота римской политической жизни.

В 89 г. до н. э. понтийский царь¹ Митридат VI Евпатор объявил войну Риму. Его войска наголову разгромили наспех сформированные римские отряды, быстро захватили всю Вифинию и даже провинцию Рима — Азию. Флот Понта под командованием Архелая блокировал проливы и острова Эгейского моря (кроме Родоса), а большая сухопутная армия через территорию Фракии и Македонии вторглась в Грецию.

Население, обозленное насилием римской администрации и откупщиков, принимало пришельцев как освободителей. А Афины даже восстали еще задолго до прибытия войск Митридата. Желая привлечь на свою сторону симпатии жителей, царь Понта объявлял в своих воззваниях и манифестах о намерении провести в присоединившихся к нему районах большие социальные реформы: ликвидировать долги, совершить передел земли, освободить рабов. По приказу Митридата повсеместно была организована резня римских чиновников, ростовщиков, купцов. Было убито до восьмидесяти тысяч человек, имущество их поделено, а принадлежавшие им рабы объявлены свободными. Понтийский царь вступил в тесную связь с восставшими италиками, обещая прийти к ним на помощь.

Итак, римлянам предстояла жестокая борьба. Им уже мерещилась богатая добыча; в благоприятном исходе войны они были уверены.

¹ Понтийское царство находилось на севере Малой Азии. В его состав входили территории северного Причерноморья.

Встал вопрос: кто будет главнокомандующим — ставленник аристократического правительства или сторонник демократов. Та партия, в чьи руки попадет захваченная добыча, надолго сумеет утвердить свое господство в государстве.

Снова в Риме вспыхнула борьба между аристократами и демократами из-за поста командующего в войне против Митридата. Знать выдвигала Луция Корнелия Суллу. Демократам не оставалось ничего другого, как искать сближения с Марием, единственным полководцем, который мог соперничать с Суллой. Народная партия простила Гаю Марию его вероломство. Все внезапно вспомнили старые заслуги полководца.

Демократы добились в Народном Собрании проведения закона, согласно которому командование в войне с Митридатом поручалось Марию. Согласно закону Луций Корнелий Сулла, консул этого года, должен был передать руководство военными силами государства престарелому победителю тевтонов и кимвров. Народная партия силой добилась утверждения законопроекта аристократическим правительством.

Но с Суллой не так легко было справиться. Он больше, чем кто-либо другой, имел право быть главнокомандующим на Востоке. Несколько лет назад он с величайшим успехом вел дела Рима в Азии. Луций Корнелий содействовал разгрому восставших италийцев, являлся консулом в тот год, когда вспыхнули военные действия между царем Митридатом и римлянами. Согласно римским законам Сулла в качестве консула имел неотъемлемое право командовать и в этой войне. Наконец, он был аристократом и не желал торжества народной партии. Луций Корнелий также менее всего хотел без борьбы уступить военную славу будущего боевого похода старому врагу и сопернику Гаю Марию и решил действовать.

Римское войско под командованием Суллы ворвалось в столицу, разгромило в уличном бою силы демократов, возглавляемые Марием, и восстановило господство аристократов. Марий и двенадцать других вождей народной партии были объявлены вне закона. Торжествующий Сулла во главе легионов отправился на Восток.

Тем временем преследуемый врагами Марий бежал в Африку. Много раз он и его спутники были на краю гибели, однако судьба хранила старого честолюбца. Пока Гай скитался на чужбине, а Сулла вел войну с Митридатом в Азии, римские демократы вновь подняли восстание против правительства. Узнав об этом, Марий поспешил в Италию, набрав по пути отряд из беглых рабов и италийцев — участников восстания против Рима. С этими силами Марий присоединился к демократической армии, готовившейся захватить Рим.

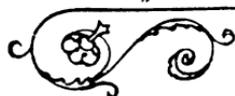
В 87 г. до н. э. войска народной партии под командованием Мария овладели столицей. Вступая в Рим, старый полководец помышлял лишь о мести, желая расквитаться с противниками за все свои несчастья, неудачи и унижения. Было решено предать смерти всех видных членов аристократической партии и конфисковать их имущество.

Пять дней и пять ночей без перерыва продолжалась в Риме кровавая резня. Но и потом еще в столице ежедневно убивали людей по приказу Мария: он сам указывал жертвы и назначал палачей. Не раз один взгляд Мария или молчание, которым он встречал приветствующих его, равнялись смертному приговору.

Гай Марий запрещал хоронить трупы, приказывая выставлять головы убитых сенаторов у ораторской трибуны на главной площади Рима.

Однако Марий не был счастлив, понимая, что если в первые консульства он был надеждой и гордостью своих сограждан, то теперь казался им пугалом, чудовищем. Даже демократы сторонились и стыдились его бессмысленной жестокости. Наиболее уважаемый представитель народной партии, Квинт Серторий, открыто выражал негодование и порицал жестокость Мария.

Старому полководцу не давали покоя успехи Суллы на Востоке в войне против Митридата. Снедаемый завистью к своему более молодому и удачливому сопернику, с которым судьба постоянно сталкивала его, Марий стал готовиться к походу на Восток. В разгар этих приготовлений он заболел. Сказались старые раны, суровые лишения, пьянство, которым старик старался заглушить тоску и горечь неудач. Во время болезни, длившейся семь дней, Марий бредил сражениями и победами, которые, как ему казалось, он одерживал над Митридатом: его мучила зависть к Сулле. «Спаситель отечества» умер 13 января 86 г. до н. э. на семидесятом году жизни. При этом известии Рим и Италия вздохнули с облегчением.

Сулла

В течение III в. до н. э. в Римском государстве произошли огромные изменения. Рим превратился в центр могущественной державы, имевшей мировое значение. Такая быстрая перемена отразилась на всей жизни общества. Суровые, неприхотливые и скуповатые римляне, привыкшие экономить каждую копейку, жить интересами своего небольшого замкнутого хозяйства, вдруг оказались обладателями неисчислимых богатств. Государственные деятели, политический кругозор которых ограничивался пределами Италии, вершили теперь судьбы чуть ли не полумира.

Древние правила и нормы поведения, которыми руководствовались отцы, деды и прадеды, менялись на глазах, а новые еще не были созданы. Старики, вроде Катона Старшего, судорожно цеплявшиеся за старые, отжившие обычаи поведения и на словах проповедовавшие древние добродетели, в практической жизни действовали вразрез со своими проповедями и впадали в ханжество и лицемерие. Молодежь, не имея идеалов, шла, куда толкала ее все увеличивавшаяся в римском обществе жажда богатств и наслаждений, куда вели ее честолюбие и случай.

Луций Корнелий Сулла был из числа таких молодых людей. Он принадлежал к одному из самых знатных римских родов. Его предки занимали высокие должности в государстве. Они были богатыми людьми и любили широко пожить. Прадеда Суллы, например, даже изгнали из сената за чрезмерное расточительство и любовь к роскоши. Эта расточительность, наследственная черта рода Суллы, привела к тому, что некогда богатая и влиятельная семья постепенно обеднела и утратила свое значение. Родители Луция Корнелия Суллы, еле-еле сводившие концы с концами лишь благодаря подачкам знатных и могущественных

родственников, заботились о воспитании сына. Сулла получил такое образование, что ни в чем не уступал ученым людям своего времени.

От отца Сулла не унаследовал состояния и, не имея даже собственного дома, был вынужден снимать квартиру, что считалось в Риме позором для человека знатного происхождения. Обладая большими способностями и огромной энергией, Л. Корнелий чувствовал себя неизмеримо выше большинства тогдашней римской молодежи. Сулла был уверен, что создан для великих дел, что именно он мог бы прославить свой род, вернуть своему семейству былое значение. Это не могло не разжигать в юноше непомерного честолюбия и стремления к власти и славе.

Вместе с тем Сулла прекрасно понимал, что бедность является препятствием для его карьеры. Страстный темперамент и жадность к жизни и ее наслаждениям мешали ему постепенно сколотить состояние: такая медленная, кропотливая работа была Сулле явно не по душе. Поэтому не оставалось ничего другого, как положиться на случай, который сразу выдвинет его в первые ряды римской знати. Сулла прекрасно понимал, что такой случай может и не представиться, но он твердо верил в чудо. Не случайно впоследствии, когда Сулла добился осуществления самых смелых мечтаний, то стал приписывать свои успехи не доблести и не талантам, а исключительно везению. А пока что он пользовался теми удовольствиями, которые в изобилии предоставлял «Вечный город». Он так неумеренно предавался разгулу, что удивлял даже видавших виды жителей Рима. Вероятно, поведение Суллы объяснялось не только погоней за наслаждениями, но было также стихийным протестом против лицемерия «старозаветных» римлян, прикрывавших свои грешки разговорами «о добрых старых нравах и обычаях».

Многочисленные долги и неприличное поведение Суллы приводили в ужас родственников. Пользуясь связями, они с трудом пристроили Суллу офицером в штаб консула Мария, отправлявшегося в африканский поход. Так молодой человек, позоривший добропорядочное семейство, был удален от соблазнов столицы. Сулле в это время исполнился тридцать один год. Он начинал свою военную и политическую деятельность в том возрасте, когда многие из его сограждан уже сделали карьеру.

Его начальник Марий — выходец из низших слоев римского общества — был храбрый человек и талантливый полководец, не получивший греческого образования, считавшегося обязательным для римских аристократов. Будучи на вершине славы и могущества, Марий сохранил манеры и привычки италийского крестьянина, чувствуя себя гораздо лучше в солдатском лагере, чем в великосветской гостиной какой-нибудь римской красавицы. Его мужиковатый вид, непонимание греческой речи, которой

в совершенстве владела знать, пристрастие к вину — все это было предметом шуток римской «золотой молодежи».

Штаб Мария состоял из людей, подобных их начальнику, начавших службу с низших чинов. Они добились высокого положения лишь благодаря личным заслугам и храбрости. Эти грубые служаки неприветливо встретили знатного и образованного аристократа, не прославившегося ничем, кроме громких скандалов и кутежей в столице.

Сулле хотелось не только добиться уважения среди суровых сослуживцев, но и превзойти их храбростью и деловыми качествами. Кроме того, ему впервые открывалась возможность применить свою энергию и способности к чему-нибудь большему, чем кутежи. С той же страстью, с какой он прежде предавался разгулу, Сулла с головой погрузился в военные дела.

Война в африканской пустыне против отважного и хитрого нумидийского царя Югурты предоставила способному офицеру огромные возможности выдвинуться и проявить свои таланты. Сулла охотно брался за любое трудное дело и всегда доводил его до конца. Он умело обходился с солдатами, принимая наравне с ними участие в земляных работах. И в битве, и на военных советах Корнелий превосходил всех храбростью, находчивостью и умом. Сулла скоро сделался любимцем как солдат, так и самого главнокомандующего.

Борьба с неуловимыми нумидийскими всадниками, привыкшими к войне в пустыне, требовала хорошей организации конницы. Сулле было поручено сформировать в Италии новые кавалерийские соединения. Он великолепно справился с этой задачей, показав себя превосходным организатором.

В одном из сражений застигнутые врасплох римские легионеры избежали разгрома лишь благодаря смелости и энергии Суллы, командовавшего римской конницей.

Наконец, окончательной победой в африканской войне римляне в значительной мере были обязаны безрассудной отваге Суллы.

Несмотря на ряд поражений, которые потерпели нумидийцы в борьбе с Римом, война не могла прекратиться до тех пор, пока оставался на свободе царь Югурта, пользовавшийся огромным влиянием среди соплеменников. Свои дерзкие и опустошительные набеги Югурта совершал из отдаленного и труднодоступного Мавританского царства, которым правил его тесть Бокх. К Бокху было необходимо отправить римского офицера с требованием о выдаче Югурты. Это предприятие было связано с огромным риском, так как мавританский царь мог выдать римского посла Югурте, а в этом случае его ожидала мучительная казнь.

Когда среди штабных офицеров Мария стали искать добровольца, который взял бы на себя это ответственное поручение,

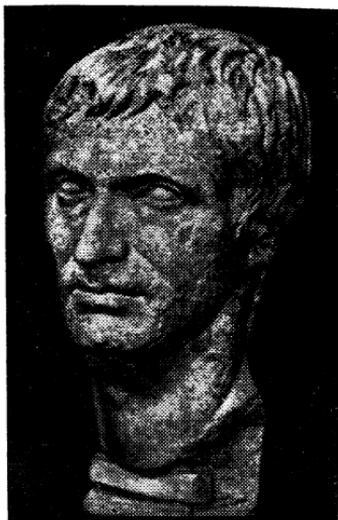
даже самые мужественные воины колебались. Одно дело умереть в бою, на глазах у товарищей, другое — погибнуть в одиночку под страшными пытками среди врагов. Из всех офицеров лишь один Сулла, ни минуты не раздумывая, взялся за опасное предприятие. Для него это был желанный случай доказать свое превосходство над другими. Быть может, Сулла тайне хотел испытать судьбу, увериться в благосклонности единственного божества, которому он поклонялся.

Во время опасного посольства Сулла во всем блеске проявил бесстрашие и ловкость. Он не дрогнул, когда проводник вел его к Бокху через лагерь нумидийских воинов. С презрением отклонил он трусливые советы своих спутников, которые в самую последнюю минуту предлагали ему спастись бегством. Такую же твердость и бесстрашие Сулла проявил в переговорах с Бокхом и сумел добиться выдачи нумидийского царя. Сквозной Югурта был доставлен Л. Корнелием в римский лагерь. Трудный африканский поход закончился. Однако подвиг Суллы задел мнительного и завистливого Мария, который годами подготавливал свой успех. И вдруг, откуда ни возьмись, какой-то офицер, появившийся недавно в армии, вырвал у него победу.

Марий с трудом скрывал свое раздражение под маской добродушия и благожелательности. Сулла прекрасно понимал, что происходило в душе его начальника, но ему доставляло большое удовольствие злить подозрительного и мужиковатого Мария. Это был прекрасный случай расквитаться за тот более чем холодный прием, который оказали молодому аристократу сам Марий и старые штабные офицеры. Кроме того, скромность не входила в число добродетелей Суллы, и он не считал нужным молчать о своих заслугах.

Враждебные Марию аристократы старались подорвать его авторитет в глазах народа. Всюду, где только можно, они подчеркивали двусмысленность создавшегося положения: формально победителем в африканской войне считался выходец из престолярства, консул Марий, фактически же войну закончил римский аристократ Сулла.

Не без помощи сената Сулла убедил мавританского царя Бокха воздвигнуть на главной площади Рима скульптурную

Сулла

группу, изображавшую эпизод пленения Югурты. Это еще больше насторожило Мария. Однако внешне отношения между Суллой и его начальником оставались прекрасными.

Вскоре после окончания войны с Югуртой с севера в пределы Римского государства вторглись племена кимбров и тевтонов. Орды отважных воинов разгромили посланные против них римские войска и угрожали самой Италии. Ввиду нависшей опасности командование армией снова было поручено Марию. В числе его штабных офицеров по-прежнему находился Сулла. Римская армия и в этой войне не раз была обязана ему своими победами. С возрастанием авторитета Суллы росло и недовольство Марии: главнокомандующий перестал давать Сулле важные поручения и открыто мешал его продвижению по службе. Это привело к полному разрыву между ними, и Сулла перешел в штаб второго консула, аристократа Катутла, который открыл ему путь к славе и власти. В руках молодого штабиста оказалось все продовольственное снабжение римской армии: в трудных условиях он сумел наладить бесперебойную доставку в войска провианта и фуража. Это в значительной мере облегчило римлянам победу над кимбрами и тевтонами.

После победы над германцами аристократическое правительство Рима предоставило Сулле возможность поправить его денежные дела, назначив его наместником в одну из восточных провинций, которой угрожало нападение со стороны понтийского царя Митридата. Сулла и здесь проявил свои недюжинные дипломатические способности и изворотливость, сумев предотвратить войну, казавшуюся неизбежной.

С Востока Сулла вернулся богатым человеком, изрядно ограбив подвластную ему провинцию, где не пренебрегал никакими средствами, чтобы приумножить свое состояние. Грабеж населения римскими наместниками был обычным явлением, и в Риме, как правило, никто не обращал на это никакого внимания. Но Сулла в данном случае проявил такой непомерный аппетит и такую беззастенчивость, что вызвал нарекания даже со стороны сената.

Сторонник народной партии, Гай Цензорин, возвел против Суллы обвинение во взяточничестве и ограблении провинции. Назначили судебное разбирательство. Но во время суда Цензорин неожиданно для всех отказался от своих обвинений, и дело было прекращено. Все знали, что Сулла не из тех людей, которые прощают обиды, и Цензорин, по-видимому, струсил, решив не наживать себе опасного врага.

Возвращение Суллы с Востока на родину совпало с тревожными событиями в Риме. Незадолго перед тем народная партия попыталась захватить власть в столице. Однако нерешительность, а потом и прямая измена Мария привели к провалу этой

попытки. Вчерашний герой, спаситель отечества от германских варваров, превратился в предателя, в обанкротившегося политика.

Вскоре вспыхнуло восстание италиков, известное в истории под названием «Союзнической войны». Этот период явился тяжелым испытанием для Римского государства: пришлось сражаться с людьми, прошедшими выучку в римской армии и ни в чем ей не уступавшими.

Сулле поручили командование армией. В этой войне своими успехами он окончательно затмил Мария, разгромив самнитов — самое могущественное из восставших италийских племен. Огнем и мечом Сулла прошел их землю и взял штурмом столицу самнитов город Бовиан. После этого движение «союзников» пошло на убыль.

Успехи в «Союзнической войне» выдвинули Суллу на первое место среди военных и политических деятелей. Его избирают консулом. Сделанная им карьера могла удовлетворить самого тщеславного честолюбца, но Сулла не знал предела своим мечтаниям. Луций Корнелий Сулла породнился с одной из самых знатных и влиятельных римских фамилий, женившись на Цецилии, дочери верховного жреца Метелла. В глазах окружающих женитьба на Цецилии, принадлежавшей к высшим кругам римской знати, считалась большой честью для Суллы, выходца из обедневшей семьи.

В период консульства Суллы разгорелась давно угрожавшая Риму война с понтийским царем Митридатом. Понтийский царь правил землями, расположенными на северном и южном побережье Черного моря, а также областями в Малой Азии. Царь Понта мог набирать людей в войско на огромном пространстве от устья Дуная до Каспийского моря. Во главе его армии стояли опытные греческие военачальники. Однако пестрая масса войск Митридата не имела единоначалия и неизбежно должна была потерпеть поражение в столкновении с высокоорганизованной римской военной системой. Огромное государство Митридата было лоскутным, готовым распасться при первой же серьезной неудаче, что прекрасно понимал владыка Понта и старался избежать открытого столкновения с Римом.

Долгое время Митридату удавалось вести в отношении римлян рискованную политику на грани войны. Однако после того как «Союзническая война» была в основном закончена, римские дипломаты сумели вызвать понтийского царя на открытое столкновение.

Несмотря на подавляющее превосходство римлян, у понтийского царя были некоторые шансы на успех. Прежде всего Римское государство ослаблялось постоянной борьбой между аристократическим правительством и народной партией, стремившей-

ся к власти. Митридат, на худой конец, мог всегда попытаться сговориться с одной из борющихся в Риме сторон. Кроме того, не все очаги «Союзнической войны» в Италии были потушены, и Митридат надеялся раздуть их с новой силой. Он даже включил в состав своей армии, вооруженной по римскому образцу, отряд италийских беглецов, нашедших приют после разгрома восстания при дворе понтийского царя. В подвластных республике провинциях местные жители, и особенно рабы, были недовольны римским владычеством. Митридат обратился к этим людям с призывом восстать против Рима. В ответ на это в Малой Азии и Греции начались массовые избиения римских чиновников, купцов и ростовщиков. На одном только небольшом острове Делос было перебито до двадцати тысяч римлян. Вся Малая Азия и Греция вскоре оказались в руках понтийского царя.

Успехи Митридата показали римлянам всю серьезность положения. В Риме предполагали, что исход борьбы будет в пользу римлян, если правительство примется за дело всерьез. Но на пути к решительному ведению войны стояли многочисленные препятствия. Первым и главным из них была борьба между аристократами и народной партией. Обе стороны прекрасно понимали, что победа над Митридатом сулила не только славу, но и огромные денежные богатства в виде военной добычи, конфискаций и штрафов с восставших городов Малой Азии и Греции. В руках командующего армией, направленной против Митридата, окажутся огромные средства, которые можно употребить на подкуп избирателей, солдат, на захват власти в государстве. Поэтому было очень важно, кто будет главнокомандующим: ставленник аристократического правительства или сторонник народной партии. В Риме было только два военачальника, слава и заслуги которых давали им право добиваться командования в войне с Митридатом: Сулла и Марий. Назначение первого значительно бы упрочило положение правительства. Поэтому народной партии ничего другого не оставалось, как простить Марию его предательство и поддерживать его кандидатуру. Гай Марий принял поддержку прежних друзей, надеясь с их помощью восстановить свое положение в республике.

Было очевидно, что правительство пошлет против Митридата Суллу. Поэтому народная партия подняла массы на борьбу против правительства с целью передачи командования в войне с Понтом Марию. Во время волнений народ напал на сенаторов и многих из них убил. При этом погиб сын консула Помпея. Консул Сулла был загнан сторонниками народной партии в дом Мария. Здесь демократы, угрожая ему кинжалами, требовали, чтобы он уступил командование своему политическому противнику. Корнелий Сулла принял требования народной партии. Консул Помпей, проявивший больше упорства, был лишен власти, а Сулла пуб-

лично, на главной площади Рима, признал Мариа главнокомандующим. Народная партия ликовала.

Однако радость была преждевременна: усыпив бдительность противника рядом уступок, Сулла бежал из Рима к боготворившей его армии, с которой он прошел «Союзническую войну». Он настроил солдат против Мариа, соблазнил их рассказами об огромной добыче, ожидающей их на Востоке; он запугал солдат тем, что Марий отправится в поход с другими войсками, предоставив им заканчивать тяжелую и малоприбыльную «Союзническую войну». Сулла добился того, что его солдаты перебили посланных к ним Марием офицеров и потребовали, чтобы их вели на Рим.

Никогда еще ни один римский полководец даже не помышлял о походе против собственной столицы. Армия во главе с консулом могла переступить границу «Вечного города», лишь получив право на триумфальное шествие. В глазах Суллы римский народ, который назывался владыкой мира, был лишь сборищем черни, а победитель кимвров и тевтонов Марий — обанкротившимся политическим мошенником. Законность Луций Корнелий считал пустым словом, а «Вечный город» был для него населенным пунктом, лишенным гарнизона, с полуразвалившимися укреплениями, взять которые значительно легче, чем овладеть Бовианом.

Во главе шести легионов Сулла ворвался в Рим, разгромил в уличных боях наспех собранные Марием силы и овладел столицей. Впервые за всю многовековую историю Рима на его площадях запылали бивуачные костры римских легионеров. Марий и другие вожди народной партии бежали. Сенат объявил двенадцать человек врагами отечества, подлежащими смертной казни.

Разгромив демократов и укрепив власть сената, Сулла двинулся на Восток против понтийского царя. Это было отчаянно смелое предприятие: у консула не было ни военного флота, ни денег, в тылу у него оставался враждебный ему римский народ и незаконченная «Союзническая война». Однако римская армия, если не численно, то по своим боевым качествам превосходила войска Митридата. На стороне Суллы были имущие классы Греции, испуганные восстаниями рабов и бедноты, поднявшимися по призыву понтийского царя.

Действия Суллы отличались быстротой и решительностью. Нуждаясь во флоте, он послал в Восточное Средиземноморье своего помощника Лициния Лукулла, чтобы нанять на службу финикийских, критских и киликийских пиратов.

Начиная с 87 г. до н. э. с большим упорством римляне повели осаду центров восстания в Греции — Афин и Пирея. Когда же в 86 г. до н. э. Афины были взяты штурмом, началось ужасное и безжалостное избиение жителей. Город был огдан на разграбление солдатам Суллы.

Когда Сулла приказал выдать ему сокровища Дельфийского храма, посвященного богу Аполлону, жрецы заявили: они не решаются трогать ценности в виду явного проявления божественного гнева (в храме были слышны пение и музыка). На это Сулла, смеясь, ответил, что наоборот, божество с удовольствием отдает ему свои сокровища, так как пение и музыка обычно являются признаками радости, а не гнева. После этого жрецам не оставалось ничего другого, как доставить римскому полководцу требуемые ценности.

В битвах в Беотии¹ — при Орхомене и Херонее — римляне разгромили две армии Митридата и очистили от понтийцев всю Грецию.

Однако победы Суллы были сведены к нулю событиями, происшедшими в это время в Италии. Пока Сулла на Востоке боролся против Митридата, Римом снова овладела народная партия. В столицу вернулся Марий, жаждавший мести. Народная партия вошла в соглашение с остатками восставших италийцев, и началась расправа со сторонниками аристократического правительства. Убийства, конфискации и изгнания следовали одно за другим.

Однако дни престарелого Мария были сочтены: возраст, раны и лишения подорвали его здоровье. Он заболел горячкой. Во время болезни, длившейся семь дней, Гай Марий бредил сражениями и победами над Митридатом. Даже на пороге смерти Мария терзала зависть к его более счастливому сопернику.

После его смерти взяли верх умеренные элементы, боявшиеся жестокостью отпугнуть состоятельные слои римского населения. Убийства были прекращены. Под предлогом выплаты жалования рабов и италийцев, выполнявших приказы покойного Мария, окружили войсками и истребили. Таким способом вожди народной партии хотели доказать, что они непричастны к прежним избиениям, и свалили всю вину с себя на умершего Мария.

В это время начались восстания против Митридата в городах Малой Азии. Известие об изгнании понтийских войск из Греции и появление новой римской армии под командой представителя демократов Флакка ободрили состоятельные слои малоазийского населения, недовольного политикой Митридата. К концу 85 г. до н. э. положение Митридата стало крайне тяжелым. После битвы при Орхомене Греция была для него окончательно потеряна. Одна часть Малой Азии была занята римской армией Флакка, а другая охвачена восстанием. В довершение всего на море появился созданный Суллой римский флот. Однако для Митридата оставался еще выход: играя на вражде между римскими аристократами и демократами, он мог выторговать выгоду.

¹ Беотия — область на севере Греции.

ные условия мира. Мир можно было заключить или с Суллой, или с Флакком, в зависимости от того, кто окажется уступчивее.

Митридат начал переговоры одновременно с двумя римскими военачальниками. Он готов был отказаться от уже потерянных им территорий в Греции, но настаивал на присоединении к Понту римских владений в Азии. Сулла отверг эти наглые условия и переправил свои войска в Малую Азию прежде, чем Митридат успел прийти к соглашению с римскими демократами. Появление Суллы в Азии заставило понтийского царя поспешно договориться с ним об условиях мира. При раздорах, которые потрясали римскую республику, ему удалось добиться от Суллы если не выгодных, то вполне сносных условий.

Митридат должен был уступить все занятые им у римлян области, выдать пленных и перебежчиков, передать Сулле свой флот из восьмидесяти боевых кораблей, доставить продовольствие, уплатить жалованье римской армии и возместить военные издержки.

Закончив войну с Митридатом, Корнелий Сулла двинулся против армии римских демократов, находившейся в Малой Азии. Войско народной партии было не только слабее армии Суллы числом, но и уступало ей в отношении дисциплины. Незадолго перед появлением Суллы в Азии офицеры демократической армии составили заговор против своего начальника Флакка, в результате которого он был убит, а на его место избран Гай Флавий Фимбрия, принимавший вместе с Марием участие в истреблении римских аристократов.

Когда Сулла подступил к лагерю противника, солдаты демократической армии стали массами покидать своего начальника. Видя безвыходность положения, Фимбрия покончил жизнь самоубийством. После этого Сулла стал готовиться к походу в Италию против захватившей власть в Риме народной партии. На города Малой Азии, население которых по призыву Митридата приняло участие в избиении римских купцов, был наложен штраф.

Перед отплытием в Италию Сулла решил испытать верность своих воинов, распустив слух, что его казна опустела из-за огромных расходов. Узнав об этом, солдаты тотчас же устроили складчину и предложили консулу из собственных сбережений значительную сумму для ведения войны в Италии. Денег Сулла не взял, но поблагодарил солдат за усердие: теперь он знал, что солдаты верят в его удачу и пойдут за ним навстречу любой опасности.

В 83 г. до н. э. Сулла со своей армией высадился на юге Италии в Брундизии. Со всех сторон к его лагерю стали стекаться сторонники аристократии. Объединившиеся вокруг Корнелия Суллы аристократы были более сплочены, чем их противники — демократы. Исход борьбы был ясен, так как в распоряжении

Суллы находились огромные денежные средства, награбленные на Востоке. Благодаря подкупу, ему удалось сразу же после высадки переманить на свою сторону армию одного из демократических консулов. Армия другого консула была осаждена Суллой в городе Капуя.

Демократы прибегли к крайним средствам для продолжения борьбы: золотая и серебряная утварь римских храмов была перечеканена в монету. Демократическое войско пополнялось многочисленными италийскими добровольцами — участниками недавнего восстания против Рима. В короткий срок была собрана громадная армия — около 40 легионов.

В столице опять началось избияние людей, подозреваемых в сочувствии аристократам. Однако дни правления демократов были сочтены. В 82 г. до н. э. Сулла овладел Римом. В некоторых частях Италии остатки демократов и восставших италийцев еще пытались оказывать сопротивление, но это была уже борьба без всякой надежды на успех.

Началась свирепая расправа с побежденными. Сулла хотел дать народным массам жестокий урок. Он начал с того, что приказал согнать на Марсово поле шесть тысяч пленных и всех их перебить. Крики людей, которых резали как баранов, донесся до храма богини войны Беллоны, где Сулла держал речь перед собравшимся сенатом. Сенаторы пришли в ужас. Но консул посоветовал им не обращать внимания на то, что происходит снаружи: не случилось ничего особенного, просто его солдаты получили приказ проучить кучку негодяев. После этого жители Рима поняли, что победа Суллы не избавила их от кровопролития, а лишь привела к замене одного палача другим.

Многие были удивлены свирепостью победителя. Все знали, что Марий был жесток от природы, а неограниченная власть только дала свободу его врожденным порочным наклонностям. Сулла же смолоду прослыл человеком веселым и добрым, всегда готовым пожалеть несчастного и помочь любому в беде. Полагали, что, придя к власти, Сулла прекратит жестокие расправы, к которым прибегли Марий и демократы. Однако, овладев Римом, он превзошел Гая Мария в жестокости, как несколько раньше в военной славе.

Были введены *проскрипции* — списки людей, объявленных вне закона. В них включали всех заподозренных в сочувствии демократам. Сразу же приговорили к смерти сорок сенаторов и около тысячи шестисот других людей. Сулла назначил подарки тем, кто их убьет, деньги — кто на них донесет, наказания — кто укроет приговоренных. Немного времени спустя он включил в проскрипции еще новых людей: все осужденные погибали там, где их схватили, — в домах, на улицах, в храмах. Некоторые в страхе бросались с мольбой о жизни к Сулле, а их убивали у его

ног. Страх был так велик, что никто из наблюдавших эти ужасы не смел даже пикнуть.

Когда в столице уже некому было предъявлять обвинения, Сулла обрушился на целые области Италии. В большую часть городов он направлял колонистов из своих солдат, чтобы иметь гарнизоны по всей Италии. Земля, принадлежавшая горожанам, их дома и имущество были поделены между солдатами. Ужас охватил всю республику. Никто не помышлял о сопротивлении главе аристократов. Только в Испании отважный вождь демократов Серторий, опираясь на поддержку местного населения, долгие годы успешно боролся против Суллы и его полководцев.

После победы над демократами Сулла стал диктатором, сделавшись единственным и полновластным властителем Рима. Он сразу же принялся за восстановление и упрочение господства аристократии.

Приверженцы Суллы воспользовались проскрипциями и конфискациями для личного обогащения. Один из его штабных офицеров, Марк Лициний Красс, благодаря проскрипциям сделался самым богатым человеком в Риме. Желая вознаградить своих сторонников за усердие, Сулла не препятствовал им грабить и обогащаться. Он раздавал щедрой рукой конфискованные имения, дарил земли с многочисленным населением и доходами от городов своим офицерам, красивым женщинам и разным проходимцам.

Он хорошо знал корыстолюбие римской аристократии и считал необходимым задобрить ее, чтобы она не мешала ему установить твердый порядок в ее же интересах. Но Сулла понимал, что знать не способна к управлению республикой, и выбрал своими ближайшими помощниками в деле восстановления древнего государственного строя «новых людей» — способных, беспринципных и честолюбивых перебежчиков из демократического лагеря. Между аристократами и «новыми людьми», не имевшими знатных предков и родословной, сразу же разгорелась вражда. Однако Сулла умел держать своих подчиненных в руках: когда его ближайший сподвижник Лукреций Офелла вопреки воле диктатора выдвинул свою кандидатуру в консулы, он приказал убить его на главной площади Рима в присутствии Народного Собрания.

Сулла хорошо сознавал непрочность установленного им строя, при котором у власти снова оказалась родовитая римская знать. Прекрасно зная людей, он ясно предвидел будущее. Когда знатные друзья упростили его пощадить племянника Гая Мария, будущего диктатора Гая Юлия Цезаря, Сулла, вычеркивая имя Цезаря из проскрипционного списка, заметил:

— Вы еще пожалеете о сделанном. В этом молодом человеке сидит сотня Мариев.

Ближайший помощник Суллы Гней Помпей вопреки советам диктатора добился избрания в консулы Марка Лепида. Когда

Помпей возвращался домой, радуясь своему успеху и влиянию на избирателей, Сулла, подзвав его к себе, сказал:

— Ты, молодой человек, недурно распорядился, проведя Лепида в консулы. Теперь не спи и гляди в оба — ты усилил противника на свою же голову.

Очень скоро предсказание диктатора сбылось: Марк Лепид выступил против Помпея, поддерживавшего сулланский режим.

Восстановив в Риме господство аристократии, Сулла решился на смелый шаг, сложив с себя диктаторские полномочия и вернувшись к частной жизни. Будучи полновластным правителем республики, он распоряжался по своему усмотрению жизнью людей и их собственностью. И вот теперь всесильный диктатор публично отказался от власти, распустил вооруженную охрану и обратился к Народному Собранию с предложением: если кто пожелает, может потребовать у него отчета о деятельности. Растерянные жители безмолвствовали. Тогда Сулла сошел с ораторской трибуны и спокойно прошел через толпу, в которой, пожалуй, не было человека, которому бы он ни причинил какого-нибудь вреда.

Многие удивлялись этому поступку Суллы. Диктатор Гай Юлий Цезарь считал впоследствии отказ Суллы от власти ошибкой. Однако сам Гай, цепляясь за ускользающую власть, пал под ударами кинжалов заговорщиков, а Сулла умер своей смертью, окруженный преданными друзьями.

Он лично достиг всего, о чем мог мечтать. Кроме того, честолюбие Суллы было особым: его больше привлекало достижение цели, преодоление трудностей, чем сама цель.

Большее удовольствие доставляло ему завоевывать власть, чем пользоваться ею. Как только Сулла достиг всего, чего мог желать, то заметил, что власть мешает ему наслаждаться красотой жизни. Тогда он ушел на покой, удалившись в одно из своих имений. Здесь Сулла занялся охотой, рыбной ловлей и составлением мемуаров¹. В это время умерла его жена, Цецилия Метелла. Вскоре Сулла, уже будучи пожилым человеком, женился (в пятый раз) на Валерии Мессале, сестре известного римского адвоката Гортензия, соперника знаменитого Цицерона.

Сулла умер на шестидесятом году жизни от горлового кровотечения (в 78 г. до н. э.). Когда в Риме зашла речь о похоронах Суллы, многие протестовали против торжественного погребения тирана. Это были люди, боявшиеся что-либо сказать при жизни диктатора. Однако память и страх перед Суллой еще жили. Было решено перенести его тело в столицу и здесь похоронить.

Никогда Италия не видела более торжественных похорон. Всюду, где проносили тело умершего, к шествию присоединялись

¹ *Мемуары* — воспоминания, литературное произведение в форме записок о пережитом и виденном.

толпы народа и старые солдаты Суллы. Впереди несли боевые знамена диктатора. Казалось, вся армия захотела в последний раз собраться вокруг умершего командира, который при жизни так часто водил ее к победам. Наконец, нескончаемая траурная процессия вступила в столицу.

Сенат решил тело Суллы предать сожжению. Его прах был погребен на Марсовом поле рядом с гробницами древних римских правителей. Надпись на его мавзолее, составленная заранее самим Суллой, гласила: *«Здесь лежит человек, который более, чем кто-либо из других смертных, сделал много добра своим друзьям и зла врагам».*

Сильный духом и телом, голубоглазый, светловолосый, с поразительно бледным лицом, которое при малейшем волнении заливалось яркой краской, Сулла был красивым человеком. Он искал в жизни только веселья и наслаждений. Его одинаково любили в аристократических гостиных и в солдатских палатках. Он был интересным собеседником и хорошим товарищем. Знатные и незнатные друзья находили в нем человека, всегда готового помочь в нужде. Сулла был страстным поклонником вина и женщин: целый год после его смерти римские дамы носили по нему траур.

Он любил шутку и отличался чудачеством. Когда однажды во времена своей диктатуры Сулла руководил публичной продажей имущества людей, объявленных вне закона, какой-то поэт преподнес ему плохие стихи, прославляющие его деяния. Сулла тут же приказал выдать автору награду из конфискованного имущества с условием, чтобы сочинитель поклялся впредь никогда не писать стихов.

В Сулле не было даже следа того чванства, с которым римская знать обычно относилась к артистам, художникам, писателям. Он охотно выбирал себе товарищей из среды актеров и любил проводить время за бокалом вина в обществе Квинта Росция, величайшего артиста той эпохи. Сам Сулла неплохо пел и даже сочинял комедии-шутки, которые исполнялись в близком ему кругу. Он был суеверен, но его суеверие не имело ничего общего с легковерием Мария, за деньги покупавшего у жрецов благоприятные предсказания, а затем действовавшего согласно этим заведомо ложным пророчествам. Вера Суллы была верой в судьбу, в случай, верой человека, навсегда отказавшегося от надежды установить причинную связь между явлениями. Это было суеверие счастливого игрока, убежденного в том, что судьба предопределила ему везде и всегда выигрывать. Он был сыном своего времени и своего класса. Рожденный в другую эпоху и в другой среде, Сулла стал бы украшением отечества. Вместо этого он сделался пугалом, чудовищем, о котором последующие поколения вспоминали с ужасом и отвращением.

Квинт Серторий

Серторий родился в небогатой семье. В малолетнем возрасте он потерял отца. Мать — умная и решительная женщина — хотела, чтобы ее сын стал юристом. Серторий, получивший юридическое образование, выступал в судах, выиграв несколько дел, но они не принесли ему богатства.

Молодой человек решил поступить в армию, чтобы сделать военную карьеру. Он участвовал в войне с кимврами и тевтонами. Его можно было видеть в самых опасных местах. Однажды в схватке под ним убили коня, а сам он был ранен. Едва оправившись от ранения, Серторий принял участие в рискованной разведке: он проник в расположение врага и принес о нем важные сведения. Римский военачальник Марий наградил отважного Квинта.

После окончания войны с кимврами и тевтонами Серторий, уже как военный трибун, был отправлен в Испанию во главе крупного отряда, где проявил блестящие военные и политические способности. Он умело руководил боевыми действиями против непокорных горцев и в то же время защищал мирных жителей от грабежей и бесчинств своих солдат. Мужество и бесстрашие, умение не теряться при неудачах, мягкость и человечность Сертория сделали его имя широко известным на Пиренейском полуострове. Воины и местные жители прозвали Квинта Сертория «испанским Ганнибалом» (как и знаменитый карфагенский полководец, он потерял глаз в одном из сражений).

Вскоре Серторий получил назначение на должность квестора в Галлии. И здесь он проявил честность и исполнительность по отношению к назначившему его на этот пост вождю демократов Марию, продолжая бороться против Суллы и после смерти Гая Мариа.

Когда аристократы овладели Римом, Серторий бежал в Испанию, так как его имя было внесено в проскрипции. В Испании Сертория преследовали неудачи: небольшая армия, которой он командовал, была разбита войсками Суллы. Пришлось покинуть Пиренейский полуостров и бежать в Ливию, где несколько лет Серторий вел бродячую и полную опасных приключений жизнь.

Кочевые племена Ливии постоянно воевали друг с другом. Отряд Сертория, немногочисленный, но состоявший из опытных солдат, участвовал в этих войнах на чьей-либо стороне, чем вызывал зависть местных царьков. Римскому военачальнику пришлось проявить дипломатические способности, действуя где подкупом, а где оружием, чтобы укрепиться в Ливии.

Даже здесь, далеко от Рима, Квинт Серторий не чувствовал себя в безопасности: неоднократно охрана вылавливала наемных убийц, которые надеялись на огромную награду, обещанную Суллой за голову Сертория.

Войско Квинта осадило крепость Тингис (современный Танжер). Местный царек не желал сдаваться, и римский командир приказал штурмовать крепость. Разгоряченные битвой легионеры уже ворвались в крепость, когда на Сертория внезапно ударил с тыла отряд сулланцев, подошедший на помощь царьку. Воинов Сертория охватила паника, но их командир не растерялся. Он быстро перестроил ряды своих солдат и стремительно атаковал нового врага. После ожесточенной рукопашной схватки противник был разгромлен, и уже никто теперь не мог помешать победителям захватить Тингис.

Вскоре Серторий приступил к строительству морского флота. Хозяевами Средиземного моря тогда были пираты, число которых неимоверно увеличилось в годы гражданской войны в Риме. Небольшой флот Сертория вступал в схватки с их кораблями. Морские разбойники получали свободу при условии, что они будут ремонтировать корабли победителя, снабжать его оружием и продовольствием.

Бесконечные войны утомили Сертория, и он решил отказаться от участия в борьбе партий и отплыть на один из Канарских островов с тем, чтобы зажить там мирно и спокойно.

Быстро шла подготовка к дальнему путешествию. Опытные мореходы ремонтировали корабли, тщательно проверяли снасти, готовили запасы. Много дней придется провести в плавании и там некогда будет устранять неполадки. Кочевники-ливийцы пригоняли скот, приносили корзины с финиками. За все Серторий платил полновесной монетой.

Еще несколько дней, и можно будет пуститься в путь. В шатер римлянина под Тингисом постоянно приходили местные вожди, чтобы попрощаться с ним. Перед самым отъездом Серторию сообщили, что к нему прибыли послы лузитанов (племя, обитав-

шее в современной Португалии). «Чего они хотят от меня?» — удивился Серторий. В Испании ему приходилось много слышать о доблести лузитанов, отказывавшихся признать владычество Рима и не прекращавших борьбы за свою независимость.

Полководец приказал привести послов к нему в шатер. Представители храброго народа просили Сертория прибыть в Лузитанию и возглавить их борьбу против Рима за свободу. Серторий принял это приглашение. Через несколько дней его флотилия вышла из Ливии к берегам Пиренейского полуострова. Кораблям не удалось туда добраться незамеченными — море бороздил флот Суллы. Пришлось вступить в бой.

Корабли противников сближались. Отрывисто и звонко звучали трубы. В тесных и душных помещениях под палубными надстройками полуголые рабы-гребцы в такт ударам по бронзовому диску поднимали тяжелые весла. Яростно хлестали надсмотрщики плетью по обнаженным спинам гребцов...

Страшный удар потряс корабль Сертория: обшитый медью нос его судна протаранил флагмана (корабль командующего) сулланцев. Боевая *пентера*¹ врага медленно кренилась набок, в пробоину хлынула вода, спасти корабль было уже нельзя. Вскоре судно перевернулось и затонуло. Остальные корабли Суллы торопились подобрать тонущих людей.

Воспользовавшись сумятицей среди врага, Серторий приказал поднять все паруса и стал уходить к берегам Пиренейского полуострова. Он высадился в Лузитании без всяких помех. С ним было 2600 человек (значительная часть из них были африканцы, обученные римскому военному строю).

В первые же дни Сертория признали около 20 лузитанских общин. В его распоряжении теперь находились территория, армия и власть. Можно было начать серьезную войну с сулланцами.

Испания стала провинцией Рима в начале II века до н. э., после победы римлян во второй Пунической войне (264—241 гг. до н. э.). Гордые и свободолюбивые испанские племена отказывались повиноваться завоевателям, и на полуострове шла ожесточенная партизанская война. То в одной, то в другой области вспыхивали крупные восстания. Римские войска были вконец измотаны и утомлены борьбой, не прекращавшейся ни днем, ни ночью. Не один раз закаленные в боях римские легионеры терпели поражения в борьбе с испанцами.

Грандиозное восстание охватило Испанию в 151 г. до н. э. Во главе народа, поднявшегося на борьбу за свободу, встал лузитанский пастух Вириат — талантливейший полководец. У него сначала была лишь небольшая дружина храбрецов. Постепенно он подчинил себе горные племена центральной части страны и

¹ *Пентера* — военный корабль с пятью рядами весел.

Лузитанию. С быстротой лесного пожара восстание распространилось по всему полуострову. Города Лузитании дали народному вождю средства, флот, отличных моряков и строителей стенобитных и камнеметных машин.

Девять лет талантливый полководец громил первоклассные армии Рима. Римляне, победившие грозный Карфаген, теперь бежали от войск пастуха. Замечательной победой Вириата был разгром армии полководца Квинта Фабия Сервилиана. Римский консул позорно капитулировал, признав Вириата властелином Испании.

Вскоре, однако, римский сенат направил в Испанию нового полководца, который пустил в ход грязное оружие — подкуп. Золотом он склонил к измене нескольких соратников Вириата. Подкупленный предатель проник в шатер Вириата и заколол его.

Гибель вождя вызвала замешательство и разлад среди военачальников. Это помогло римлянам добиться победы. Однако она не была окончательной: вскоре вспыхнуло новое восстание. На этот раз центром сопротивления стал древний и сильно укрепленный город Нуманция на реке Дурий (Дуэро). Вокруг могучей твердыни, над стенами которой потрудились и люди и сама природа, объединились свободолюбивые племена Северной Испании.

Месяцы шли за месяцами, а Нуманция стойко отражала яростные атаки римлян. С тыла на осаждавших нападали воинственные испанцы. Снабжать римскую армию продовольствием становилось все более трудным делом.

Героическое сопротивление города длилось шестнадцать месяцев. Осажденные вынудили врага подписать с Нуманцией мир. Но сенат не утвердил заключенный договор и направил в Испанию другого военачальника — Сципиона Эмилиана — разрушителя Карфагена.

Новый командующий построил вокруг города укрепления, отрезав, таким образом, оборонявшихся от внешнего мира, и, наконец, отведя течение реки Дурий, лишил их воды. Жители Нуманции продолжали борьбу. Римлянам удалось взять город только после яростного штурма и ожесточенных уличных боев (около 133 г. до н. э.). Но и здесь они не нашли ничего, кроме развалин.

Когда Серторий прибыл в Лузитанию, со времени Нумантийской войны прошло почти столетие. Но память о героической обороне Нуманции была еще жива в народе, и еще жили дети тех, кто сражался против поработителей родины под знаменами Вириата.

Серторий привлек на свою сторону племена Лузитании и центральной части полуострова (современная Кастилия), заявив, что он борется против римского гнета. Серторий объявил о снижении налогов, запретил своему войску размещаться в домах

местных жителей. Чтобы показать пример солдатам, Серторий приказал разбить свой шатер в лесу, далеко от городских стен. Он строго запретил какие бы то ни было поборы с населения.

Много средств потратил Серторий на подкуп вождей и старшин местных племен. Он охотно набирал солдат-испанцев, назначая их на важные посты. Но ответственные должности все же сохранялись за римлянами. Тем не менее испанцы верили Серторию, видев в нем нового Вириата.

Серторий создал в Испании правительство, наподобие римского, учредил сенат и органы власти. Словно римского консула Сертория сопровождала почетная охрана в двенадцать ликторов, которые несли на плечах связки розог с воткнутыми в них топорами в знак власти Сертория над жизнью его подданных.

Серторий разделил территорию полуострова на две провинции: Лузитанию — со столицей в Эбро (ныне Эвора в Португалии) и Кельтиберию — с центром в Оске (ныне Уэска в Кастилии). Серторий начал чеканить свою монету.

Несколько лет Серторий управлял Испанией. Он стремился насаждать культуру римлян, заставлял своих приближенных подражать их обычаям, открывал школы и требовал, чтобы кругом звучала только родная ему латинская речь. Воинов он обучал по римским правилам и в армии ввел римский военный строй и жесткую дисциплину.

К Серторию со всех сторон стекались тысячи добровольцев-испанцев. У него теперь образовалось сильное войско. Скоро он вторгся в римскую провинцию — Дальняя Испания. Наступление застало сулланцев врасплох. Оставив на поле боя тысячи трупов, они в панике бежали. Почти вся провинция досталась войску Сертория.

Не давая противнику передышки, Серторий появился в провинции Иберия. Ее наместник Марк Домиций Кальвин получил приказ Суллы любой ценой остановить противника. На помощь Домицию Кальвину прибыли три легиона. Командующим всеми силами, действующими против Сертория, был назначен опытный военачальник Квинт Метелл.

Но напрасно сулланские командиры пытались остановить наступление врага. Серторий одержал новые победы: пал в бою Домиций Кальвин, сокрушительное поражение потерпел Метелл.

Серторий не давал отступавшим римлянам ни минуты покоя. Он был замечательным руководителем партизанской войны: уклоняясь от сражений, лишал римлян снабжения, отрезая все пути подвозу продовольствия, окружал небольшие части и уничтожал их, неожиданно появлялся там, где неприятель не ожидал его.

Успехи Сертория не вскружили ему голову. Он по-прежнему был прост в обращении с населением, суров с нарушителями дисциплины. Силы его росли. Через два года после высадки на пу-

стынном берегу Лузитании ему принадлежала почти вся Испания. Союзники Сертория — пираты подстерегали римские суда, захватывая, уничтожая их, снабжали испанцев оружием и продовольствием.

Серторий направил своих представителей в Галлию, призывая народ этой страны поднять восстание против Рима и присоединиться к испанцам. Вскоре в районах, соседних с Испанией, появились партизанские отряды галлов. Горные проходы Пиренеев оказались в руках восставших.

В разгар побед Сертория скончался Луций Корнелий Сулла. Римская народная партия попыталась свергнуть аристократов — сторонников Суллы, но потерпела неудачу. Тогда один из виднейших вождей демократов, Марк Перперна, привел свои войска в Испанию к Серторию (77 г. до н. э.).

Серторий ожидал Перперну в своем лагере. Воины-испанцы находились в возбуждении — к ним прибыло подкрепление из Италии. Шатер Сертория был украшен венками. У входа толпились командиры. Выстроились ликторы. Центурион доложил, что Перперна сейчас прибудет. Заиграли трубы. Восторженные клики приветствовали легионеров Перперны — отборных воинов, некогда сражавшихся под командованием самого Мария. Серторий обнял Перперну и увел его к себе в шатер.

Перперна — надменный и заносчивый, честолюбивый и бесчестный — был полной противоположностью Серторию. Очень скоро между обоими полководцами начались нелады.

Силы Рима росли. Сенат не ограничился присылкой подкреплений Метеллу, а направил против Сертория новую армию, которой командовал молодой Гней Помпей.

Разведчики сообщили Серторию о приближении крупных сил врага, и опытный военачальник решил отступить, не принимая боя. Своенравный Перперна отказался выполнить приказ начальника, начал битву с Помпеем и вскоре был разбит.

Когда остатки разгромленного войска прибыли в лагерь, полководец вышел из шатра навстречу Перперне. Воины подвели к нему двух лошадей. Одна из них была старая кляча, а другая — молодая кобыла с пышным хвостом и густой гривой. Серторий предложил легионеру, известному своей необычайной силой, подойти к старой лошади, а к молодой подошел карлик. Обоим было приказано вырвать у коней хвост.

Силач схватил клячу за хвост и дернул за него изо всей силы. Несчастливая лошадь зашаталась, но воин так и не смог вырвать у нее хвост. Карлик же начал выщипывать волосок за волоском, и скоро кобыла лишилась хвоста.

— Терпение преодолевает то, что не может сделать сила, — сказал Серторий, обращаясь к войску. Этим он хотел показать легионерам, что силу надо применять с умом.

Поражение Перперны подняло боевой дух сулланцев. Многие города спешили открыть ворота полководцам Рима. Серторий по-прежнему не принимал боя с превосходящими силами врага, изматывая его мелкими стычками.

Серторий осаждал город Лаврон, когда в тылу у него появился Помпей. Квинт быстро отвел свое войско на расположенный неподалеку холм и разбил здесь лагерь. Гней Помпей, опьяненный успехами, предложил жителям города наблюдать со стен, как будет побежден его противник.

— Я научу этого ученика Суллы, что военачальник должен смотреть не только вперед, но и назад,— ответил на хвастливые речи Помпея Серторий.

Войско его стремительным маршем обошло Гнея Помпея и захватило Лаврон. Жителям было разрешено уйти, но город запылал, подожженный со всех сторон. Помпею пришлось с позором отступить.

Скоро армия Помпея вновь столкнулась с Серторием. У реки Сукроны (ныне Сукар) завязалась жаркая битва. Войско Помпея было окружено, а сам консул тяжело ранен. Все попытки сулланцев вырваться из кольца успешно отражались. Только ночь положила конец жестокой сече. Утром на помощь Помпею прибыл Метелл и спас его от поражения.

— Если бы не подоспел Метелл,— с досадой сказал Серторий,— я высек бы Помпея розгами и отослал бы его в Рим.

Легионы Метелла и Помпея отошли в Галлию на зимние квартиры, оставив Испанию в руках Сертория.

К Серторию прибыли представители понтийского царя Митридата — злейшего врага Рима. Царь предлагал помощь деньгами и своим войском, если ему будут обещаны владения, отобранные Суллой.

— Мои победы должны возвеличивать Рим, а не способствовать упадку римского могущества,— гордо ответил Серторий послам Митридата.— Слава должна венчать полководца. Лучше ему умереть, чем одерживать постыдные победы!

Полный патриотизма ответ Сертория поразил Митридата.

— Что же нам предпишет Серторий, когда он будет восседать в Риме, если ныне с берегов Океана он устанавливает пределы моим владениям? — заявил разгневанный Митридат своим придворным. Тем не менее царь Понта не отказался от союза с Серторием и подписал с ним договор.

По его условиям Серторий направлял к Митридату опытных командиров для обучения понтийцев римскому военному строю и соглашался передать Митридату Вифинию и другие малоазийские государства, подвластные Риму. Царь прислал Серторию 40 кораблей и много золота.

Смерть Сертория

Весть о союзе Митридата и Сертория всполошила римский сенат. Он был напуган слухами о том, что новый Ганнибал — Серторий — начнет из Испании победоносный поход в Италию. Однако он совершил первую крупную ошибку, ожидая врага в Испании, вместо того чтобы самому перейти в наступление. Между тем римский сенат направил к Метеллу и Помпею в помощь два новых легиона.

Весной 74 г. до н. э. Помпей, оправившийся от ран, и Метелл со свежими силами перешли Эбро. После ряда сражений победа стала склоняться на сторону аристократического правительства Рима. Восточная Испания была отнята у серторианцев. Серторий первым узнал о тяжелых поражениях своих полководцев и, пока его солдаты не узнали о неудаче, заколол гонца, который прискакал к нему с вестью о несчастье, чтобы уныние не распространилось в войске.

Поражения следовали одно за другим. Они объясняются не только тем, что бесконечная война утомила испанцев. Население роптало в связи с постоянными наборами в войско Сертория, из-за того, что война уничтожала плоды мирного труда целых поколений. Сам Серторий совершал новые ошибки: он стал же-

сток, несправедлив, беспощадно расправляясь с теми, кто не соглашался с его мнением.

Измученный колебаниями и сомнениями Серторий перестал советоваться с приближенными и проводил долгие часы в одиночестве. Все чаще его командиры шептались о том, что их предводитель проводит время за кубком вина. Римское правительство давно уже обещало прощение и большую денежную помощь тому, кто избавит Рим от Сертория. Нашлись предатели, польстившиеся на обещанную награду. Группа римлян — приближенных Сертория — составила заговор на его жизнь.

Заговор раскрыли, а его участников подвергли мучительной казни. Однако осталось невыясненным, что во главе заговора стоял по-прежнему остававшийся на своем посту Перперна, не забывший, как Серторий унизил его перед всем войском. Он скоро опять составил заговор.

По приказанию Перперны к Серторию был подослан гонец с лживым сообщением о блестящей победе, будто бы одержанной серторианцами. В честь такого события он устраивал пир и приглашал Сертория к себе. Ничего не подозревавший полководец явился в сопровождении испанских телохранителей — он уже давно не доверял римлянам. В разгар пира Перперна бросил на пол чашу, что было условным сигналом для заговорщиков: убийцы бросились с мечами на безоружного Сертория и его товарищей. Полководец погиб. Так умер человек, который мог бы стать освободителем Испании, павший жертвой коварства и измены (72 г. до н. э.).

Судьба Сертория показала, что нельзя успешно вести борьбу против угнетателей без поддержки народа. Он был непобедим, пока испанцы видели в нем вождя в войне за свободу и независимость. Ошибки Квинта Сертория оттолкнули от него народ и привели вождя испанцев к гибели.

Командование вооруженными силами принял Перперна. Солдаты не любили его. Вера в победу у них исчезла. Лузитане, понимавшие, что смерть Сертория предвещает полное поражение испанцев, разбежались.

Помпей разгромил войско Перперны в первом же бою, а убийца Сертория попал в плен. Трусливый заговорщик хотел спасти свою жизнь и выдал Помпею переписку Сертория, в которой имелись письма многих весьма уважаемых римских деятелей. Но Гней Помпей бросил письма в огонь, не читая их, и приказал казнить Перперну.

Испанские города сдавались Помпею один за другим. Остатки войска Сертория вскоре сложили оружие и были поселены в Галлии близ Лугдуна (Лиона) с запрещением покидать место поселения. Окончательно умирил Испанию Гай Юлий Цезарь (61—59 гг. до н. э.).

Марк Красс

Марк Лициний Красс родился в 114 году до н. э. в знатной семье. Его отец одно время играл большую роль в политической жизни страны, занимал государственные должности и однажды удостоился триумфа. Семья держалась старых, патриархальных традиций, и, несмотря на достаток, быт ее был скромным и умеренным.

Детские и юношеские годы Марка протекали в бурное и тяжелое время. Десятилетним мальчиком он видел триумф Мария после победы в войне с Югуртой и, как все римляне, ликовал, узнав о разгроме тевтонов и кимвров. В более сознательном возрасте Красс был свидетелем все обострявшейся внутренней политической борьбы между аристократической и народной партиями, переросшей в кровавую гражданскую войну.

Подобно молодым людям его круга, Марк Лициний Красс готовился к политической карьере. Он не обладал блестящим красноречием, но был трудолюбив, упорен, постоянно повышал свое ораторское мастерство, чтобы уметь говорить перед народом. Для того времени публичные выступления в суде в роли адвоката считались наиболее распространенным путем для начала карьеры политического деятеля.

Красс не отказывал просителям в их просьбах, в судах охотно брался за любое дело, даже самое маленькое и ничтожное, от которого отказывались другие. Он был обходителен с людьми, независимо от их звания и положения, в нем не было надменности. На улицах Рима Красс любезно отвечал на поклоны каждого встречающегося, будь то самый незначительный человек.

Те, кого защищал молодой адвокат, надеялись не столько на красноречие Красса, сколько на его широкие связи, влияние и

богатство — римские чиновники не были неподкупными. Все это постепенно делало его известным, и к нему охотно обращались за помощью.

С юношеских лет Марк Красс стремился к наживе, и жажда богатства стала основной чертой его характера. Он рано обнаружил блестящие способности дельца и спекулянта, умеющего из всего извлекать материальную выгоду.

Состояние Красса быстро росло. Он не брезговал ничем, арендовал земли, участвовал в торговых и откупных компаниях, а также скупал рабов для продажи. Под его наблюдением молодых рабов обучали различным наукам, искусству, ремеслам. Когда же невольники становились писцами, чтецами, домоуправителями, архитекторами, дворецкими, банкирами и т. п., их продавали втридорога, либо Красс отдавал их в аренду тому, кто нуждался в такого рода людях.

Неисчерпаемым источником обогащения стала для Красса жилищная нужда, царившая в Риме. Город, куда стекались тысячи людей со всех концов Италии и из ее провинций, был переполнен. Жилых домов строилось мало, и с каждым годом жилищный кризис усиливался. Многоэтажные дома были лишены удобств, часто обваливались, разрушались. Скученность зданий являлась одной из причин частых пожаров, опустошавших целые кварталы. Это обстоятельство создавало благоприятные условия для спекуляций. Красс создал пожарные команды из специально обученных рабов. Они за плату тушили пожары, предохраняя от огня соседние дома. Красс покупал горящие и сгоревшие дома за бесценок, а затем на их месте сооружал многоэтажные доходные здания и сдавал их в аренду съемщикам.

Верша крупные дела, Красс не брезговал и мелкими, стараясь извлекать доход из всего, экономя на всем. Так, своему учителю, постоянно сопутствовавшему ему в разъездах, он, правда, одалживал плащ в холодные дни, но не забывал требовать его обратно. Однако, когда ему было выгодно, Красс становился щедрым, гостеприимным и охотно ссужал деньги, не беря процентов с тех, кто мог ему пригодиться. Некоторые должностные лица попали в зависимость от Красса.

В эти годы в Риме шла кровавая борьба между сторонниками аристократической партии, возглавляемой Суллой, и народной партией, вождем которой был Гай Марий. В 88 г. до н. э. Сулла во главе шести легионов после ожесточенного сражения захватил Рим. Начался новый этап в истории республики: кровавый и драматический период борьбы консулов за верховную власть.

Красс, как и вся его семья, принадлежал к аристократической партии. После того как Сулла отправился в поход против Митридата VI Евпатора, Рим осадили войска Мария и Цинны. В го-

роде свирепствовали голод, эпидемии. В июне 87 г. до н. э. столица капитулировала.

Началась кровавая расправа со всеми, кого подозревали в сочувствии Сулле. Погибло много знатных граждан. Были убиты отец и брат Красса, а сам он едва избежал гибели. Некоторое время он продолжал жить в Риме тайно, но, заметив, что его выслеживают, успел с друзьями и слугами бежать.

Скрываясь днем, двигаясь по ночам, беглецы достигли моря, сели на корабль и вскоре бросили якорь у берегов Испании, где отец Красса когда-то служил и приобрел друзей. На их помощь и рассчитывал Марк Красс. Однако в Испании тоже все были напуганы террором и боялись Мария. Красс поэтому соблюдал осторожность. Он и его спутники укрылись в большой пещере, выходящей к морю. Неподалеку находилось поместье Вибия, друга семьи Красса.

Когда от посланного раба Вибий узнал о том, что Марк Красс спасся, он обрадовался, но принять беженцев в своем доме побоялся и посоветовал оставаться некоторое время в пещере, ежедневно посылая им достаточное количество пищи и питья.

Восемь месяцев прожили Красс и его товарищи в пещере. Они вышли оттуда, когда до Испании дошла весть о смерти Цинны, убитого своими солдатами в 84 г. до н. э. (Марий умер двумя годами ранее).

Покинув свое убежище, Марк Красс открыто стал на сторону Суллы. Как многие другие, например Помпей, он стал собирать вокруг себя вооруженных людей. Собрав две с половиной тысячи человек, Красс выступил на помощь Сулле. Разграбив по пути испанский город Малаку, затем со своим отрядом он отплыл в Ливию, а оттуда в Италию. В Брундизии Красс соединился с сулланской армией, которая готовилась идти на Рим. К Сулле охотно стекались представители римской знати: они рвались к власти, желая отомстить сторонникам Мария. Марк Красс стал деятельным участником нового типа гражданской войны.

Сулла поручил Крассу для набора войска отправиться в Среднюю Италию в землю марсов для набора войска. Путь туда лежал по местности, занятой неприятелем. Когда Красс попросил у Суллы отряд для охраны, тот гневно сказал:

— Я тебе даю достаточно провожатых. С тобою пойдут твой отец, твой брат, твои родные, твои друзья, казненные Марием. Они тебя охранят!

Ответ Суллы больно задел Красса, и он, не возразив ни слова, отправился в путь, пробрался через вражескую территорию и выполнил поручение.

Корнелий Сулла двинулся на Рим. С ним был и Красс, которым владели честолюбивые мечты о славе политического деятеля и полководца. Марк Красс стремился сравняться с Помпеем, ко-

того сам Сулла назвал Великим. Но у Красса было меньше, чем у Помпея, военного дарования, смелости и боевого опыта. Кроме того, корыстолюбие и жадность по-прежнему оставались основными чертами его характера. Когда по пути к Риму сулланцы захватили какой-то умбрийский город, Красс присвоил себе бóльшую часть добычи. Об этом донесли Сулле, который остался очень недоволен поступком своего офицера. Однако несколько дней спустя Красс отличился в сражении под стенами Рима.

1 ноября 82 г. до н. э. у Коллинских ворот столицы началась ожесточенная битва. Красс командовал правым флангом армии Суллы. Сражение продолжалось несколько часов. Левое крыло было разбито, сам Сулла едва не погиб и с толпой беглецов укрылся в укрепленном лагере. Крассу же удалось разбить неприятеля и, частично истребив его, отбросить к северу. До наступления темноты он преследовал отступавших. Велика была радость Суллы, когда ночью прибыли гонцы от молодого командира с донесением о победе и с просьбой прислать еду утомленным солдатам. Успех Красса решил дело, Рим капитулировал. Так Красс оказался одним из самых близких к Сулле людей. Он не только вернул отобранные марианцами владения, но во много раз увеличил их. Свои огромные богатства Марк Красс добыл в пламени войны, мятежей и общественных бедствий. Овладев Римом, Сулла начал многочисленные казни и убийства своих противников. Он в огромном количестве распродал и раздавал конфискованное имущество казненных. Диктатор стремился как можно больше людей сделать соучастниками своих преступлений.

Красс не только скупал за бесценок имения и дома казненных, но и выпрашивал дары у победителя. Говорят, что он не гнушался и подлогами: в Бруттии — на юге Италии — самовольно, без приказа Суллы, он внес в проскрипционные списки лиц, которые были виновны лишь в том, что владели обширными поместьями. Продолжал Красс и свои старые спекуляции, прерванные изгнанием, особенно жилищные. Вскоре он сделался владельцем большинства римских домов, огромных земельных участков, серебряных рудников, тысяч рабов и другой собственности.

Красс стал самым богатым человеком в Риме. Он хвастливо говорил, что человек, который на свои деньги не в состоянии содержать армию, не может называться богатым. Богатство сделало Красса очень влиятельным. Значительная часть сенаторов стала его должниками.

Стремясь укрепить свою популярность, Красс продолжал заниматься адвокатской деятельностью, берясь даже за такие дела, от которых другие отказывались. По-прежнему он был учтив, обходителен и приветлив с людьми и не держался так недоступно

и гордо, как Помпей. Под обходительной, приветливой внешностью Красса скрывался решительный, настойчивый, жесткий характер, внушавший порой страх его противникам. Один из народных трибунов сказал о Крассе:

— Его нельзя задевать — ведь у него на рогах сено. (Римляне, чтобы встречные остерегались, бодливым быкам привязывали к рогам сено.)

Красс стремился к большому. Он завидовал Помпею, его победам, триумфам и его титулам — Великий и император. Он не упускал возможности посмеяться над Помпеем.

Однажды слуга, войдя в комнату, где находился Марк Красс, доложил:

— Прибыл Помпей Великий!

— А какой он величины? — улыбаясь, спросил Красс.

Пользуясь своим положением и тем, что от его кошелька зависели многие люди, Красс лавировал между враждующими партиями, не связывая себя ни с одной из них.

В это время в Риме боролись аристократическая и народная партии. Красс, который всегда на первое место ставил свои выгоды, держался несколько обособленно. Он никому не был ни надежным другом, ни непримиримым врагом, а переходил то на одну, то на другую сторону, меняя свои политические взгляды, убеждения в зависимости от выгоды.

В 74 г. до н. э. Римское государство находилось в трудном положении: на западе, в Испании, шла война против восставших племен, возглавляемых бывшим марианцем Серторием. Туда сенат послал с армией Гнея Помпея. На востоке шла война с таким грозным противником, как Митридат. Против него были посланы два консула. В это время в самой Италии началось восстание рабов под предводительством Спартака.

В городе Капуе существовала школа гладиаторов, которую содержал Лентул Батиат. Эта школа пользовалась известностью, в ней находилось несколько сот гладиаторов. Это были большей частью фракийцы, галлы и другие, взятые в плен и обращенные в рабство. Наиболее сильных, выносливых превратили в гладиаторов и обучили биться с оружием в руках друг против друга на потеху римской толпе. Гладиаторов держали под строгим надзором, боясь, чтобы они не бежали или не восстали. За малейшую провинность их били плетью, заковывали в кандалы и сажали на цепь. А в будущем им грозила неизбежная гибель на аренах римских амфитеатров.

В школе созрел заговор, который возглавил сильный, ловкий, умный и смелый Спартак, по происхождению фракиец. Он сражался против римлян, был взят в плен, превращен в раба, а затем продан в капуанскую школу гладиаторов.

Заговор из-за предательства был раскрыт, общее восстание не удалось. Все же семьдесят восемь человек успели бежать, вооружившись кухонными ножами, вертелами, превращенными в самодельные пики.

Когда беглецы оказались за пределами города, им повстречалось несколько повозок, везших в Капую оружие для боев гладиаторов. Беглецы захватили его и двинулись дальше. Вскоре они достигли Везувия и, выбрав на горе удобное для обороны место, расположились там.

Римские власти вначале не приняли всерьез бегство кучки гладиаторов. Первые попытки захватить мятежников окончились неудачей. Гладиаторы отбились и даже овладели оружием легионеров. Тогда против восставших был брошен трехтысячный отряд.

Поляна на горе Везувий, где расположились гладиаторы, была труднодоступной. Со всех сторон ее окружали обрывистые, отвесные скалы, лишь вверху поросшие диким виноградом. Только одна узкая тропа вилась между скал. Римский военачальник приказал блокировать ее, считая, что голод вынудит гладиаторов сдаться.

Положение казалось безнадежным, однако Спартак осуществил ловкий и смелый план. По его приказу нарезали гибкой виноградной лозы и сплели длинную лестницу. По ней, воспользовавшись утренним туманом, один за другим спустились осажденные вниз. Оставшийся последним осторожно, чтобы не производить шума, так же переправил оружие, а затем присоединился к остальным. Без единого звука отряд снялся с места и вышел в тыл римлянам. Нападение было внезапным. Ничего не подозревавших римских солдат застигли врасплох и большей частью перебили. Победители захватили много оружия, припасов. К Спартаку стали стекаться беглые гладиаторы, рабы и даже свободные крестьяне. Почти вся окрестность оказалась в руках восставших. Против них правительство бросило значительные силы под начальством претора Публия Вариния, но Спартак разбил его. В плен попали ликторы, лошадь претора, а сам он едва спасся.

Армия Спартака разрасталась и становилась грозной силой. Спартак понимал, что ему будет не под силу бороться с могущественным Римом. Он предложил идти на север, перевалить через Альпы, достигнуть Галлии, Фракии и вернуть освобожденных рабов на родину. Другие вожди восстания возражали против этого плана, требуя продолжать войну в Италии, громить рабовладельцев и освобождать рабов.

Восстание распространялось на новые и новые районы страны. Скоро оно охватило Южную Италию. Римское правительство перестало пренебрежительно относиться к восставшим

рабам. Оно поняло, какая грозная опасность нависла над Римом. В 72 г. до н. э. сенат постановил отправить против Спартака двух консулов: так делалось, когда шла большая, трудная война с сильным противником.

Борьбу Спартака затрудняли разногласия среди восставших. Однажды часть рабов отделилась от основных сил, решив действовать самостоятельно. Она была полностью уничтожена армией одного из консулов. Другой римский полководец попытался разбить самого Спартака, но он, прорвав окружение, уничтожил несколько легионов и двинулся к Альпам. Путь гладиаторам преградил наместник Цизальпинской Галлии Гай Кассий с десятью тысячами солдат. В битве при Мутине Спартак разбил и это войско. Сам Кассий едва избежал плена.

Победы Спартака воодушевляли рабов, поднимавшихся против своих угнетателей. Всю Италию охватил пожар восстания.

Обеспокоенный обстановкой, сенат приказал консулам быть осторожными и не завязывать новых сражений. Стали искать человека, которому можно было бы доверить борьбу с восставшими рабами. Лучшие полководцы отсутствовали: Помпей продолжал войну в Испании, Лукулл — в Малой Азии.

Тогда свои услуги предложил Марк Лициний Красс. Он решил, что пришел его час сделать политическую карьеру. Кроме того, Красс, сам крупнейший рабовладелец, был заинтересован в быстром подавлении восстания. К нему примкнули многие аристократы, так же презиравшие рабов, как и Красс.

Против Спартака, который в это время от Альп повернул назад вдоль побережья Италии, Рим направил большие силы. Для преследования неприятеля Красс выслал два легиона, приказав им не завязывать сражения и избегать даже мелких стычек. Командующий этим отрядом Муммий презрительно и высокомерно относился к восставшим рабам, не считая их равным и достойным противником. Поэтому, когда обстановка ему показалась удобной, он пренебрег приказом Красса и напал на Спартака. В ожесточенном сражении римляне были разгромлены.

Боевой дух римских солдат был подорван, и чтобы его восстановить, Красс воскресил старинный, жестокий обычай — *децимацию*, т. е. казнь каждого десятого. Уцелевших солдат Муммия построили и разбили на десятки. Бросили жребий, и те, кому он выпал, были казнены. Казнь эта считалась позорной и сопровождалась мрачными обрядами.

Восстановив такими суровыми мерами дисциплину, Красс двинулся против Спартака. В это время предводитель восстания вступил в переговоры с киликийскими¹ пиратами, корабли которых бороздили тогда Средиземное море. Спартак договорился с

¹ Киликия — область в Малой Азии.

пиратами, что они перевезут восставших в Сицилию, где рабы неоднократно поднимались против своих господ. Тридцать с лишним лет назад там было подавлено крупное восстание рабов. Но положение в Сицилии по-прежнему оставалось напряженным. Достаточно было искры, чтобы вновь разгорелось пламя борьбы. Спартак рассчитывал на это. Он хотел превратить этот многострадальный остров в центр огромного восстания рабов. Киликийские пираты не выполнили своего обещания. Помешали римские военные корабли. Тогда Спартак отошел от побережья и двинулся на Регийский полуостров — южную оконечность Италии.

Красс решил запереть восставших на этом полуострове. В кратчайший срок его солдаты вырыли широкий ров длиной в 300 стадиев (более пятидесяти пяти километров) и перерезали перешеек. Армия Спартака оказалась в ловушке. Скоро стало не хватать пищи, люди терпели лишения, но снова, как это было в начале борьбы, Спартак обманул своих врагов и вырвался из западни. В темную зимнюю, снежную ночь восставшие завалили часть рва хворостом, ветвями, сучьями деревьев и перешли его, прорвавшись через римские заграждения.

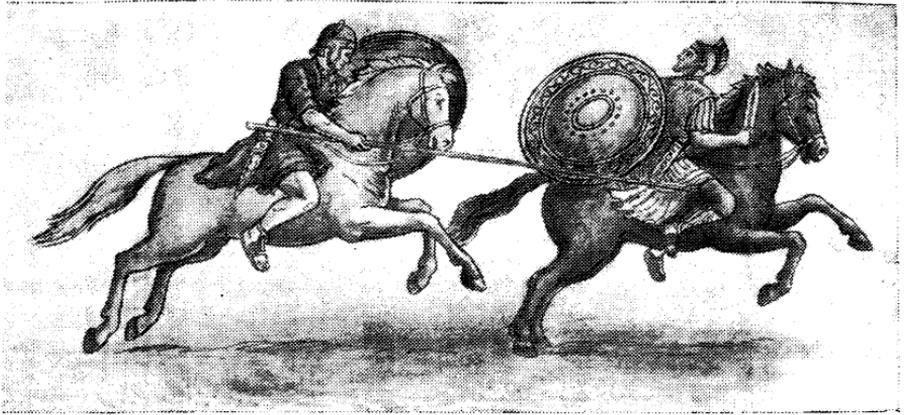
Красс испугался. Он, как и все, стал опасаться всеобщего восстания рабов. Боялись также, что Спартак двинется на Рим.

Красс, поступившись своим самолюбием, потребовал, чтобы из Испании и из Азии были вызваны Помпей и Лукулл с их легионами. Сенат вызвал Помпея и часть войск Лукулла. Но Красс хотел покончить с восстанием до того, как придут эти полководцы, и он решил сначала напасть на те отряды, которые снова отделились от главных сил Спартака. В кровопролитном сражении они были разбиты. Римляне удивлялись мужеству тех, кого они не считали за людей. На поле битвы пало двенадцать тысяч триста восставших, и только двое были поражены в спины; остальные бились с врагами лицом к лицу и погибли как герои.

Хотя силы Спартака после этого поражения уменьшились, он сумел нанести еще несколько грозных ударов римлянам. Вождь рабов по-прежнему считал, что надо избегать генерального сражения в невыгодных для восставших условиях, но его войско требовало идти на Красса. Спартаку пришлось подчиниться.

Красс также спешил. Он хотел подавить восстание, пока не подошли легионы Помпея, уже высадившиеся в Италии. Скоро обе армии построились друг против друга в боевой порядок. Перед началом боя к Спартаку подвели коня. Спартак выхватил меч и убил его.

— Если мы победим, — воскликнул Спартак, — мне достанется много хороших коней от врагов. Если мы потерпим поражение, мне не понадобится и мой!

Раненый Спартак

Сражение было ожесточенным. Рабы понимали, что это их решительный и последний бой. Спартак сражался впереди, пытаясь пробиться к Крассу. Ему удалось сразить двух центурионов из окружавших римского полководца. Но вскоре он был ранен. Опустившись на одно колено, Спартак продолжал сражаться и бился до тех пор, пока не пал под ударами врагов, но не отступил ни на шаг.

Восстание рабов было подавлено. С захваченными в плен рабами и гладиаторами Красс расправился беспощадно.

Остатки армии Спартака перехватил и истребил Помпей. Более шести тысяч пленных были распяты на крестах по дороге от Капуи до Рима.

Помпей доносил сенату:

— Красс выиграл битву, а я с корнем вырвал войну.

Помпей отнял у Красса значительную часть славы. Как покоритель Испании Помпей получил триумф. Красс даже не пытался требовать для себя большого триумфа. Он рассчитывал, что за его заслуги ему дадут пеший триумф — *овацию*. Сенат вообще признал неуместным и недостойным отмечать победу над таким противником, как восставшие рабы.

Красс был недоволен предпочтением, оказанным Помпею, завидовал ему. Однако, стремясь к власти, Красс не порвал с Помпеем. Он даже обратился к нему за поддержкой во время консульских выборов. Помпей поддержал Красса, и они оба были избраны консулами на 70-й год.

Дружеские отношения между консулами не установились. Их пребывание у власти было отмечено соперничеством, раздорами. Римляне вспоминали только, как избранный консулом богат

Красс принес грандиозную жертву Геркулесу, угощал народ на десяти тысячах столах, расставленных на улицах города, и роздал всем гражданам Рима хлеб на три месяца.

Красс продолжал лавировать между различными политическими течениями. Огромное богатство делало связь с ним желательной для всех партий. Красс, надеясь получить власть, одно время даже сблизился с Катилиной, который готовил государственный переворот, направленный против аристократических правителей Рима. С заговорщиками был связан и Цезарь. Предполагалось, что после выступления катилинариев Красс сможет стать в Риме диктатором, а Цезарь — начальником конницы. Но в назначенный день осторожный Красс не выступил и, как рассказывали, даже явился ночью к Цицерону, передав ему документы, изобличающие участников заговора. Все же слух о том, что Красс был в числе заговорщиков, распространился по городу. Один из арестованных показал, что Марк Красс послал его предупредить Катилину, чтобы тот не опасался произведенных арестов и шел как можно скорее на Рим. Однако большинство сенаторов решили, что такой знатный, могущественный и богатый человек не мог быть в связи с Катилиной.

— Они хотят оклеветать Красса и погубить одного из первых людей государства, — говорили сенаторы.

— Не может этого быть, — утверждали другие. — Катилинарии именем Красса хотят привлечь к себе новых сторонников.

Были в сенате и такие, кто верил в причастность Красса, но они промолчали, полагая, что в столь смутное время не следует порочить имя такого могущественного человека, как Марк Лициний Красс. Большинство сенаторов зависели от Красса. Поэтому они дружно кричали:

— Это ложь! Надо снять подозрение с Красса!

Богатство еще раз помогло Марку Крассу.

После заговора Катилины укрепилось мнение, что римское государство нуждается в твердой власти. Эта идея связывалась с именами таких могущественных людей, как Помпей, прославившийся своими походами на Востоке, как Юлий Цезарь, популярность которого возросла, и как Марк Красс. Гай Юлий Цезарь, возвратившись из Испании, выставил свою кандидатуру на консульских выборах, желая заручиться поддержкой Помпея и Красса. Но их отношения со времени совместного консульства оставались враждебными. Цезарь опасался, что если он обратится за помощью к одному, то это вызовет недовольство другого. И Цезарь решил примирить соперников. Это ему удалось, тем более что каждый надеялся использовать примирение в своих интересах. Красс полагал, что происхождение и богатство делают его наиболее достойным власти. Примирившись с Помпеем и

сблизившись с Цезарем, он надеялся держать их в руках и никому не дать чрезмерно выдвинуться.

— Силы Цезаря и Помпея равны,— думал Красс,— они будут бороться без надежды одолеть друг друга, а я пожну плоды.

Так возник союз трех сильнейших людей государства, которые стали править Римом. Союз получил название первого триумvirата. Это было шагом от республики к монархическому правлению в Риме. «Трехголовым чудовищем» называли триумvirат писатели. Другие говорили, что союз Помпея, Цезаря и Красса — это союз силы, ума и золота.

Были определены сферы влияния триумvиров. Помпей укрепил свою власть в Азии. Крассу обещали снижение откупных платежей и командование на Востоке. Цезарю на пять лет предоставили Галлию, куда он и отправился.

Победы Цезаря в Галльской войне сделали его главной фигурой триумvirата. По его инициативе в Лигурии, в городе Луке, состоялась встреча триумvиров. Обстановка свидания была торжественная. В Луку прибыло двести сенаторов, много других должностных лиц со своими ликторами, клиентами, рабами.

В Луке Цезарь, Помпей и Красс подтвердили существование своего союза. Цезарь обещал поддержать Помпея и Красса на предстоящих консульских выборах. В свою очередь, став консулами, они обещали продлить полномочия Цезаря в Галлии. Себе же Помпей и Красс решили взять другие провинции.

Этот сговор вызвал беспокойство в Риме. Вражда Цезаря, Помпея и Красса была опасна для государства, а их согласие — большим несчастьем для республики.

Первое время Красс и Помпей скрывали свои намерения. Когда Помпея спросили, намерен ли он добиваться консульства, улышались уклончивый и надменно-пренебрежительный ответ:

— Может быть, да, а может быть, и нет! Если сделаю этот шаг, то лишь ради добропорядочных граждан.

На тот же вопрос осторожный Красс ответил:

— Я выставляю свою кандидатуру только в том случае, если это принесет пользу государству.

Скромность Красса понравилась, а уклончивые ответы Помпея породили у многих уверенность, что у него нет согласия с Крассом и что вряд ли он станет выдвигать свою кандидатуру на выборах. После этого в выборах приняли участие и другие лица. Они говорили:

— Почему Помпей и Красс вторично ищут консульства? Почему они оба опять вместе? Почему не хотят быть с кем-нибудь другим? Ведь в Риме много мужей, достойных управлять совместно с Крассом и Помпеем.

Выдвинули кандидатуру Домиция, родственника Катона. Ободря Домиция, Катон говорил:

— Помпею и Крассу нужна не должность консула, а те возможности, какие она дает. Они хотят установить в Риме тиранию. Ты, Домиций, будешь бороться за общую свободу!

Сторонники Помпея устроили кровавую бойню, разогнав своих противников, убив и ранив многих из них. Много денег истратили Помпей и Красс на подкуп выборщиков. В результате в феврале 55 г. до н. э. они стали консулами. Уже после выборов отряды сторонников Помпея и Красса неоднократно пускали в ход оружие, чтобы подавить протесты недовольных.

Все, что наметили триумвиры, было осуществлено. Цезарю еще на пять лет продлили его полномочия в Галлии и предоставили право на увеличение своих войск до десяти легионов. Испанские провинции достались Помпею, а Крассу — наместничество в Сирии, где ему предоставлялось право «в неограниченном количестве набирать войска среди граждан и среди союзников, а также вести войну и заключать мир с кем пожелает».

Красс не скрывал своей радости, считая, что, наконец, получил власть и неограниченные возможности для обогащения. В кругу близких Красс говорил о будущих завоеваниях. Войну Помпея против Митридата он называл детскими забавами. Сам Красс мечтал о войне с парфянами, претендовавшими на господство в Сирии. Войну с парфянами он считал славной, легкой и выгодной.

— А завоевав парфян,— заявлял Марк Красс,— я пройду до земель бактрийцев, индийцев и до моря за ними...

Красс стал готовиться к отъезду в Сирию и предстоящей войне с парфянами. Зимой 55/54 г. до н. э. он прибыл в Брундизий. Погода стояла скверная, море было беспокойно. Однако он отдал приказ кораблям отплыть, взяв на борт часть войска. Буря погубила много судов.

Сам консул с остальными войсками двинулся сушей, через Балканы.

Когда Красс начал поход, ему перевалило уже за шестьдесят, а выглядел он значительно старше своих лет. Он был лыс и глуховат.

— Поздновато собрался старик в поход,— шептались солдаты.

Достигнув Сирии, Красс двинулся в Месопотамию. Ему удалось легко переправиться через реку Евфрат. Ряд городов добровольно подчинился римлянам, и только один — Зенототия оказал сопротивление. После непродолжительной осады город был взят, разграблен, а жители проданы в рабство.

Солдаты провозгласили Красса императором. Он принял этот титул, хотя разорение Зенототии было слишком ничтожным военным подвигом. Многие говорили:

— Красс не надеется совершить более крупных подвигов, а потому торопится и довольствуется малым.

Наступила осень. Марк Красс, оставив в захваченных городах Месопотамии гарнизоны — около семи тысяч человек, с остальными силами возвратился в Сирию. Это было его крупной ошибкой. Красс потерял драгоценное время, и противник сумел лучше подготовиться к борьбе с ним. Консул же, зимую в Сирии, вел себя не как полководец, а как коммерсант. Он не готовил солдат к предстоящим битвам, а подсчитывал доходы с покоренных городов. В течение многих дней он взвешивал сокровища храма богини Атаргатис из Гиерополиса. Говорили, что за эти месяцы Красс успел также ограбить храм в Иерусалиме. Он увез оттуда деньги и всю золотую утварь. Все это вызывало различные толки и насмешки со стороны солдат над своим военачальником.

Ранней весной римские войска стали готовиться к выступлению в поход. К Крассу прибыли послы парфянского царя, которые обратились к нему со следующими словами:

— Если войско, которое идет на нас, послано римским народом, — сказали послы, — то мы поведем жестокую и непримиримую войну. Если же ты, Красс, начал поход сам, ради своей выгоды, то царь Парфии не начнет военных действий. Жалея твою старость, он позволит увести римских солдат, которых ты оставил в городах Месопотамии.

В ответ на это Красс гордо заявил:

— Я не дам царю ответа сейчас. Я дам ему ответ в Селевкии. (Селевкия — большой город и одна из столиц парфянского царства.)

Глава парфянского посольства засмеялся. Он протянул Крассу свою руку ладонью вверх и сказал:

— Скорее на ладони вырастут волосы, чем ты, Красс, увидишь Селевкию!

Началась война с Парфией, этой огромной державой, раскинувшейся от Персидского залива до Каспийского моря.

К Крассу прибыли римские беглецы из Месопотамии, которые рассказали о вторжении парфян, об их силе и многочисленности:

— От них нельзя убежать!..

— Их нельзя догнать, они неуловимы!..

— Их стрелы пробивают самые прочные доспехи...

— Парфянские стрелы невидимы в полете...

Многие советовали Крассу не спешить, а прежде тщательно изучить положение, разузнать о враге как можно больше. Говорили и о дурных предзнаменованиях. Древние римляне перед всяким походом гадали по полету птиц, по внутренностям жертвенных животных и верили, что так можно узнать волю богов.

Но Красс никого не желал слушать. Он отказался отсрочить выступление. Отказался он последовать и совету армянского царя Артабаза, который прибыл, приведя с собой шесть тысяч всадников, и обещал дать еще помощь, если Красс пойдет через Армению.

— Горы моей родины, — говорил Артабаз, — удобны и безопасны. Там не может развернуться конница парфян.

Красс был доволен предложением царя, но покачал головой:

— Нет, — сказал он, — я должен идти в Месопотамию, где оставил много храбрых римских солдат. Я не могу покинуть их на произвол судьбы.

После этих слов армянский царь уехал из лагеря римлян.

Весной 53 г. до н. э. Красс начал поход против парфян. В мае его легионы подошли к Евфрату и начали наводить переправу. Когда войска перешли на другой берег реки, мост разметала буря.

— Не бойтесь, воины, того, что мост разрушен, — обратился Красс к солдатам. — Не думайте, что это предвещает несчастье. Мост вам больше не понадобится. Клянусь вам, что, разбив врагов, мы назад пойдем через Армению...

Солдаты одобрительно зашумели, но смолкли, когда Красс произнес далее:

— Воины, ни один из вас не вернется этой дорогой...

Слова эти прозвучали для легионеров несколько двусмысленно. «Ни один из нас не вернется», — подумали суеверные римские солдаты.

В тот же день при раздаче провианта воинам выдали чечевицу и соль. Это опять произвело неблагоприятное впечатление, так как в Риме чечевицу и соль ставили перед умершим в знак траура.

Перед тем как двинуться дальше, полководец по обычаю должен был совершить очистительное жертвоприношение, чтобы испросить у богов удачи. Когда жрец протянул Крассу внутренности жертвенного животного, тот уронил их на землю. Он быстро поднял их и сказал улыбаясь:

— Такова уж старость! Но оружия мои руки не выронят!

Красс этими словами хотел ободрить солдат, но они не произвели впечатления.

«При плохих предзнаменованиях начинается война», — шептались между собой солдаты.

Армия Красса двинулась вдоль реки. Римлян было семь легионов: четыре тысячи всадников, отряды пехоты — всего около сорока тысяч человек. Впереди шли разведчики, которые вскоре донесли, что местность вокруг безлюдна, но на земле видны следы множества прошедших лошадей. Отпечатки копыт показывали, что всадники уходили от римского войска.

— Парфяне убегают при одном приближении римлян, — сказал Красс.

Солдаты приободрились и стали более пренебрежительно думать о враге, который боится вступить с ними в открытый бой.

Более осмотрительные офицеры предлагали не спешить и, передвигаясь, соблюдать осторожность. Гай Кассий¹ и другие помощники Красса советовали остановиться в каком-либо укрепленном пункте, добыть как можно больше сведений о противнике и разведать местность. Они также считали, что двигаться надо вперед вдоль берега реки.

— Река, — говорили Крассу, — защитит войско от внезапного нападения врага с фланга или тыла. По реке, рядом с войсками, могут двигаться суда с удовольствием, и солдаты ни в чем не будут испытывать нужды.

Красс не сразу дал ответ своим офицерам, решив обдумать их предложения. Его размышления прервало прибытие в лагерь Абгара, вождя одного из арабских племен в Месопотамии — ловкого, лукавого, коварного человека. Когда-то он помог Помпею и прослыл другом римлян. Его, естественно, встретили как своего союзника. Однако Абгар был на этот раз на стороне врагов Рима, и прибыл он в лагерь Красса с тайным поручением парфянских полководцев — попытаться заманить консула в глубь страны. Там, на равнине, парфянская конница рассчитывала окружить и уничтожить своего противника, ибо римляне теряли преимущества, какие давала им река и ее холмистые берега.

Абгар умело играл роль друга римлян, превознося Помпея и его подвиги, называя Гнея своим благодетелем, которого никогда не забудет. Араб восхищался армией Красса, ее силой, вооружением, дисциплиной и пренебрежительно отзывался о парфянах:

— Зачем, Красс, ты медлишь? Чего дожидаться? К чему так тщателью готовишься? Твоим солдатам нужно не оружие, а сильные, быстрые ноги, чтобы догнать убегающих врагов. Если ты будешь медлить, парфяне умчатся к скифам и гирканам², захватив с собой драгоценности и золото. Если хочешь дать битву, торопись, пока парфянский царь не собрал все свои силы в одно место... Сейчас у него мало войска...

Но все это было ложью от начала и до конца. В действительности же в это время царь Парфии опустошал Армению в наказание за союз с римлянами. Против Красса он послал своего командующего армией — *сурену*. Это был титул важнейшего после царя человека в Парфянском государстве.

Абгару удалось убедить Красса, и римская армия двинулась в глубь страны. Врагов по-прежнему нигде не было видно. Вна-

¹ В будущем один из убийц Цезаря.

² Племя, обитавшее в Причерноморье и по берегам Каспийского моря.

чале дорога была удобной и легкой. Прошло несколько дней, и началась безлесная, песчаная и безводная равнина. Ноги воинов погружались в мягкий, сыпучий песок. Идти становилось все тяжелее. Солдаты видели вокруг безотрадную картину — нигде ни дерева, ни кустика, ни веселых ручьев, ни зеленых холмов, лишь однообразная унылая пустыня.

Римскую армию нагнало несколько всадников: это были гонцы армянского царя Артабаза, принесшие печальную весть о вторжении парфян в Армению.

— Царь не может теперь помочь тебе, — сказали гонцы. — Он повелел нам передать, чтобы ты шел в нашу страну. Соединившись, мы станем сильнее. В наших горах удобно сражаться с парфянами...

Красс рассердился, назвав армянского царя изменником. Он угрожал наказать его за предательство.

9 июня 53 г. до н. э. из римского лагеря ускакал Абгар. Стало ясным его предательство. Но Красс приказывал идти вперед, торопя солдат. Усталая пехота едва поспевала за конницей.

Неожиданно из посланной вперед группы воинов вернулось несколько человек. Уцелевшие разведчики донесли, что остальные погибли, а они с трудом спаслись от многочисленного врага, движущегося на римлян.

Полученное известие ошеломило Красса. Он приказал войску построиться в боевой порядок. Солдаты выстроились в *каре*¹. С каждой стороны четырехугольника поместилось по двенадцать когорт (когорта — 500—600 человек). Конницу Красс разбил на отдельные отряды и придал их каждой когорте, чтобы усилить ее. Командовать одним из флангов Красс поручил Гаю Кассию, другим — своему сыну Публию Крассу, имевшему опыт войны в Галлии, где он сражался в войсках Цезаря. Центр армии возглавил сам Марк Красс.

В боевом порядке римляне медленно продвигались вперед и вскоре дошли до небольшой речки Баллис. Усталые солдаты, страдавшие от зноя и жажды, обрадовались воде. Здесь они надеялись отдохнуть. Но Красс приказал:

— Пусть те, кто хочет пить, пьют, оставаясь в строю.

Не отдохнув, солдаты двинулись дальше: подгоняемые приказом, они шли быстрым маршем, безостановочно...

Вдруг показался враг. Это произошло неподалеку от города Карр. Но это были только передовые отряды врага. Главные силы шли за ними. Парфянские воины накинули плащи на оружие и доспехи, чтобы они не сверкали на солнце и не позволили бы преждевременно обнаружить их. Противник приближался. Как только враги оказались достаточно близко, то тотчас уда-

¹ *Каре* — боевой строй пехоты в виде четырехугольника.

рили в свои барабаны, увешанные бубенцами. Раздался протяжный гул, напоминающий раскаты грома. Этими звуками парфяне возбуждали себя перед битвой и устрашали врагов. Римляне затрубили в рожки и трубы. Обе армии продолжали сближаться.

По знаку командующего парфяне сбросили плащи. На ярком солнце засверкало оружие, блеснули доспехи. Римские солдаты с беспокойством смотрели на открывшуюся перед ними грозную картину. Врагов оказалось великое множество. Парфянские всадники производили грозное впечатление. На них были медные и железные латы и шлемы, закрывающие лицо. Их кони также были защищены броней. Пригнувшись к лошадям, конники понеслись на римлян, надеясь одним ударом опрокинуть их первые ряды и ворваться внутрь каре. Испытанные легионеры отразили первую атаку.

Натолкнувшись на стойкое сопротивление, парфяне отступили. Казалось, они в беспорядке рассеялись в разные стороны. Из рядов римлян слышались насмешки. Однако вражеская кавалерия незаметно начала обходить каре, и скоро оно было охвачено плотным кольцом.

Красс приказал легковооруженным воинам броситься на противника. Легионеры не успели пробежать нескольких шагов, как послышался свист множества стрел. Упали первые убитые и раненые, а остальные поспешно отступили в ряды тяжеловооруженной римской пехоты. Солдаты Красса впервые на себе испытали действие парфянских стрел, которые пробивали латы, щиты, насквозь пронзали человека. Враг продолжал посылать стрелы из своих тугих луков. Парфянам не надо было целиться: римляне стояли так кучно, что каждая стрела находила свою жертву.

Римляне, неся большие потери, попытались перейти в наступление, но парфяне не принимали боя, а мчались прочь, время от времени оборачиваясь и пуская свои смертоносные стрелы.

Вначале Красс и его солдаты надеялись, что у врагов иссякнет запас стрел. Однако консулу донесли о стоящих неподалеку верблюдах, нагруженных стрелами, и, что, опустошив свои колчаны, парфянские всадники наполняют их снова. Легионеры совсем пали духом.

Красс приказал своему сыну навязать бой врагу, выделив в его распоряжение семь когорт: пятьсот лучников и тысячу триста всадников — всего около четырех с половиной тысяч человек.

Публий Красс и его солдаты вышли из каре и двинулись в атаку. Парфяне поспешно отступили. Римляне преследовали их. Преследование продолжалось долго. Неожиданно парфяне остановились и повернули своих коней. Римляне быстро построились в боевой порядок, ожидая рукопашной схватки. Однако столкновения не произошло. Закованные в броню парфянские всадники остановились против рядов противника. Главная масса конницы

кружилась вокруг легионеров, посылая в них тучи стрел. Тысячи коней подняли густое облако пыли, которое обволокло римлян. Солдаты ничего не видели, задыхались и падали ранеными и мертвыми, пораженные стрелами. Публий со своими всадниками бросился на парфянских латников. Завязалась схватка. Короткие мечи и дротики римских воинов плохо защищали от длинных копий парфян. Неуязвимыми были парфянские всадники и их кони, закованные в броню.

Римляне сражались отчаянно. Многие хватались руками за копья и, подтянув к себе неповоротливого в своей броне врага, сбрасывали его на землю. Другие соскакивали со своих коней и подлезали под неприятельских, ударяя ножом в незащищенное брюхо лошади. Животное поднималось на дыбы, сбрасывало седока, который на земле находил свою гибель. Римляне потеряли много людей, ранен был и Публий Красс. Он не мог владеть правой рукой. Римские всадники отступили к своей пехоте, а затем вместе с ней к соседнему песчаному холму. Прикрывшись щитами, они выстроились на нем. Это было роковой ошибкой.

На равнине врагам был открыт только первый ряд воинов. Они прикрывали собой остальных. На склоне же холма каждый следующий ряд расположился выше предыдущего. Так весь отряд превратился в мишень для парфянских стрелков. Люди гибли один за другим, не имея возможности нанести урон врагу. Публию Крассу предложили попытаться спастись, пока холм не полностью окружен.

— Нет,— ответил Публий,— даже угроза самой ужасной смерти не заставит меня покинуть людей, которые гибнут по моей вине.

Избиение продолжалось. Не желая попасть в руки парфян, многие римляне покончили с собой. Будучи не в силах держать раненой рукой меч, Публий Красс приказал оруженосцу заколоть себя. Прорвавшиеся на холм парфяне поражали своими копьями тех, кто еще пытался сопротивляться. Скоро отряд Публия Красса был уничтожен. В плен попало около пятисот человек. У мертвого командира и его офицеров парфяне отрубили головы и надели их на копья.

Красс ожидал известий от сына. Как и другие, он думал, что Публий преследует побежденных врагов и, прекратив погоню, возвратится. Но скоро до лагеря добрались гонцы, которые сообщили о бедственном положении отряда Публия Красса. Был дан приказ идти на помощь. В это время слышались победные крики и звуки парфянских барабанов. К римскому лагерю приближались тысячи всадников. Несколько человек подскакали ближе. Все увидели голову Публия Красса, надетую на копье одного из всадников. Парфянин показал свой кровавый трофей и насмешливо крикнул:

— Кто родители этого воина, римляне? Откуда он родом?! Не может быть, чтобы у Марка Красса, этого малодушного, наихудшего из людей, был такой благородный и доблестный сын!..

Римляне молчали. Все были подавлены. Многих охватил ужас. Марк Красс держался мужественно, обходя ряды и ободряя солдат.

— Римляне,— говорил он,— я потерял лучшего на свете сына. Это горе касается меня одного. Если у вас есть хоть капля жалости ко мне, докажите это своей доблестью. Отнимите у врагов их радость. Покарайте их за свирепость. Полководцы римские терпели поражения, но это не помешало нам одолевать врагов. Не одним только счастьем и удачей достиг Рим могущества. Римляне стали великим народом и потому, что умели преодолевать свои несчастья...

Крассу не удалось воодушевить солдат. Между тем конные лучники парфян наскakивали с флангов, пуская стрелы; другие теснили первые ряды римлян, поражая их длинными копьями. Лишь с наступлением темноты парфяне прекратили бой и ушли. Удаляясь, они кричали:

— Красс, мы даруем тебе ночь, чтобы ты мог оплакать сына. Утром сам приходи к нам, не дожидаясь, пока тебя приведут на веревке.

Наступила ужасная для римлян ночь. Красс сидел в темноте, закутавшись в плащ, думая об изменчивости судьбы, о своем безрассудном честолюбии, которое завлекло его в эту пустыню. Он не решался что-либо предпринимать.

«Надо уйти из ловушки,— решил совет офицеров,— уйти тихо, под покровом ночи, оставив тех, кто не может передвигаться».

Без громких команд и звуков труб войска поднялись. Однако, когда раненые поняли, что их бросают на произвол судьбы, они подняли крик. Пока все пришло в порядок, прошло много времени, и противник заметил бегство римлян. Их не преследовали. Парфяне не умели сражаться ночью.

Когда рассвело, парфяне ворвались в опустевший лагерь и перебили оставшихся раненых — почти четыре тысячи человек. Совершив это кровавое дело, они на своих быстрых конях помчались за Крассом, нагоняя и убивая отставших солдат.

На одном из холмов парфяне окружили четыре когорты, оторвавшиеся от главных сил Красса. Лишь двадцати воинам удалось пробиться сквозь ряды врагов: пораженные их мужеством и храбростью враги дали им возможность уйти.

Красс дошел до города Карр. Предводитель парфян предложил было заключить перемирие с тем, чтобы римляне оставили Месопотамию. Но, узнав о тяжелом положении римлян, они окру-

жили Карры и потребовали выдачи Красса и Кассия закованными в цепи.

Не надеясь на верность жителей Карр, Красс решил тайно оставить город. Но этого сделать не удалось. Противник узнал, что ночью римляне ушли. Проводником у Красса был вражеский лазутчик, который повел войско неверной дорогой, чтобы римляне не могли уйти далеко до утра, когда начнут действовать парфяне. Заподозрив недоброе, некоторые повернули назад, среди них был и Кассий с пятьюстами всадниками. Другой помощник Красса — Октавий имел надежного проводника, и с пяти тысячным отрядом к утру достиг безопасной гористой местности. Красса же — с ним было четыре когорты и несколько десятков всадников — проводник завел в непроходимое болото. С трудом римляне выбрались на дорогу, чтобы соединиться с отрядом Октавия, до которого оставалось всего 12 стадиев (около двух километров). Но было уже поздно. Парфяне настигли римлян и стали их теснить. Октавий и его солдаты поняли, в какое опасное положение попал Марк Красс. Они бросились на помощь и оттеснили парфян с холма, на котором шла битва.

Боясь, что римляне уйдут ночью, парфяне пошли на хитрость. Они говорили так, чтобы слышали римские пленные, о намерении их царя как можно скорее примириться с римлянами и завоевать дружбу, великодушно обойдясь с Крассом. Затем несколькими пленным дали возможность бежать. Беглецы прибыли к Крассу и передали ему подслушанные разговоры. Тем временем битва прекратилась. Сурена, парфянский командующий, со своими приближенными подъехал к холму, занятому римлянами. Он протянул руку, показывая, что безоружен, и предложил начать переговоры о мире.

— Царь Парфии не хочет войны, — сказал он.

Римляне обрадовались, надеясь на спасение. Красс, почувствовав вероломство врага, пытался убедить в этом солдат. Но они потребовали, чтобы консул начал переговоры, крича на него:

— Ты посылаешь нас в бой, а сам боишься встретиться с безоружными.

Солдаты, угрожая Крассу, заставили его им уступить. Он только громко произнес, обращаясь к своим помощникам:

— Римские военачальники! Вы видите, какое насилие я должен терпеть. Меня заставляют идти. Если вы спасетесь, расскажите Риму, что Красс погиб, обманутый врагами, но не говорите, что его предали свои сограждане.

С этими словами Красс стал спускаться с холма. С ним пошли Октавий и еще несколько человек. К Крассу подъехали два всадника:

— Пошли кого-нибудь вперед, — сказали всадники, — пусть он убедится, что те, кто встретится с тобой, безоружны.

Красс, отрицательно покачав головой, сказал:

— Если бы я хоть немного ценил сейчас свою жизнь, то не вышел бы к вам...

В этот момент к Крассу подъехал парфянский командующий. Он воскликнул, обращаясь к Крассу:

— Что это такое?! Мы едем верхами, а римский полководец идет пешком!

— Каждый поступает по обычаю своей страны,— ответил на это Красс.

— Мы поедем к реке,— сказал парфянин,— и там подпишем договор о том, что вражда сменилась миром.

Красс приказал привести свою лошадь. Парфянский полководец остановил его и указал на прекрасного коня с золотой уздечкой, которого подвели воины:

— Царь дарит тебе этого коня!

Крассу помогли сесть верхом и, окружив его, стали ударами плетей подгонять коня. Октавий схватил поводья, пытаясь удержать лошадь. Другие римляне также бросились на помощь Крассу. Началась толкотня, сумятица, послышались крики, ругань. Октавий, выхватив меч, ударил одного из врагов, другой в этот момент вонзил ему нож в спину. Схватка была непродолжительной: несколько римлян и парфян были убиты. Парфянин по имени Эксатр убил Красса.

Отрубленную голову и руку Красса послали царю Парфии в Армению, где он находился. При этом был устроен шутовской триумф. Верхом на коне ехал один из римских пленных, одетый в женское платье. Он изображал собой Красса. Впереди на верблюдах ехали пленные ликторы. В связках их прутьев вместо топоров торчали отрубленные головы римских офицеров. Рассказывали, что парфяне влили в рот головы Красса расплавленное золото, сказав при этом:

«Его жажда к золоту была ненасытна. Пусть теперь утолит ее!»

Так кончил жизнь Марк Лициний Красс.

Помпей

Отца Гнея Помпея, римского полководца, сограждане не любили за корыстолюбие, скупость и надменность. Сын его уже с юных лет приобрел расположение народа своим приветливым обхождением, умеренным образом жизни, готовностью оказать услугу людям.

Юность Помпея совпала с грозной эпохой гражданских войн в Риме. В этот период в столице противостояли друг другу две группы: бывших крестьян — бедняков (пролетариев), живших только на государственные подачи, и богачей — оптиматов, в руках которых была земля, богатства, рабы и государственная власть. Большинство римской бедноты уже давно не имели постоянного заработка: его нельзя было найти, потому что везде — и в ремесле, и в сельском хозяйстве — рабовладельцы предпочитали пользоваться даровым трудом рабов. Свободным людям оставалась жалкая участь нищих. Однако они были римскими гражданами, и в Народном Собрании от их голосов зависели результаты выборов должностных лиц и принятие законов. Во главе популяров (народная партия) стояли такие вожди, как Марий, Цинна и другие, во главе оптиматов — Сулла.

Власть в Риме переходила несколько раз от одной партии к другой, и каждый раз победители жестоко расправлялись с побежденными.

Молодой Помпей, колеблясь и не зная, к какой партии примкнуть, отправился было в лагерь Цинны, который, казалось, одержал верх над аристократами. Прослышав, что Цинна не доверяет ему, как сыну одного из вождей оптиматов, и даже будто бы приказал его убить, Гней Помпей срочно покинул популяров

и удалился в италийскую область Пицен¹, где у него были имения.

В это время вождь оптиматов Сулла, возвращаясь после войны с понтийским царем Митридатом, во главе своих победоносных легионов шел на Рим. Приближалась решительная схватка между оптиматами и народной партией. Зажиточные граждане ждали Суллу как своего избавителя, а бедняки со страхом думали о готовящейся над ними расправе.

Находясь в Пицене, Помпей видел, как богатые и знатные граждане оставляют собственные имения и стекаются под знамена Суллы. Он твердо решил тогда примкнуть к оптиматам, но считал ниже своего достоинства явиться к Сулле жалким беглецом, умоляющим о помощи. Честолюбивый юноша предпочел прибыть к вождю оптиматов во главе набранного им войска. Поэтому он, пользуясь старыми связями отца с зажиточными гражданами Пицены, сделал попытку привлечь их на сторону Суллы. Зажиточные пиценцы охотно откликнулись на призыв Помпея. Один из сторонников народной партии как-то, обращаясь к жителям города, сказал с насмешкой:

— Вы хотите взять себе вождем Помпея, мальчишку, только что сошедшего со школьной скамьи.

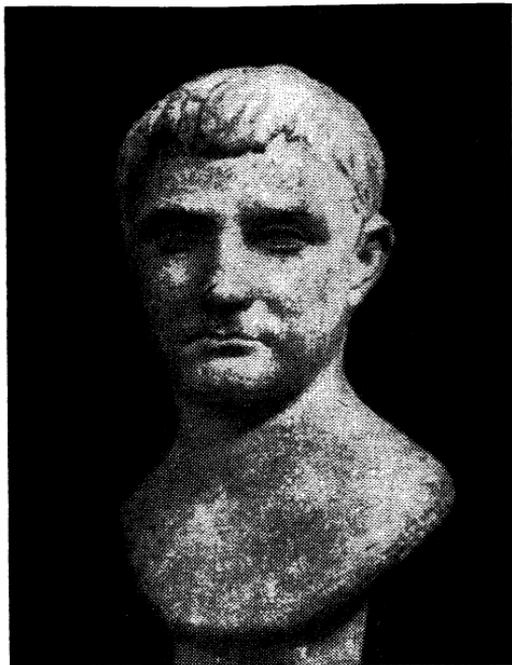
Пиценцы пришли в ярость и убили насмешника. В городе Авксиме Помпей организовал свой штаб, энергично занимаясь вербовкой и обучением войска. Вскоре ему удалось изгнать из области демократов, набрать три полных легиона, заготовив для них продовольствие и оружие. Затем двадцатилетний полководец не спеша двинулся к Сулле, по пути уничтожая представителей народной партии.

Со своими легионами Помпею пришлось пробиваться через вражескую территорию. Войска демократов много раз пытались его окружить и уничтожить. Но молодой полководец сам во главе конницы нападал на неприятеля. Так, в одной из битв Помпей выказал исключительную храбрость. Он первый метнул дротик и поразил командира вражеской кавалерии. После этого неприятельские всадники повернули назад, чем расстроили ряды своей пехоты.

Вскоре против Помпея двинулась армия под командой Сципиона. Дело, однако, не дошло до битвы, так как солдаты консула перешли (как это случалось в гражданской войне) на сторону Помпея. После этого все италийские города стали переходить на сторону Помпея, считая, что народная партия уже побеждена.

Между тем Сулла еще ничего не знал об этих событиях. При известии, что Помпей вынужден действовать против столь

¹ Область в Северной Италии, на берегу Адриатического моря.

Помпей

превосходящих сил противника, Корнелий Сулла испугался за его судьбу и немедленно выступил на помощь. Когда Помпей узнал о приближении сулланской армии, он приказал выстроить войско для торжественной встречи главнокомандующего, чтобы произвести на него впечатление. Гней Помпей рассчитывал на великие почести со стороны Суллы, но получил награду еще большую, чем ожидал. Приветствуя Суллу, Помпей назвал его императором¹. Сулла, отвечая Помпею, также назвал его императором. Никто не ожидал, что Сулла даст столь высокое звание молодому че-

ловеку. Однако не только при первой встрече, но и впоследствии диктатор старался оказывать Помпею особые знаки внимания, отличая его среди множества других людей. Сулла вставал и обнажал голову при появлении Помпея (почесть, которую всеобщий властитель оказывал только немногим).

Мало того, став владыкой Рима и Италии, Сулла пожелал породниться с Помпеем, чтобы еще теснее связать его с партией оптиматов и ее интересами. Для этого он предложил Гнею развестись с его первой женой и взять в супруги падчерицу диктатора Эмилию. Отклонить предложение Помпей не рискнул.

Некоторое время спустя пришла весть о том, что вожди народной партии вновь собирают силы для борьбы. Так, один из них, Перпенна, укрепился в Сицилии, стараясь превратить остров в опорный пункт для вторжения в Италию; Карбон с флотом также крейсировал вдоль берегов Сицилии, а третий вождь демократов — Домиций — высадился с войском в Африке, куда собрались изгнанники, преследуемые Суллой.

¹ Император — почетный титул, даваемый сенатом и народом главнокомандующему после больших побед.

Против них Сулла послал Помпея. Последнему вскоре удалось отобрать Сицилию у Перпенны (который бежал) и захватить в плен Карбона. Боясь, чтобы диктатор не заподозрил его в симпатии к демократам, Помпей казнил захваченных в плен видных противников Суллы. Рассказывают, что он заставил пленного Карбона, человека знатного, трижды избиравшегося консулом, в оковах стоять перед судом, а затем велел его предать казни. Менее известным демократам Помпей, если это не могло возбудить подозрений Суллы, позволял укрываться, а некоторым даже помогал бежать.

Помпей решил наказать жителей сицилийского города Гимеры за то, что они поддерживали демократов. Один из гимерцев — Сфений сказал:

— Ты, Помпей, поступишь несправедливо, если отпустишь виновного, а погубишь ни в чем неповинных людей.

— Кого же ты считаешь виновным? — спросил Помпей.

— Себя, — отвечал смело Сфений, — ведь это я убедил сограждан выступить.

Помпей, восхищенный смелостью и благородством этого человека, даровал ему прощение.

В то время как Помпей улаживал сицилийские дела, пришло письмо от Суллы с приказанием немедленно отбыть для военных действий против Домиция в Африку, где последний сконцентрировал большие силы.

Окончив приготовления, Помпей с шестью легионами отплыл к берегам Африки и вскоре высадился с частью армии в Утике. Другая часть войска прибыла в Карфаген, где на ее сторону перешло около 7000 вражеских воинов.

По прибытии Помпея в Утику произошло забавное происшествие: один из солдат случайно обнаружил денежный клад. Весть о находке моментально распространилась по всему лагерю. Тогда остальные легионеры бросились искать клад, будто бы зарытые карфагенянами еще во время осады их города римлянами. Много дней Помпей ничего не мог поделаться с солдатами, которые, словно одержимые, перекопали землю в расположении лагеря. Военачальнику ничего не оставалось делать, как смеясь наблюдать за бессмысленной работой тысяч обезумевших людей. Наконец, солдаты утомились и предложили Помпею вести их, куда ему угодно. Помпей поспешно выступил против Домиция. Невзирая на непогоду и водную преграду, отделявшую его от неприятеля, Помпей ночью смело и неожиданно напал на врага. В жестокой битве солдаты Гнея одолели противника, захватив его лагерь. Сам Домиций пал в бою. После этого все города в Африке и местные цари подчинились власти Помпея.

Возвратившись в Утику, Помпей получил письменное приказание диктатора немедленно распустить войско, а самому с од-

ним легионом ожидать на месте преемника по командованию. Это вызвано было тем, что Сулла получил ложное известие об измене Помпея. Помпей не решался явно выразить свое недовольство. Солдаты же открыто заявили, что не желают подчиняться приказу. Помпей стал уговаривать солдат смириться, а они в свою очередь предлагали ему остаться начальником и вести их против Суллы. С великим трудом Помпею удалось успокоить солдат и заставить их разойтись. Когда Сулла узнал истинное положение дел, то поспешил любезно встретить Помпея и преподнес ему титул «Великого».

По возвращении в Рим Помпей потребовал триумфа. Сулла долго не желал предоставить ему этой почести, но все же вынужден был согласиться.

В последнее время диктатор изменил свое благосклонное отношение к Помпею, завидуя его славе и возрастающему могуществу.

В своем завещании Сулла оставил всем друзьям ценные подарки, назначив их опекунами своего несовершеннолетнего сына. Помпея же он вовсе обошел. Последний снес эту обиду с большой выдержкой и достоинством. Когда же Сулла умер, его враги пытались воспрепятствовать устройству похорон диктатора за государственный счет. Помпей тут же вмешался, добившись решения сената о торжественном погребении.

После смерти Суллы один из консулов, Лепид, собрал сторонников демократов и поднял восстание против сената. Помпей, присоединившийся к партии оптиматов, был назначен главнокомандующим в войне против повстанцев.

Помпей всюду одолевал своих врагов. Только у города Мутины ему пришлось задержаться, чтобы разбить Брута — одного из полководцев Лепида. (Этот Брут был отцом Марка Брута, который впоследствии участвовал в заговоре против Юлия Цезаря.) Лепид, узнав о поражении Брута, бежал из Италии, переправившись на остров Сардинию, где вскоре и умер.

Едва окончилась война с Лепидом, как Помпею пришлось отправиться в Испанию. Здесь один из сторонников народной партии Серторий захватил ряд областей страны, угрожая войной Риму. Серторию удалось разбить одного за другим уже многих римских полководцев, посылаемых против него оптиматами. Теперь он воевал с Метеллом Пием — когда-то искусным полководцем и храбрым воином.

В Испании некоторые племена, непрочно связанные с Серторием, стали переходить к Помпею, как только тот высадился со своей армией. Серторий делал вид, что пренебрежительно относится к противнику, говоря, что ему не нужно было бы другого оружия против мальчишки — Помпея, кроме розги, если бы он не боялся старой бабы Метелла. На самом же деле он опасался

врага и вел военные действия с большой осторожностью. Все же Помпей разбил двух полководцев Сертория, уничтожив при этом свыше 10 000 врагов.

Гордый одержанной победой, Помпей поспешно двинулся против самого Сертория, надеясь до подхода Метелла разбить врага. Но исход войны казался неопределенным, так как противник вел партизанскую войну. Внезапно счастливый случай помог Гнею Помпею быстро ее закончить: Сертория предательски убили его друзья, и долголетняя гражданская война, наконец, закончилась, ибо больше не было полководцев, равных в своем искусстве Помпею.

После окончания Испанской войны Помпей переправился с войском в Италию в самый разгар восстания рабов под предводительством Спартака. К этому времени Марк Красс уже разбил, наконец, армию восставших, уничтожив в последней битве более 12 000 рабов. По случайности Помпей стал соучастником и этой победы: остатки разбитого войска Спартака (до 5000 человек) попали в его руки. Он жестоко расправился с пленными, распяв их на крестах, и написал сенату, что Красс только разбил гладиаторов в открытом бою, а дескать он, Помпей, навсегда покончил с дерзкими рабами.

В 70 г. до н. э. Помпей порвал со всеми прежними друзьями — оптиматами (оплотом которых был сенат) и решительно выступил на стороне демократов, снискав этим расположение народа.

С помощью Помпея была восстановлена отмененная Суллой должность народных трибунов. Затем Помпей, желая приобрести союзников в лице римских всадников, провел закон о передаче судов в руки всадников (суды были отняты у всадников Суллой и переданы представителям сената).

Через некоторое время Помпея избирают на должность консула. Консулом стал и Красс — выдающийся оратор, победитель Спартака и один из богатейших людей в Риме. Однако консулы враждебно относились друг к другу: Красс держал сторону сената и оптиматов, а сила Помпея была в поддержке его народом. Оба они стремились к власти, соперничали и ненавидели друг друга. По истечении срока консульства Помпей и Красс сложили свои полномочия: Красс вернулся к частной жизни, а на Помпея вскоре было возложено командование в войне с пиратами.

Пираты укрепились в малоазиатской области Киликии, так как сама природа этой местности представляла удобства для них. Здесь было много корабельного леса, тайных гаваней и бухт.

Сперва пираты занимались только охотой за людьми, продавая пленников в рабство на острове Делос. Затем, когда во

время длительных гражданских войн Рима побережье Средиземного моря осталось почти без присмотра, разбойники настолько осмелели, что стали опустошать прибрежные города и острова. Число кораблей у пиратов превышало тысячу, отличаясь быстротой и легкостью хода. Из восточной части Средиземного моря пираты постепенно перенесли разбойничьи операции к берегам Италии и Греции. Они однажды захватили даже двух римских преторов вместе с их слугами и ликторами. Особенно жестоко пираты относились к пленным римлянам.

Ко времени возвращения Гнея Помпея из Испании из-за пиратства была почти полностью парализована торговля в Средиземном море. В связи с этим возникли трудности в подвозе продовольствия Риму. Тогда сенат поручил Помпею уничтожить морских разбойников. По специальному закону ему была предоставлена чрезвычайная власть на море и на суше; поручалось набрать войско и снарядить флот из 200 кораблей. Для этого казначейство предоставляло неограниченные суммы. Все самые знатные и влиятельные оптиматы-сенаторы были против предоставления Помпею таких полномочий. Однако Народное Собрание утвердило закон, более чем удвоив силы, которые предоставлялись командующему военными операциями по первоначальному тексту законопроекта. Помпей снарядил 500 кораблей, набрал более 100 000 солдат и 15 000 кавалерии.

Собрав силы и снарядив корабли, Помпей разделил все Средиземное море на тринадцать частей, в каждой из которых сосредоточил по эскадре кораблей и сразу как бы захватил в сети пиратские суда. Успевшие прорваться морские разбойники укрывались в своих тайных убежищах в Киликии. Благодаря умелому руководству и энергии Помпея западная часть Средиземного моря, а также водные пространства вокруг Италии, Сардинии, Корсики и Сицилии вскоре были очищены от пиратов. Некоторые из пиратских кораблей сдались на милость победителя. Командам этих судов была сохранена жизнь (кроме совершивших какие-либо преступления против Рима).

Самые закоренелые злодеи и главари укрыли своих жен, детей и награбленные богатства в крепостях и тайных убежищах на Тавре¹, а сами с большим флотом ожидали нападения Помпея у Коракесия в Киликии (это была неприступная крепость, расположенная на отвесной скале). В морском сражении пираты были разбиты наголову. Римляне захватили много кораблей противника.

Затем Помпей приступил к осаде крепостей и убежищ разбойников. Последние, видя, что дальнейшее сопротивление невозможно, решили сдаться. В плен было взято более 20 000 пи-

¹ Горная цепь в Киликии (в Малой Азии).

ратов, не считая их семей. Помпей не решился их казнить. В то же время он не рискнул отпустить пленников на свободу, позволив им, таким образом, вновь объединиться в шайки. Поэтому Гней приказал переселить всю эту массу людей в местность, расположенную вдали от моря, и там приучить их жить в городах и обрабатывать землю.

Часть пиратов по приказанию Помпея приняли маленькие и малолюдные городки Киликии, большинство же разбойников он переселил в город Диму в Греции и во вновь основанный им город Помпейполь (на месте города Солы в Киликии).

Когда в Рим пришло известие, что война с пиратами окончена, один из народных трибунов предложил законопроект о передаче Помпею всех провинций и войск на Востоке (в Малой Азии), которыми командовал Лукулл, сражавшийся в то время против Митридата и Тиграна. Этот закон совершенно незаслуженно лишил Лукулла награды за совершенные им подвиги и являлся не чем иным, как подчинением всей римской державы власти одного человека — Помпея. Несмотря на яростное сопротивление оптиматов, предложение трибуна было утверждено народом. Так простым постановлением Народного Собрания Помпей был облечен властью, которой в свое время Сулла добился путем войн и насилий.

Отправившись в провинции, Помпей сразу стал отменять все распоряжения своего предшественника Лукулла. Он отстранил от командования последнего, оставив в его распоряжении 1600 солдат. Обиженный и раздраженный Лукулл уехал в Италию, а Помпей, взяв командование в свои руки, выступил против царя Понта Митридата.

Царь понтийский, располагавший армией в 30 000 человек пехоты и 2 000 конницы, не решался дать сражение римлянам. Помпею удалось окружить Митридата и осадить его лагерь. Царь выдерживал осаду в течение 45 дней, а затем, перебив больных и раненых, незаметно бежал с лучшей частью войска. Помпей, однако, настиг царя на реке Евфрат. Боясь, как бы враги не успели раньше его переправиться через водный рубеж, Помпей тотчас же напал на их стоянку.

Митридат потерпел полное поражение: более 10 000 его солдат пали, лагерь стал добычей победителей. Сам царь успел прорваться с 800 всадниками сквозь ряды римлян. Однако этот отряд быстро рассеялся, и Митридат Евпатор принужден был продолжать бегство только с тремя спутниками. Беглецы, наконец, прибыли в крепость Синопу, где находилась царская сокровищница. Митридат роздал часть сокровищ и драгоценных одежд своим спутникам и дал каждому из них смертоносного яду, чтобы никто живым не попался в руки врага.

Из Синопы Митридат направился к армянскому царю Тиграну, но тот из страха перед Помпеем отказал ему в убежище и даже объявил награду за его голову. Тогда царь Понта, миновав истоки реки Евфрат, направился в Колхиду.

Между тем Помпей, двигаясь за Митридатом, вошел с войском в Армению. Царь, старый Тигран, только что разбитый Лукуллом, принял римлян в своей столице, а сам отправился к Помпею.

Явившись в лагерь римского полководца, армянский царь снял свою корону и собирался, по восточному обычаю, пасть на колени и просить пощады. Помпей, однако, ласково обнял Тиграна, предложил ему место рядом с собой и во время беседы сообщил царю необременительные для Армении условия мира. Только присутствовавший здесь же сын старого царя, молодой Тигран, держал себя вызывающе и дерзко по отношению к римскому полководцу. Тогда Помпей велел схватить его и держать в тюрьме до дня своего триумфа.

Уладив дела в Армении, Помпей, из-за необходимости преследования Митридата, направился вслед за ним через земли, населенные племенами албанцев и иберов¹. Албанцы сначала согласились пропустить Помпея через свою страну, но потом предательски напали на него у реки Кира². Римляне быстро рассеяли врагов и многих из них перебили. Царь албанцев через своих послов запросил пощады, и Помпей, заключив с ним мир, выступил против иберов, оказавших сопротивление римской армии. Помпей нанес тяжелое поражение иберам, перебив 9 000 человек и больше 12 000 захватив в плен. После этого полководец вступил в Колхиду³, где на реке Фасис⁴ его ожидал римский флот.

Между тем Митридат скрылся среди племен, живущих на Киммерийском Боспоре и у Меотиды⁵, и дальнейшее преследование его представляло большие трудности. Кроме того, Помпей внезапно получил известие, что албанцы нарушили мирный договор. Римлянам пришлось вернуться назад. Вскоре произошло решительное столкновение с огромным войском албанцев (60 000 пехоты и 12 000 кавалерии). Помпей сражался в первых рядах как солдат и убил копьем вражеского полководца. Албанцы потерпели поражение.

После битвы Помпей, преследуя албанцев, направился в сторону Каспийского моря, но на расстоянии трехдневного пере-

¹ Иберы жили в Центральном Закавказье, а албанцы — восточнее, вплоть до Каспийского моря.

² Кир — современная река Кура.

³ Колхиды — современная Грузия.

⁴ Фасис — современный Рион.

⁵ Боспор Киммерийский — Керченский пролив, Меотида — Азовское море.

хода до его берегов вынужден был вернуться (из-за множества ядовитых змей в этом районе) и отступить в Армению. Помпей отказался от преследования Митридата, решив блокировать территорию, где укрылся царь Понта. Флот римлян преградил путь купеческим кораблям, шедшим с продовольствием и припасами к северному побережью Черного моря, где скрывался Митридат. За попытку нарушить блокаду была объявлена смертная казнь.

После этого из Армении Помпей прошел в область Коммагену, а оттуда в Сирию, объявив ее провинцией Рима. Затем он покорил Иудею, захватив в плен царя ее Аристобула.

Теперь, хотя война с Митридатом была еще не окончена, полководец занялся устройством провинций, раздавая награды, наделяя землями многочисленных местных царьков и властителей, улаживая споры между городами и царями. При этом Помпей обнаружил талант правителя, проявляя в отношении подвластных ему территорий справедливость и разумное милосердие. Сам лично он не стремился к обогащению, был чужд корыстолюбия и алчности.

Из Сирии Помпей выступил походом на Петру¹. Многие относились с неодобрением к этой затее, считая, что поход предпринят лишь для того, чтобы иметь предлог отказаться от преследования Митридата.

Счастливым случаем, однако, опять (как это не раз бывало в жизни Помпея) помог ему выйти из затруднительного положения. Уже виднелась вдали Петра, как прибыли гонцы с вестью о смерти Митридата, который покончил с собой после того, как его сын, Фарнак, поднял против отца восстание. Так погиб Митридат Евпатор — злейший враг Рима, которого называли вторым Ганнибалом.

Неожиданная смерть царя Понта заставила Помпея изменить свои планы, и он немедленно повернул обратно, направившись в Италию.

Между тем в Рим проникали всевозможные слухи и толки о намерениях Помпея. Оптиматы опасались, что он поведет свою армию в столицу и окончательно установит единовластие. Некоторые богатые люди, в том числе и Марк Красс, боясь волнений и беспорядков, спешно покинули город. Но Помпей еще до прибытия в Италию распустил своих легионеров по домам. Лишь только весть об этом разнеслась по Италии, как жители городов в праздничных одеждах стали выходить навстречу победителю Митридата, и когда полководец подходил к Риму, за ним следовала огромная толпа, во много раз превосходившая по численности охранявших его солдат.

¹ Столица небольшого царства в Аравии.

Триумф Помпея продолжался два дня. На таблицах, которые несли впереди во время процессии, были обозначены покоренные им страны и народы. (Помпей взял 1000 крепостей, 900 городов, захватил у пиратов 800 кораблей и внес в государственное казначейство баснословную сумму денег.)

Теперь Помпей достиг вершины славы и могущества, но вместе с тем, став на сторону народа, возбудил против себя недовольство оптиматов и сената.

В это время среди римских государственных деятелей объявилось новое лицо — Гай Юлий Цезарь. Это был человек, происходивший из старинного рода, талантливый и честолюбивый. Он не имел ни военной славы Гнея Помпея, ни богатства Марка Красса, но своей энергией и блестящим умом превосходил тогдашних знаменитых римлян.

Примкнув к народной партии, Цезарь этим завоевал расположение и любовь простых людей, сумев с помощью щедрых подачек и обещаний добиться должности консула. Затем Юлий Цезарь задумал примирить двух самых могущественных людей Рима — Помпея и Красса. Таким образом он приобретал союзников и уменьшал власть сената и оптиматов, так как она держалась только на разногласиях и вражде ее противников. Стараниями Цезаря был заключен тайный союз между ним, Помпеем и Крассом — так называемый триумвират. Для укрепления союза между триумвирами Помпей женился на дочери Цезаря — Юлии.

После избрания в консулы Цезарь тотчас внес проект закона о раздаче земель и основании колонии для бедных граждан. Эти предложения вызвали яростное сопротивление сената во главе с товарищем Цезаря по консульству — Бибулом. Чтобы обеспечить проведение в жизнь мероприятий, задуманных Цезарем, Помпей послал в Рим отряды своих солдат. В ответ на это оптиматы выставили вооруженные группы людей, состоявшие из подонков общества. Между ними и солдатами Помпея на городском форуме происходили настоящие сражения.

Триумвиры (Цезарь, Помпей и Красс) боролись со своими врагами всеми доступными им средствами. Так, солдаты Помпея напали на Бибула на форуме, переломали его консульские знаки отличия, а самого облили помоями. Затем солдаты буквально осадили Бибула в доме, не выпуская его оттуда в течение 8 месяцев (до окончания срока его консульских полномочий).

Двоих видных деятелей сенатской партии — Катона и Цицерона — триумвиры удалили из Рима. Первого — на Кипр, якобы для умиротворения населения острова, а второго — в ссылку. Когда Цицерон обратился за помощью к Помпею, то тот даже не принял его, приказав запереть двери своего дома.

Народ одобрил деятельность Помпея в провинциях Малой Азии, а Цезарю была предоставлена сроком на 5 лет для управления Галлии.

По истечении консульства Цезарь отправился в Галлию. В Риме остались Помпей и Красс, которые не могли справиться с растущей анархией и насилиями, чинимыми солдатами в период консульства Цезаря. Молодой народный трибун Клодий собрал и вооружил шайки проходивцев, наводивших ужас на граждан. Клодий, который, как говорили, являлся тайным агентом Цезаря, возбудил сначала судебные преследования против друзей Помпея. Это была попытка испробовать силу влияния Помпея: сумеет ли Гней Помпей защитить своих друзей. Затем Клодий и его люди напали на самого Помпея, а какой-то раб Клодия попытался на форуме даже убить его. Сенат и оптиматы злорадствовали по поводу оскорблений, нанесенных триумвиру, и требовали возвращения Цицерона.

Безнаказанность Клодия и его банд привела к тому, что выборы высших должностных лиц на следующий год не состоялись, а сам Помпей не смел появиться на форуме. Тогда триумvir согласился на возвращение Цицерона из ссылки.

С сильным отрядом солдат Помпей занял форум и после кровопролитной схватки одолел Клодия. Возвратившийся из ссылки Цицерон примирил Помпея с сенатом. Кроме того, Цицерон добился от сената принятия закона, по которому Помпей был поставлен во главе снабжения и заготовки хлеба для Рима. Приступив к исполнению новой должности, Помпей быстро заполнил рынки Рима хлебом.

Между тем Цезарь, ведший войну в Галлии, захватил огромную добычу и сумел создать армию, лично преданную ему, готовую идти куда угодно за своим полководцем. Часть награбленных богатств Цезарь отослал в Рим для подкупа высших должностных лиц, а также для раздачи народу.

Военные действия в Галлии еще продолжались, и, чтобы окончательно покорить страну, Цезарю было необходимо продлить срок командования. Тогда Юлий Цезарь пригласил Помпея и Красса (которые успели поссориться друг с другом) на свидание в город Луку, расположенный в Северной Италии. Здесь между триумвирами было заключено новое соглашение, по которому за Цезарем предполагалось утвердить его провинции на следующие 5 лет, а Помпей и Красс должны были стать консулами на следующий год. Цезарь обещал послать в Рим большой отряд своих солдат, чтобы помочь утвердить кандидатуры Красса и Помпея. Лишь только завершится их избрание, они разделят между собой провинции и командование армиями. Это соглашение, ставшее вскоре известным, сенат и оптиматы встретили с негодованием. При помощи подкупа Помпей и Красс

были избраны консулами. Затем они продлили срок командования Цезарю на 5 лет. Красс получил в управление Сирию в качестве провинции, и ему было разрешено начать войну против парфян. Помпею же были даны Ливия и Испания с четырьмя легионами солдат.

По истечении полномочий консула Красс отправился в Сирию готовиться к войне с парфянами. Помпей же передал управление провинциями своим *легатам*¹, а сам остался в Италии.

Вскоре после этого произошли два события, которые привели к распаду триумvirата: Красс потерпел страшное поражение в войне с парфянами и погиб (53 г. до н. э.), а незадолго до этого (54 г. до н. э.) умерла дочь Цезаря — Юлия, супруга Помпея.

После смерти Юлии в Риме начались волнения, всюду царило беспокойство и раздавались сеющие смуту речи. Кандидаты на высшие должности набирали вооруженные банды, которые вели на форуме настоящие сражения. Консульские выборы откладывались. Каждый день совершались насилия и убийства. Пользуясь тревожным состоянием в городе, друзья Помпея подали мысль о назначении его диктатором. Эта идея была подхвачена в народе.

Один из народных трибунов открыто предложил выбрать Помпея диктатором. Сенат и оптиматы резко выступили против этого предложения, пользуясь тем, что со времен Суллы народ ненавидел эту должность.

Они заявляли, что выступают не против диктатуры Помпея, а против диктатуры вообще. Тогда Гней Помпей сам отказался от диктатуры, но согласился ввести отряд своих солдат для того, чтобы установить порядок при избрании консулов. С помощью легионеров удалось на некоторое время восстановить спокойствие в городе и избрать консулов. Но новые консулы не могли сдержать вспыхнувшие вновь беспорядки, которые после убийства народного трибуна Клодия переросли в настоящую смуту. Толпа ворвалась в курию Гостилия (здание, где заседал сенат) и подожгла скамьи и столы сенаторов. Огонь охватил курию и распространился на ближайшие здания. В пламени погибли древнейшие, почитаемые священными, общественные здания Рима.

Теперь даже оптиматы поняли необходимость твердой власти, и из двух возможных претендентов — Цезаря и Помпея — они решили выбрать последнего. Один из самых ярких противников Помпея — Катон сам предложил выбрать Помпея, но только не диктатором, а единственным консулом, вместо обычных двух (с тем, чтобы он дал отчет в своих действиях по окончании срока полномочий).

¹ *Легат* — помощник консула и полководца.

Помпей снова занял высшее положение в государстве и энергично принялся восстанавливать порядок. Он начал судебные процессы по делу о подкупе и лихоимстве. В несколько недель множество друзей Клодия и Цезаря были осуждены судами на изгнание. Помпей сам председательствовал в судах. Однако если дело шло о его друзьях и родственниках, то Помпей, так строго каравший своих врагов, выказывал неожиданную мягкость. Если же судебное разбирательство касалось людей, ему безразличных, то он подчас проявлял жестокость. Так, когда один из кандидатов в консулы, обвиненный в подкупе, пришел к Помпею, тот, в ответ на его мольбы о помощи, сказал:

— Если ты удержишь меня, то мой обед простынет, а это — самое важное!

Такая пристрастность в судопроизводстве вызвала справедливые нарекания. Но, несмотря на все это, Помпею удалось привести в порядок государственные дела и установить твердую власть. После окончания срока чрезвычайной должности сенат продлил Гнею Помпею командование армиями в его провинциях еще на пять лет.

Теперь Помпей чувствовал себя сильнее своего соперника, срок командования которого в Галлии истекал. Он провел закон, направленный против Цезаря, запрещающий кандидатам заочно домогаться должности консула. Цезарю же было необходимо, не покидая поста, заочно быть избранным в консулы, чтобы не оставаться ни одного дня частным человеком, так как по римским законам тогда его можно было бы привлечь к суду. Катон и другие оптиматы уже открыто заявляли, что намерены добиться осуждения Цезаря по окончании срока его командования. Затем Помпей потребовал от Цезаря передать ему два легиона под предлогом предстоящей войны с парфянами. Цезарь отослал Помпею солдат, щедро одарив их, хотя и знал, зачем их у него требовали.

Вся Италия теперь, казалось, поддерживала Помпея. Действительно, как только Помпей, опасно заболев в Неаполе, выздоровел, по всей Италии начались празднества в честь его избавления от опасности. Огромные толпы людей, украшенных венками, с пылающими факелами встречали и провожали Помпея, осыпая его цветами.

Гордясь собственным величием, Помпей, отбросив обычную осторожность, стал пренебрежительно относиться к силе и возможностям своего противника. Он считал даже ненужным прибегать к оружию для борьбы с Цезарем. В это время из Галлии прибыл Аппий, сторонник Помпея. Он нарисовал картину не действительного положения вещей, а такую, которая, как он знал, была желательна и приятна проконсулу: Помпей не имеет представления о собственном могуществе, говорил он, если соби-

рается воевать против Цезаря; легко можно сокрушить соперника с помощью его же собственных солдат; лишь только Помпей появится перед легионерами Юлия Цезаря, они тотчас перейдут на его сторону — так велика в армии ненависть к наместнику Галлии и глубока любовь к Помпею.

Проникшись высокомерием и преувеличенной верой в свои силы, Помпей высмеивал осторожных людей, указывающих ему, что они не видят войска, которое будет сражаться с Цезарем, если тот вздумает двинуться на Рим. С веселой улыбкой Помпей заявлял:

— Стоит мне только топнуть ногой о землю, как тотчас же в любом месте Италии из-под земли вырастет войско.

В противоположность Помпею Цезарь со свойственной ему исключительной энергией взялся за дело, которое было для него вопросом жизни и смерти: во что бы то ни стало продлить срок своего командования армией. Цезарь не удалялся на значительное расстояние от Италии и посылал в Рим солдат на выборы должностных лиц. Многих из выбранных он привлек на свою сторону. Награбленное в Галлии золото обильным потоком потекло в Рим.

Для Цезаря было весьма важно выиграть время, заставить хотя бы отложить назначение себе преемника, не применяя насилий и противозаконных средств. С этой целью правитель Галлии пошел на хитрость.

Через своих агентов в Риме он, подкупив своего противника Куриона, тайно вошел с ним в соглашение о том, что Курион, оставаясь для вида врагом Цезаря, запутает положение так, что в ближайшее время голосования в сенате о смене командования в Галлии не будет. Курион блестяще справился с поставленной перед ним задачей, ловко разыгрывая роль беспристрастного критика обоих соперников. Однако Помпей и оптиматы оказались сильнее, и вскоре дело приняло такой оборот, что друзьям Цезаря (Антонию, Куриону и другим) пришлось бежать из Рима в Галлию.

Между тем пришло известие, что Цезарь, подведя войска к границам своей провинции, собирается идти на Рим.

Подойдя к реке Рубикон, бывшей границей провинции, Цезарь остановился в нерешительности, взвешивая задуманное предприятие. Затем, обратившись к окружающим друзьям, сказал:

— Жребий брошен! — и велел солдатам форсировать реку.

Лишь только распространились первые слухи об этом событии, как в Риме началась паника. С утра до вечера испуганные сенаторы и должностные лица сходились к дому Помпея узнавать новости, жаловаться, просить и давать советы.

Все ожидали расправы со стороны солдат Цезаря. На вопросы сенаторов, какие меры он собирается принять для защиты

столицы, Помпей неуверенно ответил, что легионы, пришедшие от Цезаря, находятся в боевой готовности, и он предполагает вскоре набрать войско в количестве 30 000 человек. Тогда один из сенаторов, обращаясь к Помпею, напомнил его прежние хвастливые заявления и предложил топнуть ногой и вызвать обещанные легионы.

Помпей был захвачен врасплох неожиданным поворотом событий и в течение трех дней не принимал никакого решения: он не знал даже, какими силами располагал Цезарь и каковы его истинные намерения. По предложению Катона Гнея Помпея избрали главнокомандующим с неограниченными полномочиями, и должностные лица уехали в назначенные им провинции.

Между тем волнения, начавшиеся в Риме, распространились на всю Италию. Жители италийских городов стекались в столицу, ища там безопасности, а столичные граждане, наоборот, оставляли город, опасаясь восстания рабов и насилия со стороны городской черни. Деловая жизнь полностью приостановилась.

Помпею не удавалось справиться с волнениями и беспорядком в городе. Нередко ему приходилось в один и тот же день принимать противоположные решения, так как, имея слишком много осведомителей и советчиков, он не знал, кого слушать, и терялся в догадках, чьи известия считать достоверными. Наконец, Помпей издал декрет о чрезвычайном положении, приказав всем сенаторам, без исключения, следовать за собой, предупредив их, что будет считать всякого оставшегося врагом отечества. Считая безнадежным делом защиту столицы, Помпей покинул Рим, отправившись к своим двум легионам, расположенным в городе Луцерия¹. Консулы и сенат должны были переехать в Капую и увезти туда казну.

В этот момент пришло известие, будто Цезарь во главе галльской кавалерии уже недалеко от Рима. Тогда консулы бежали, не совершив даже полагающегося по обычаю перед началом войны жертвоприношения и оставив врагу государственную казну.

Через несколько дней после отъезда Помпея Цезарь беспрепятственно вступил в Рим. Против ожидания, он обошелся со всеми милостиво, чем расположил к себе жителей. Солдаты его не совершали насилий над горожанами. Он захватил только государственное казначейство. Затем Цезарь начал преследование Помпея: он спешил изгнать его из Италии до прибытия к нему помощи из Испании.

Между тем Помпей захватил приморский город Брундизий на Адриатическом море. Потеряв надежду на спасение Италии от Цезаря, Помпей решил переправиться со своими легионами

¹ Луцерия — италийский город на севере области Апулия.

в Грецию, чтобы оттуда повести решительную борьбу с правителем Галлии. В Брундизии было собрано достаточное количество транспортных судов, и Помпей, отправив сначала консулов и многих из сенаторов, посадил на корабли войско и переправился на греческое побережье.

Цезарь хотел немедленно начать преследование Помпея, но, не имея кораблей, возвратился в Рим, чтобы затем отправиться походом в Испанию, откуда легаты Помпея угрожали Галлии. Вскоре вся территория Италии перешла в руки Гая Юлия Цезаря.

Силы соперников казались слишком неравными. У Цезаря была небольшая, но испытанная в боях и всецело преданная своему полководцу армия. В руках же Помпея был сосредоточен весь флот и богатства страны. Поэтому Цезарь, считая, что всякое промедление только усилит врага, сразу начал войну в Испании.

В течение сорока дней Цезарю удалось принудить к сдаче пять легионов противника в Испании. Помпей между тем готовился к войне. Его и без того огромный флот пополнился новыми боевыми кораблями; путем принудительных наборов создана была большая армия из одиннадцати легионов. Сам Помпей принялся за обучение этого войска. В его лагерь стекались знатные римляне со всей Италии, восточные цари и властители.

Цезарь сделал попытку примириться со своим соперником, но Помпей счел его предложение ловушкой и отказался от переговоров. После этого Юлий Цезарь решил высадиться в Иллирии, сосредоточив для этого свои легионы в Брундизии.

Обманув бдительность вражеского флота, Цезарь переправился в Иллирию с небольшим отрядом, оставив в Брундизии большую часть своих сил. Все грузы, вьючные животные и продовольствие остались в Италии и должны были быть переправлены со следующей партией солдат. Командующий флотом Помпея блокировал гавань Брундизия, и остальная часть войск Цезаря не смогла выйти в море. Цезарь остался, таким образом, с небольшим войском без продовольствия и запаса оружия лицом к лицу с превосходящими силами противника.

Но Помпей не сумел воспользоваться благоприятным случаем и разгромить врага до подхода его основных сил. Он предпочел ждать, пока голод ослабит войско Цезаря настолько, что его будет легко уничтожить. Между тем неделя проходила за неделей, а подкрепление и продовольствие из Италии не приходили, и в войске Цезаря начался голод. В отчаянии Юлий Цезарь хотел даже пойти один на небольшом суденышке в Брундизий, чтобы лично возглавить переправу из Италии своих легионов.

На счастье Цезаря в это время скончался командующий флотом противника, и бдительность врагов уменьшилась. Тогда подвижник Цезаря, Антоний, решился, наконец, посадить часть легионов на корабли, а часть отправил сушей в Иллирию.

И вот однажды обе враждебные армии, стоявшие друг против друга около Диррахия, увидели проходивший мимо флот Антония. Корабли Помпея немедленно устремились за ним и вскоре обе эскадры скрылись из виду. Несколько часов прошли в томительном ожидании. Встречный ветер задержал вражескую эскадру, и Антоний благополучно высадился с четырьмя легионами севернее Диррахия. Обе враждебные армии двинулись к месту высадки: Помпей, чтобы разбить Антония до соединения его с Цезарем, а Цезарь, чтобы соединиться с Антонием.

Цезарь успел соединиться с Антонием до прибытия Помпея и таким образом избежал разгрома и гибели.

Пытаясь теперь отрезать вражескую армию от продовольственной базы в Диррахии, Цезарь осадил город. Он часто нападал на вражеские укрепления, при каждом удобном случае вызывая противника на бой. Одна из таких стычек превратилась в настоящее сражение, и Цезарь был разбит, причем до 2000 его солдат пало в битве. Помпей, однако, еще раз упустил случай разгромить врага: он не смог или побоялся ворваться в лагерь Цезаря, чтобы довершить победу, и тем самым помог врагу уйти в Фессалию. Обращаясь к друзьям, Цезарь по этому поводу сказал:

— Сегодня победа была бы на стороне врагов, если бы у них кто-нибудь умел побеждать.

В лагере Помпея царили суета и беспорядок из-за отсутствия единого руководства и, главное, нерешительности главнокомандующего. Сейчас, когда казалось, что враг разбит, среди влиятельных друзей Помпея возникли разногласия в оценке создавшегося положения. Одни считали, что Цезарь бежал, и предлагали немедленно начать преследование; другие кричали, что надо переправиться в Италию; третьи, наконец, стали посылать в Рим своих слуг и друзей, чтобы скорее занять дома вблизи форума, думая, что им тотчас же по возвращении придется помогать высокими должностями. Иные были настолько уверены в своей победе, что спорили, кому достанется должность *верховного понтифика*¹, занимаемая Цезарем. Сам Помпей уже сообщил чужеземным царям, властителям и городам, а также своей супруге об окончательной победе. Римские вельможи, опьяненные победой при Диррахии, после того как войско спустилось на Фарсальскую равнину (в Фессалии), стали требовать немедленного и решающего сражения.

— Неужели Помпей, — говорили они, — до такой степени состарился, что не осмеливается напасть и добить врага, силы которого почти вдвое меньше?

Помпей уступил и дал приказ готовиться к бою.

Цезарь после ночного отдыха хотел двигаться дальше в Фес-

¹ *Верховный понтифик* — глава коллегии жрецов в древнем Риме.

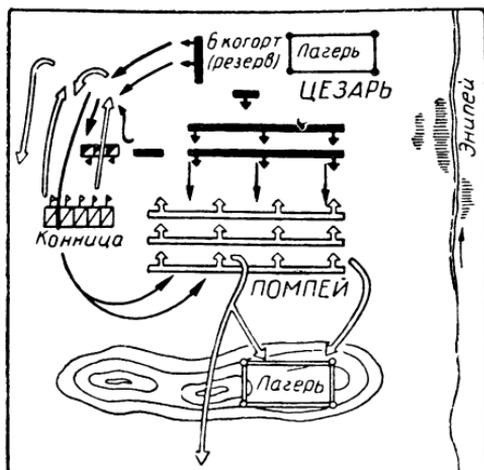

Схема битвы при Фарсале

салию, и его солдаты уже снимали палатки, как вдруг пришло сообщение, что передовые части врага строятся в боевой порядок. Тогда Юлий Цезарь приказал поднять над своей палаткой красный флаг, который у римлян был сигналом к битве.

Помпей построил свои когорты в три линии. Сам он стоял на правом фланге напротив Антония, на левом фланге была сосредоточена ударная масса конницы. Помпей предполагал опрокинуть своей кавалерией немногочис-

ленную конницу Цезаря и затем, прорвав фронт знаменитого десятого легиона (в рядах которого сражался сам Цезарь), разгромить противника. Цезарь, заметив, что левый фланг неприятеля прикрыт такой большой массой конницы, поставил шесть когорт на правом фланге, чтобы отразить атаку конников Помпея.

С обеих сторон был дан сигнал к атаке. Всадники Помпея бросились на правый фланг Цезаря.

По сигналу Цезаря его конница, чтобы не быть смятой многочисленной кавалерией Помпея, отступила, а выстроенная сзади пехота внезапно двинулась вперед на врага, бросая свои дротики прямо в лицо вражеским всадникам. Вслед за этим конница Цезаря перешла в наступление и обратила в бегство неприятельскую кавалерию. Не обращая внимания на бегущих, солдаты Юлия Цезаря двинулись против вражеской пехоты, опрокинули левое крыло противника и стали угрожать его тылу. Армия Помпея не могла больше удерживать своих позиций. В таком положении римляне обычно отступали в лагерь — крепость, которую они всегда имели за спиной. Помпей, отчаявшись, бросил командование и медленно направился в лагерь. Оставшись без командира, когорты, предоставленные сами себе, нарушили порядок отступления, и началось паническое бегство всей армии.

На поле битвы осталось более 6000 солдат Помпея. Говорят, что армия Цезаря потеряла только 200 человек убитыми.

Помпей сидел в своей палатке, когда в лагерь вместе с беглецами ворвались их преследователи. Тогда он вскочил на коня и вместе с несколькими друзьями помчался по дороге в фессалийский город Ларису.

Отъехав немного от лагеря, Помпей пустил коня во весь опор, а затем, увидев, что никто его не преследует, поехал медленно. Миновав Ларису, Помпей прибыл в Темпейскую долину, расположенную у берега моря. Там он остановился на ночь в какой-то рыбацкой хижине. На рассвете Помпей перебрался на борт речного судна и, отправившись на нем по течению реки Пеней, вскоре прибыл в Амфиполь.

Оттуда он переправился на остров Лесбос в Митилену, чтобы взять с собой жену Корнелию и сына. Услышав весть о поражении мужа, Корнелия очень расстроилась. Помпей, как мог, утешал ее, вселив надежду на лучшее будущее.

Затем Помпей с женой и друзьями отправился в плавание вдоль берегов Малой Азии, где по дороге к нему присоединились несколько кораблей из Киликии, собрались воины и около 60 сенаторов. В пути он узнал, что флот его стоит еще в боевой готовности, а Катон с большим войском переправился в Африку. Тогда Помпей начал сетовать на друзей и упрекать себя за то, что принял сражение на суше, не имея поддержки с моря, так как там он имел бесспорное превосходство.

Между тем в отечестве Помпея офицеры его флота, находившегося в Диррахии, узнав о поражении сухопутной армии, сожгли продовольственные склады и часть кораблей, чтобы они не достались врагу, и затем отплыли на остров Керкиру (на западе Греции). Здесь на военном совете они решили разделить флот на две эскадры: одна отплыла в Понт, а другая — в Африку, надеясь разыскать там Гнея Помпея.

Когда обстановка несколько прояснилась, Помпей понял, что еще не все потеряно. Он послал за помощью в азиатские города и сам приезжал туда, требуя денег и кораблей. Много споров возникло у Помпея с его друзьями относительно места, где можно было бы снова сформировать армию и возобновить военные действия. Одни предлагали избрать базой для подготовки войска Сирию, другие — Египет, третьи — Африку. Сам Помпей высказал мнение, что безопасным местом было бы Парфянское царство.

Решили отправиться в Сирию, но по прибытии на Кипр выяснилось, что жители Антиохии отказываются принять беглецов из боязни расправы со стороны Цезаря. Тогда Помпей собрал небольшой флот и отряд в 2000 человек, а затем отплыл в Египет. В Египте в это время царствовали дети царя Птолемея XI — Авлета, Птолемея-Диониса и Клеопатры. Помпей надеялся, что в благодарность за предоставленную некогда их отцу помощь они окажут ему гостеприимство.

В тот момент, когда флот беглецов подошел к берегам Египта, царь Птолемея-Диониса воевал со своей сестрой Клеопатрой. Помпей, оставшись на корабле, направил к молодому царю посланца с просьбой предоставить убежище. По молодости царя,

всеми делами управляли его министры — Пофин, Феодот и Ахилла.

На совете приближенные царя разошлись во мнениях: одни предлагали принять беглецов, другие — отослать назад. Феодот высказался, однако, в том смысле, что оба эти предложения опасны с точки зрения интересов Египта.

— Ведь приняв Помпея, — сказал он, — мы наживем себе могущественного врага в лице Цезаря. В случае же отказа сам Помпей, конечно, нам никогда этого не простит, а Цезарь поставит в вину, почему мы не преследовали Помпея. Наилучшим выходом из этого затруднительного положения было бы принять Помпея и затем убить его. Этим мы окажем великую услугу Цезарю, да и Помпея нам уже не придется больше опасаться: ведь мертвые не кусаются, — добавил Феодот.

Советники одобрили этот коварный замысел, поручив осуществление его Ахилле. Последний, взяв с собой бывшего центуриона Помпея, вместе с тремя рабами подъехал на лодке к кораблю Помпея. Спутники Помпея, заметив, что всего только несколько человек плывут навстречу кораблю на рыбацкой лодке, заподозрили недоброе и стали советовать Помпею немедленно выйти в море, пока еще не поздно. Между тем, завидев Помпея, центурион, находившийся в лодке, назвал его по-латыни императором. Ахилла предложил Помпею войти в лодку и на ней плыть к берегу, так как здесь очень мелко и потому проход на военном корабле невозможен.

В это время появилось несколько египетских кораблей с вооруженными матросами, а на берег высыпало множество солдат. Теперь спастись бегством уже было поздно. Простившись с женой и друзьями, Помпей вошел в лодку, сказав: «Всякий переступивший порог царского жилища делается рабом».

Когда лодка отплыла на значительное расстояние от корабля, Помпей, посмотрев на одного из офицеров, сказал:

— Если не ошибаюсь, то узнаю моего старого соратника!

В ответ тот лишь кивнул головой. Затем последовало долгое молчание. Помпей читал про себя написанную им по-гречески на листке речь, которую он собирался произнести перед царем Птолемеем. Лодка приближалась к берегу. Корнелия и друзья с трепетом наблюдали, что произойдет дальше. Они уже начали надеяться, что все обойдется благополучно, так как к месту, где должна была причалить лодка, собралось множество воинов, как будто для торжественной встречи. Однако, как только лодка уткнулась в берег и Помпей встал, чтобы выйти, центурион вонзил ему меч в спину.

Другой удар нанес Ахилла. Убийцы отрубили голову Помпею, а тело его выбросили из лодки напоказ толпе, которая собралась на берегу. Это произошло 29 сентября 48 г. до н. э.

Гай Юлий Цезарь

Гай Юлий Цезарь принадлежал к знатному патрицианскому роду Юлиев. Говорили, что основателем этого рода считался сын Энея, внук самой богини Венеры. Сородичи Аврели, матери Гая, гордились тем, что их родоначальником был один из первых римских царей Анк Марций.

Гай Юлий Цезарь родился в тот год, когда Марий отразил нашествие тевтонов и кимвров¹. Тетка Цезаря Юлия была женой этого великого полководца. Юному Гаю было всего 16 лет, когда его женили на дочери Корнелия Цинне, ближайшего сподвижника Мария. Знатное родство сулило юноше блестящую карьеру. Но приход к власти Суллы положил конец и жизни, и могуществу влиятельных покровителей Цезаря.

Сулла потребовал, чтобы Цезарь развелся с супругой, а когда тот отказался, диктатор отобрал у него приданое жены и лишил отцовского наследства.

Гнев Суллы угрожал жизни дерзкого юноши, и Цезарю пришлось скрываться, меняя каждую ночь свое убежище. Среди знакомых Цезаря нашлись люди, близкие к Сулле, которые уговорили диктатора не обречь его на смерть. Говорят, что Сулла назвал этих людей глупцами; «они не понимают, что в мальчишке сидит сотня Мариев», — сказал он, но все-таки пощадил юношу. Когда слова Суллы передали Цезарю, тот немедленно уехал из Италии.

В Малой Азии Цезарь некоторое время служил в римской армии. Недалеко от Милета он попал в плен к пиратам, хозяйничавшим на море и на многих островах. Пираты потребовали с него выкуп в 20 талантов.

— Недорого же вы меня цените, — рассмеялся Цезарь, и предложил им 50 талантов за свое освобождение.

¹ О точной дате рождения Цезаря в науке до сих пор идут споры: по видимому, он родился в 102 или в 100 г. до н. э.

Разослав своих спутников собирать деньги для выкупа, Цезарь остался с другом и двумя слугами у пиратов, где и провел более двух месяцев. Нисколько не опасаясь разбойников, во власти которых он находился, Цезарь вел себя так, будто они были его телохранителями. Ложась спать, он запрещал им шуметь и распевать песни, участвовал в их гимнастических упражнениях, читал им свои речи и стихи. Так как его сочинения не вызывали у пиратов восторгов, то он бранил их, называя дикарями и обещая распять на кресте. Эти слова казались разбойникам смешными, и они не раз удивлялись веселому характеру пленника.

Но оказалось, что слова Цезаря не были пустой угрозой. Как только доставили 50 талантов и пираты, получив их, вернули ему свободу, Цезарь снарядил несколько военных кораблей и погнался за своими обидчиками. Он застал их врасплох возле того острова Фармакусы, где держали его в плену, и переловил почти всех. Выплаченные им деньги Цезарь отобрал, а разбойников приказал распять без суда, не дожидаясь решения римских властей. Впоследствии придворные льстецы превозносили доброту Цезаря, который, чтобы облегчить страдания приговоренных, распорядился сперва их удавить, а потом распять.

Суллы уже не было в живых, но возвращаться в Рим Цезарь все еще не решался. Тогда он отправился на остров Родос, чтобы изучить там искусство красноречия. (В тогдашнем Риме успеха в политике мог добиться лишь тот, кто блестяще выступал в суде или Народном Собрании.) Продолжая мечтать о политической карьере, Цезарь провел на Родосе больше года, занимаясь у знаменитого Аполлония Молона, обучавшего ораторскому искусству самого Цицерона. Упорный труд дал хорошие результаты: современники восхищались блестящим красноречием Цезаря, и даже Цицерон признавал его речи остроумными, краткими и выразительными. Тщательный отбор слов, изящное построение фраз придавали выступлениям Цезаря особую торжественность. Его успеху способствовали также прекрасный звонкий голос и выразительная жестикуляция.

В Риме после смерти Суллы противники установленного им режима подняли восстание, и Цезарь счел этот момент благоприятным для своего возвращения. По совету матери он не принял участия в восстании, которое, как она предсказала, закончилось поражением.

Цезарь быстро завоевал любовь народа, смело привлекая к суду влиятельных друзей умершего диктатора. Стремясь к популярности, он был со всеми приветлив и ласков, охотно устраивал богатые приемы и угощения, не жалея денег.

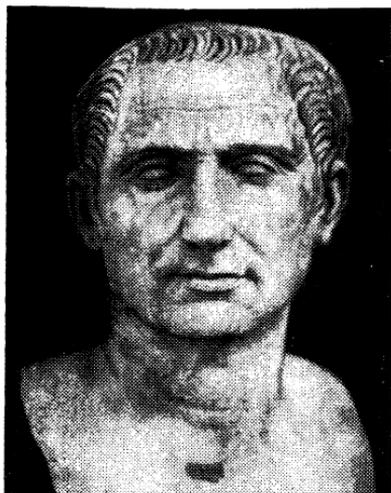
Поведение Цезаря почти ни у кого не вызывало подозрений. Никто не догадывался, что этот человек неспроста растрачивает свое состояние, что на уме у него далеко идущие политические замыслы. Цезарь так ловко умел прикидываться пустым франтом, стремящимся лишь к внешнему успеху, что даже самые проницательные из его противников были сбиты с толку.

«Когда я вижу,— говорил Цицерон,— его щегольскую прическу, так что и голову он почесывает только одним пальцем, чтобы не растрепать ее, я не могу поверить, чтобы такой человек мог замышлять ниспровержение республики».

Первый раз Цезарь выступил на форуме на похоронах своей тетки, вдовы Мария, объявленного Суллой врагом отечества. Цезарь не только осмелился дать высокую оценку деятельности великого римского полководца, но и приказал нести за гробом статуи Мария, которых народ не видел с того самого дня, как Сулла захватил власть. Аристократы, поддерживавшие Суллу, были возмущены поступком Цезаря, но народ приветствовал его. Это побудило Цезаря выставить в центре Рима на Капитолии позолоченные статуи Мария. Надписи на них рассказывали о прославленных, но несправедливо забытых победах. Сенат был всерьез обеспокоен возрождением народной партии популяров и тем, что «Цезарь уже не подкапывается под республику, а наступает на нее с осадными орудиями»,— как выразился один из сенаторов.

Более 100 лет никто из предков Цезаря не занимал высокого положения в государстве. По римским законам гражданин, прежде чем стать консулом, должен был последовательно пройти все предшествующие республиканские должности: квестора, эдила, претора. После каждой должности полагалось провести не меньше года в провинции в качестве наместника или представителя Рима. Мало кому удавалось добиться места консула, так как их было всего два; чтобы пройти на каждую из выборных должностей, требовалось истратить огромные деньги на подкуп избирателей. Цезарь не жалел средств, стремясь занять почетное положение в республике. Казалось, что он слишком дорого ссбирается заплатить за пустую славу, но на деле он добился великих возможностей сравнительно небольшой ценой.

Прежде чем получить первую должность, Юлий Цезарь издержал на пиры и угощения больше 1000 талантов, большую часть которых он взял взаймы. К этому времени относится его сближение с победителем Спартака богачом Крассом, поддерживавшим Цезаря деньгами, надеясь с его помощью одолеть Помпея, с которым он соперничал со времени их совместного консульства.

Юлий Цезарь

Выбранный квестором, Цезарь служил в Испании, а затем, вернувшись в Рим, выставил свою кандидатуру на должность эдила. Большие средства истратил Гай Юлий на ремонт и украшение знаменитой Аппиевой дороги, ведущей из Рима в Капую, но еще больше он прославился устройством зрелищ для народа. Так, однажды во время празднеств он выставил одновременно 320 пар гладиаторов.

В обязанности эдилов входило украшение города, а также устройство игр и зрелищ. Цезарь украсил не только форум — место собраний римских граждан, но также и Капитолийский холм, где он построил портики и выставил для всеобщего обозрения свои великолепные

коллекции. Цезарь попытался добиться звания Великого понтифика — самой высокой жреческой должности в Риме. В это время жрецов, подобно другим магистратам, избирало Народное Собрание, и единственным отличием было то, что они выбирались не на срок, а пожизненно. Должность Великого понтифика имела не только религиозное, но и большое политическое значение, так как понтики ведали календарем, завещаниями, ведением государственной летописи и списками должностных лиц. Соперниками Цезаря являлись виднейшие сенаторы, руководители аристократической партии оптиматов. Выступить против них было большой дерзостью, и вся надежда Цезаря была на поддержку городской бедноты. Говорят, что в день выборов, уходя в Народное Собрание, Гай сказал матери: «Сегодня ты увидишь меня или Великим понтификом, или изгнанником!» Успех Цезаря на выборах был столь бесспорен, что оптиматы пришли в ужас и решили любыми средствами, препятствовать дальнейшему продвижению этого опасного человека.

В этот год был раскрыт заговор Катилины¹. Сам Катилина бежал в Этрурию, а его сторонники в Риме, обвиненные в изменнических сношениях с галлами, сознались в своем преступлении, и вопрос об их судьбе должен был решаться в сенате.

При допросах выяснилось, что Красс и Цезарь более двух лет поддерживали тайную связь с Катилиной, рассчитывая с его помощью добиться неограниченной власти в республике.

¹ См. биографию Цицерона.

Но богатый Красс испугался смелых планов Катилины, обещавшего своим сторонникам отмену долгов и раздел имущества богачей, отступился от заговорщиков и передал консулу Цицерону обличающие их документы.

Цезарь, которого народ считал своим защитником, занимавший к тому же высокую должность Великого понтифика, был слишком популярен, чтобы Цицерон, несмотря на неопровержимые улики, решился обвинить его в участии в заговоре. Консул был уверен, что ради собственной безопасности Цезарь не станет вмешиваться, когда сенат будет решать судьбу заговорщиков. Однако у Цезаря хватило ума и мужества не молчать, когда сенаторы осуждали на смерть его бывших товарищей. Народ не простил бы ему, если бы он не заступился за людей, которые осмелились подняться против засилья богачей и аристократов.

Цезарь произнес великолепную речь. Он делал вид, что беспокоится не о заговорщиках, а о сенаторах, которые чересчур крутыми мерами могут привести к взрыву народного возмущения. Цезарь надеялся запугать сенаторов и убедить их сохранить жизнь заговорщикам. Он говорил, что по закону осужденные имеют право обратиться к Народному Собранию, а ни один из сенаторов не захотел бы, чтобы этот вопрос решался беднотой на улицах и площадях Рима. Цезарь предлагал ограничиться тем, чтобы, конфисковав у заговорщиков имущество, подвергнуть их заключению в разных городах Италии. Речь Цезаря убедила многих, но сенат все-таки осудил сторонников Катилины на смерть.

При выходе из сената толпа молодых аристократов набросилась на Цезаря с обнаженными мечами, и ему лишь с трудом удалось спастись. Но зато он сохранил, что казалось ему в это время главным, доверие простого народа. Через несколько дней, когда Гай дольше обычного задержался на заседании сената, беднота заподозрила, что сенат арестовал его. Огромная толпа, собравшись у здания, с криком требовала, чтобы Цезаря немедленно отпустили.

На следующий год Цезарь занимал в Риме должность претора — высшего судьи и заместителя консула. Привлекая к суду вождей аристократической партии, Гай Юлий до того разгневал сенаторов, что те отстранили его от должности. Однако это вызвало волнение среди простого народа, и решение сената пришлось отменить. Более того, чтобы привлечь на свою сторону бедноту и приуменьшить ее любовь к «единственному заступнику» — Цезарю, один из вождей аристократов сенатор Катон провел закон об увеличении числа бедняков, получающих продовольственное вспомоществование от государства.

После исполнения должности претора Цезарь был назначен наместником провинции Испании, где он надеялся обога-

тяться и расплатиться с неотложными долгами. Однако враги Цезаря решили не допустить его в Испанию. По их наущению толпа кредиторов окружила Цезаря и грозила не выпустить его из Рима, пока он не возвратит им деньги. Гаю Юлию Цезарю пришлось снова прибегнуть к помощи Красса, который освободил его, дав ему возможность выехать в провинцию.

Рассказывают, что, когда, удрученный этими неприятностями, Цезарь со своими слугами проезжал бедный городок в Галлии, кто-то из свиты, желая развеселить полководца, смеясь спросил его: «Неужели здесь, в этой глуши, люди тоже борются за власть, затевают интриги и завидуют друг другу?»

«Конечно,— ответил Цезарь.— Но я предпочел бы быть первым здесь, чем вторым в Риме!»

Это было не единственное доказательство тщеславия и честолюбия Цезаря. Однажды, уже в Испании, читая книгу об Александре Македонском, он вдруг заплакал.

«Что случилось?» — спросили приближенные.

«Александр в мои годы покорил много стран,— сказал Цезарь,— а я не совершил еще ни одного великого подвига».

В Испании Цезарь впервые понял, что неограниченной власти, к которой он так стремился, можно скорее добиться, опираясь на преданное ему войско, чем на городскую бедноту Рима. Целью своего пребывания в провинции он считал прежде всего обогащение и создание верной ему армии. Помимо двадцати когорт, которые уже были в Испании, Гай набрал еще десять, доведя таким образом свое войско до трех легионов. Затем Цезарь предпринял завоевание западных областей Испании вплоть до Атлантики. Обитавшие здесь племена лужитанов сохраняли еще свою независимость. Учитывая военное превосходство римлян, они старались задобрить Цезаря тщательным исполнением всех его распоряжений. При приближении римских войск некоторые города сами отворяли ворота, но Цезарь искал не покорности, а денег. Заняв город, полководец сразу же отдавал его на разграбление. Некоторые города он спас от разрушения, взяв с них за это огромный выкуп. За один год пребывания в Испании Цезарь нажил изрядное состояние. Солдаты, довольные щедростью полководца, провозгласили Цезаря императором.

Однако от триумфа Цезарю пришлось на этот раз отказаться. Он торопился в Рим, чтобы выставить свою кандидатуру в консулы на следующий год. Так как желающие получить триумф должны были ждать за пределами городской черты, Цезарь решил отказаться от него, но не терять право добиваться должности консула.

Несмотря на сопротивление партии сената, Цезарь был избран консулом. Вторым консулом выбрали непримиримого ари-

стократа Марка Бибула. Знать постаралась сразу ослабить значение победы Цезаря. Сенат принял постановление, чтобы консулов этого года не назначали наместниками в провинции, а дали бы им малозначительные и невыгодные должности — заведование государственными лесами и пастбищами.

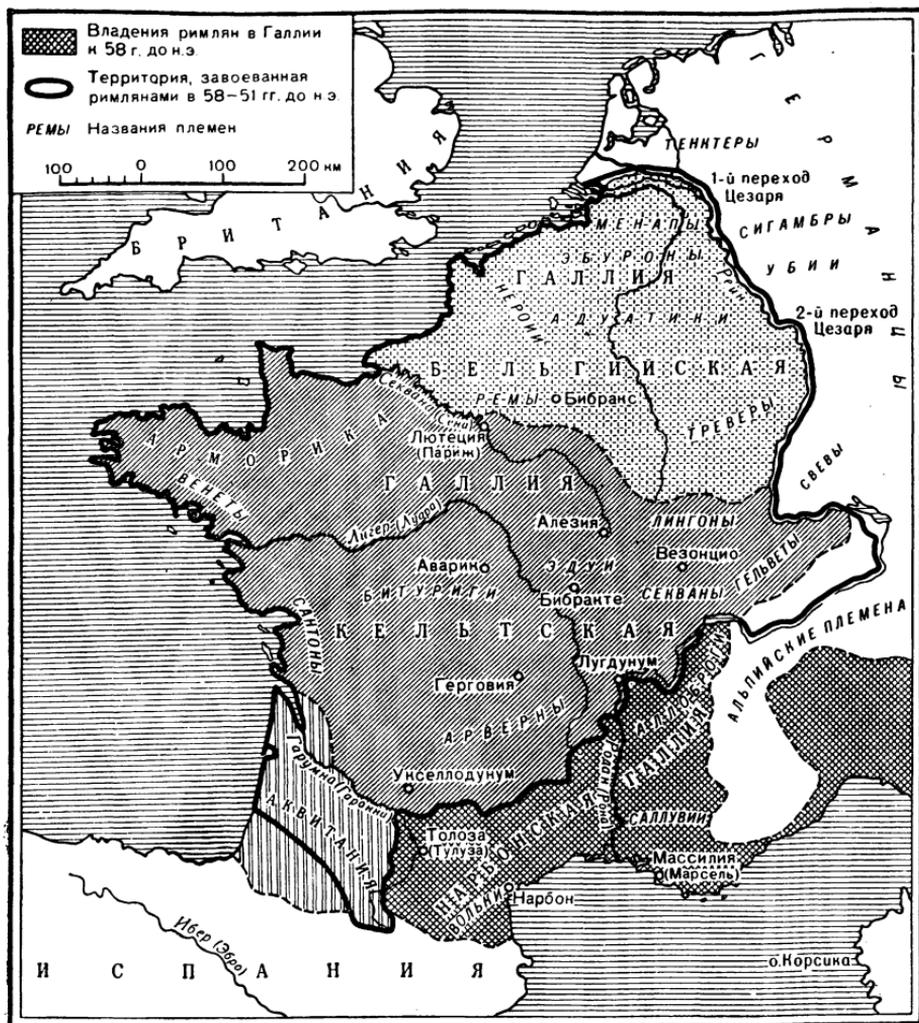
Цезарь понимал, что одному ему не справиться с сенатом. Возобновив дружбу с Крассом, Цезарь привлек к их союзу и прославленного полководца Помпея. Хотя Красс и Помпей вот уже десять лет были соперниками и не любили друг друга, Цезарь сумел их примирить. Он убедил их, что, бессильные в одиночку, они смогут общими силами добиваться любых решений как от сената, так и от Народного Собрания. Помпей надеялся, что союз с Крассом и Цезарем поможет ему добиться утверждения всех распоряжений на Востоке и награждения его солдат-ветеранов. Поэтому он охотно вошел в союз с Цезарем и даже породнился с ним, женившись на его дочери Юлии.

Союз — «триумвират» вначале был тайным. Но, когда сенат продолжал противодействовать всем предложениям Цезаря — раздаче хлеба, основанию колоний и т. д., он вышел на форум вместе с Крассом и Помпеем и просил друзей помочь справиться с теми, кто с оружием в руках мешает провести законы, нужные народу. Оба обещали помощь, а Помпей к тому же добавил, что против поднявших меч он тоже пойдет с мечом и щитом.

Вскоре после этого Помпей с вооруженными людьми занял форум и таким образом добился утверждения угодных ему и Цезарю законов. Распоряжения, которые он сделал во время Восточного похода, были утверждены, ветераны получили обещанную землю, Цезарю же, во изменение первоначального решения, отводилась после консульства провинция Галлия и командование стоящими там 4 легионами.

Второй консул Марк Бибул пытался было сорвать принятие новых законов, ссылаясь на неблагоприятное небесное знамение, но Цезарь прогнал его с форума. На следующий день Бибул заявил протест в сенате, но никто не осмелился поддержать его, опасаясь гнева триумвиров. Это привело Бибула в такое отчаяние, что он заперся у себя дома и не выходил до самого конца своего консульства. С тех пор Цезарь решал все дела по собственному усмотрению, и некоторые шутники стали, указывая дату, писать не «год консульства Цезаря и Бибула», а «год консульства Юлия и Цезаря»¹.

¹ У римлян в эпоху республики не было понятия эры, то есть отсчета времени от какого-либо события, год которого принимается за начало летоисчисления. Каждый год обозначали именами двух консулов, правивших в Риме. Приведенная шутка основана на том, что Юлий и Цезарь — два имени (родовое и фамильное) одного лица.

Галлия при Цезаре

Когда закончился этот страшный для многих сенаторов год консульства Цезаря, он отправился в отведенную ему провинцию Галлию. Богатые возможности этой страны казались ему залогом будущих триумфов. Народное Собрание дало ему в управление Предальпийскую Галлию по обе стороны реки По¹, расположенную так близко от Рима, что, находясь там, Цезарь

¹ Предальпийской Галлией называли Северную Италию. Названия рек и озер даны современные.

по-прежнему влиял на ход событий в столице. По предложению Помпея Цезарю было поручено также управление Нарбонской Галлией, которую называли просто провинцией. Эта плодородная полоса побережья вдоль Средиземного моря от Италии до Испании, с центром в городе Нарбон, находилась южнее «лохматой Галлии», еще не подчиненной Римом. Так называли свободную Галлию римляне, потому что жители ее не стригли волос и ходили лохматыми, как звери. Населяли «лохматую Галлию» многочисленные племена, враждовавшие между собой. Эти племена сильно отличались друг от друга. Самые дикие — белги жили на севере между реками Сеной и Рейном. Они не вели торговли с римскими купцами, у них не было влиятельных богачей, а вожди племен подчинялись Народному собранию, состоявшему из мужчин, способных носить оружие.

Совсем иначе жили ближайшие соседи провинции — эдуи и арверны. Римские купцы вели с этими племенами оживленную торговлю, покупая за бесценок медь, золото, а также обращенных за долги в рабство галльских бедняков. Местная знать лишила власти старинных племенных вождей, и собрания воинов не имели у этих народов прежнего значения. Все это вызывало недовольство и волнения среди бедняков. Народ добивался отмены долгового рабства, справедливого раздела земли и восстановления демократических порядков. К движению народа присоединились и некоторые племенные вожди. Они с горечью видели, что галлы, еще недавно державшие в страхе соседей, вынуждены теперь платить дань пришельцам из-за Рейна — германцам. Вождю одного из германских племен Ариовисту удалось укрепиться на западном берегу Рейна, и теперь всей Галлии угрожало германское нашествие. Перед лицом опасности необходимо было объединить разрозненные племена галлов и провести внутренние реформы, чтобы облегчить положение бедноты и сплотить население для защиты родины. Вожди народной партии заключили союз с гельветами — сильным и воинственным племенем восточной Галлии, населявшим альпийские области вокруг Женевского озера¹. Их уговорили переселиться на плодородные земли Запада, где они должны были вступить в борьбу с Ариовистом и приостановить германское нашествие. Гельветы сожгли свои города и села, которых, как говорят, было больше четырехсот, и двинулись в путь с женами и детьми. Однако знать в Галлии была недовольна подготавливающимся переселением, так как боялась, что приход гельветов усилит народную партию и приве-

¹ Так как часть жителей современной Швейцарии ведет свое происхождение от гельветов, местные жители и сейчас называют свою страну Гельветией.

дет к установлению старинных демократических порядков, которые еще сохранились у этого племени.

Едва Цезарь (весной 58 г. до н. э.) прибыл в Нарбонскую Галлию, как к нему явилась депутация знатных эдуев с просьбой воспрепятствовать переселению гельветов. Цезарь еще в Италии изучил положение в Галлии и знал, что в борьбе за нее у римлян будут два соперника — гельветы и германцы. Посольство эдуев пришло как нельзя более кстати: представился повод для военного вторжения в Галлию, а главное, возможность сокрушить врагов поодиночке. Переселение началось в противовес наступлению германцев, а значит, Ариовист не станет заступаться за гельветов, когда Цезарь попытается использовать удобный момент и уничтожить одного из главных соперников.

По слухам, гельветов насчитывалось более 300 тыс., и примерно четверть от этого числа составляли воины. У Цезаря были все основания увеличить свою армию, и в дополнение к своим 4 легионам он спешно набрал в Предальпийской Галлии еще два.

Гельветы, боясь вступать в борьбу с Римом, просили у Цезаря разрешения закончить начатое переселение. Однако наместник отказал им: ему нужен был предлог для увеличения своей армии, и мирный исход переговоров его не устраивал. Вскоре, убедившись, что переселение гельветов на Запад продолжается, Цезарь начал их преследовать. Гельветы уклонялись от решающего сражения, а сочувствующая им часть галлов задерживала поставку обещанного Цезарю провианта. Положение римлян стало критическим, так как продовольствия оставалось только на два дня. Прекратив преследование, Цезарь повел свои войска на Запад, где, как он знал, в городах племени эдуев было запасено много продуктов. Увидев, что Цезарь отходит, гельветы уверились в своей силе и, погнавшись за римлянами, напали на них в окрестностях столицы эдуев города Бибракте. Разыгралось сражение, в котором превосходство римской тактики и оружия обеспечили римлянам победу. Полудикие гельветы, обремененные к тому же большим обозом, отступили, понеся огромные потери. Цезарь приказал гельветам вернуться в оставленные ими области, опасаясь, как бы германцы не захватили опустевшие земли.

После победы над гельветами к Цезарю явились депутации почти всех народов восточной Галлии и стали настойчиво просить его помочь отразить нашествие германцев. Теперь, когда не было надежды на помощь гельветов, страх перед дикими и жестокими германцами объединил все население Галлии. Цезарь понял, что, если он не хочет потерять завоеванное с таким трудом положение в Галлии, ему не миновать столкновения с вождем германцев Ариовистом.

Предлог для войны с Ариовистом найти было легко. Цезарь предложил предводителю германцев освободить союзников Рима эдуев от дани и явиться к нему для переговоров. «Если мне понадобится Цезарь,— ответил гордый германец — я к нему тогда и пойду. Если же я нужен Цезарю, пусть придет ко мне. Чем беспокоиться об участи эдуев, завоеванных германцами, не лучше ли Цезарю освободить от дани тех галлов, которых покорили римляне».

Этот ответ заставил Цезаря ускорить подготовку к войне. Прежде всего встала задача обеспечить снабжение армии. Ариовист зашел в тыл римлянам и перерезал дорогу, по которой они подвозили продовольствие. В лагере Цезаря возникло уныние. Юноши из знатных семей, занимавшие в римской армии командные должности и отправившиеся с Цезарем в Галлию в надежде разбогатеть, были особенно недовольны. Цезарь предложил им отправиться по домам. «Я,— сказал он,— не думаю, что германцы Ариовиста сильней кимвров и тевтонов, а себя не считаю полководцем хуже Мария». Трусы были изгнаны, и боевой дух армии восстановлен.

Цезарь решился на смелый шаг, разделив свою армию и послав в тыл врага два легиона, которые отрезали германцев от земель, откуда к ним поступали продовольствие и подкрепления. Ариовист напал на стоявшие у него в тылу легионы, но хорошо организовавшие оборону римляне устояли. Когда же подошли основные силы Цезаря, германцы были разбиты¹. Цезарь преследовал противника до Рейна. Сам Ариовист спасся, но значительная часть его войска погибла во время бегства и переправы.

Оставив командование армией своему помощнику Лабиему, Цезарь отправился зимой (58—57 гг. до н. э.) в Предальпийскую Галлию, куда съехались многие политические деятели Рима. Каждому Цезарь охотно давал или обещал все, что бы у него ни попросили. Лучшим применением захваченных у неприятеля средств Цезарь считал подкуп влиятельных сограждан. Вскоре, однако, тревожные вести заставили его снова возвратиться за Альпы.

Среди галльских вождей были люди, мечтавшие объединить страну и создать независимое галльское государство. Теперь, когда гельветы были разбиты, а германцы отброшены за Рейн, Рим стал главной угрозой независимости страны. Последней надеждой галльского народа были обитавшие севернее реки Сены многочисленные племена белгов. Понимая, что римляне неминуемо двинутся в их страну, эти дикие свободолюбивые

¹ Эта битва произошла на западе современной Франции в районе Эльзаса.

народы объединились и создали огромное по тем временам войско. Увеличив армию еще на 2 легиона, Цезарь, не дожидаясь нападения белгов, форсировал Сену и повел своих легионеров на север.

Главной заботой Цезаря было расположить свои войска так, чтобы белги не смогли перерезать дороги и помешать римлянам подвозить подкрепления и продовольствие из провинции. Когда появилась огромная армия белгов (по словам перебежчиков их было больше 300 тыс.), Цезарь заперся в укрепленном лагере, уклонившись от сражения. Враг попытался захватить римский лагерь, но не смог преодолеть глубокие и широкие рвы, валы и частоколы. Не удалось им также захватить дорогу, по которой в лагерь Цезаря подвозили провиант. Вскоре, испытывая голод, племена противника начали расходиться. Окрестности были опустошены, а наладить регулярную доставку собираемого по всей стране продовольствия белги не могли. Вожди племен пообещали друг другу помощь на случай, если римляне вторгнутся в их земли, и отпустили свои армии по домам. Почти без кровопролития Цезарю удалось разделить самый воинственный народ Галлии на части, и теперь покорение их было только вопросом времени.

На первых порах Цезарь даже не поверил в свой успех и, подозревая военную хитрость, боялся начать преследование отступающих. Когда же легионы, наконец, двинулись на север, часть белгов сразу перешла на сторону римлян. Только восточные племена оказали сопротивление. Но судьба их была предрешена, ибо теперь на стороне римлян было не только военное, но и численное превосходство. Цезарь осадил их города и заставил сложить оружие. Война на севере Галлии продолжалась еще целый год, и случалось, что римлянам приходилось плохо. Однажды, опрокинув римскую конницу, белги окружили 2 легиона и перебили всех командиров. Цезарь, схватив щит, бросился вперед и через ряды сражающихся пробился к окруженным. Увидев угрожающую их полководцу опасность, воины наиболее преданного Цезарю десятого легиона ринулись за ним. Если бы не этот порыв, едва ли кто-либо из окруженных уцелел. К концу года покорение Бельгии закончилось. Из 60 тыс. продолжавших сопротивление уцелело, как полагал Цезарь, не больше 500, а из нескольких сот их вождей лишь трое. Независимость сохранили только самые северные племена, жившие в устьях рек Рейна и Шельды.

Вторую зиму своего проконсульства (57—56 гг. до н. э.) Цезарь провел в Предальпийской Галлии. Из Рима поступали тревожные вести. В отсутствие Цезаря отношения между Крассом и Помпеем снова ухудшились, и враждебная триумвирату старая знать не преминула использовать это. Чтобы укрепить

положение тройственного союза, нужно было поразить воображение римлян успехами, достигнутыми победоносными триумвирами. Римские рабовладельцы жаждали новых завоеваний: привыкшие к роскошной жизни, они наделали за последние годы долги, рассчитывая на богатства азиатских провинций. Однако хищническая эксплуатация разорила славившуюся своими несметными богатствами Азию. В Риме стало не хватать денег, и все громче стали раздаваться голоса, требовавшие новых захватов.

Первые успехи Цезаря не давали еще оснований утверждать, что вдвое превышавшая Италию по территории и не уступавшая ей по населению Галлия покорена окончательно. Однако Цезарь решил использовать настроение римлян и немедленно объявить о завоевании Галлии. Это был как раз тот случай, которого он ждал так долго и с таким нетерпением. Наконец-то Цезарь мог опередить соперников и выдвинуться на первое место в триумvirате.

Упускать момент было нельзя. Цезаря не смущало, что нога римского солдата еще не ступала в западную Галлию, что южная Галлия — Аквитания еще была свободна, что даже самые дружественные римлянам племена — эдуи, секваны, ремы согласились считать римлян союзниками, покровителями, но не господами. Все отступало на задний план перед главной целью — стать, наконец, первым человеком не только в провинции, но и в самом Риме.

Послав для виду 1 легион принять знаки покорности мелких племен, населявших область между Сеной и Луарой, Цезарь отправил римскому сенату донесение, что завоевание Галлии закончено. Это сообщение вызвало в Италии подъем энтузиазма. Сенат постановил провести 15-дневные празднества и благодарственные молебствия по случаю одержанной победы. В Предальпийскую Галлию отправили депутацию приветствовать и благодарить победоносного полководца.

Цезарь знал, что даже теперь он не может в одиночку сокрушить могущество старой знати и завладеть Римом: путь к власти по-прежнему лежал через триумvirат. Шумный успех и возросший авторитет Цезарь решил прежде всего использовать для укрепления триумvirата. По его просьбе к нему в Галлию в город Луку прибыли Помпей и Красс. Триумвиров сопровождали их сторонники. Всего в Луке собралось более 200 сенаторов, которых сопровождало 120 ликторов. На совещании приняли решение добиваться, чтобы консулами на следующий год были избраны Помпей и Красс. После консульства Помпею полагалось получить в управление Испанию, а Крассу — Сирию. Победитель Спартака рассчитывал стяжать на Востоке славу Александра Великого, вступив здесь в войну с

парфянами и отвоевав у них богатейшее Междуречье. Цезарю будущие консулы должны были продлить еще на 5 лет истекшее через год (в 54 г. до н. э.) проконсульство в Галлии и отпустить средства на увеличение его армии еще на 2 легиона. Последнее условие многим казалось подозрительным, но для Цезаря оно было главным. Договорившись с Цезарем, Красс и Помпей вернулись в Рим.

Несмотря на то что присоединение Галлии было торжественно объявлено и отпраздновано, третий год проконсульства Цезаря ознаменовался не менее ожесточенными битвами, чем первые два. Когда ошеломленные поведением Цезаря галлы поняли, что присоединение к Риму связано не только с утратой самостоятельности во внешней политике, но и с уплатой подати, они взбунтовались: все побережье от устья Луары до устья Рейна поднялось против Рима.

Усмирить Аквитанию, население которой вело междоусобную войну, оказалось нетрудно, но племена венетов, населявшие запад Галлии — Арморика¹, продолжали борьбу в течение года. Построив флот на Луаре и приказав ему плыть к морю, Цезарь повел сухопутные силы на запад. Осада приморских городов венетов не дала желаемых результатов. Господствуя на море, венеты могли обеспечить осажденных всем необходимым. Исход войны должна была решить лишь морская битва. Однако парусные суда венетов, с их высокими бортами, гораздо лучше были приспособлены к плаванию, чем построенные на Луаре римские галеры. Римляне победили только благодаря остроумному плану командующего римским флотом Децима Брута. Прикрепив к длинным шестам серпы, римляне перерезали канаты, державшие паруса вражеских кораблей. Суда противника утратили подвижность, и корабли римлян получили возможность штурмовать их. Наступивший штиль усугубил несчастье венетов, и весь их флот погиб в этой битве. После этого сдались и осажденные приморские города. Расправа с венетами была жестокой. Цезарь приказал казнить старейшин племени, а жителей продать в рабство. Деньги, полученные от продажи, Цезарь раздал своим войнам.

К концу лета третьего года войны почти вся Галлия подчинилась Цезарю, и он, не тревожась ни о чем, провел зиму в Северной Италии. Внезапно было получено известие о новом наступлении зарейнских германцев: два племени — узипеты и тенктеры — форсировали реку и заняли земли на западном берегу Рейна. Цезарь немедленно отправился к войску, желая пресечь вторжение в самом начале, ибо галлы легко могли объединиться с германцами для совместной борьбы с Римом. Ко-

¹ Арморика — современный полуостров Бретань.

гда римская армия подошла к расположению германцев, те направили к Цезарю послов для мирных переговоров. Они просили Цезаря не изгонять их из Галлии. Цезарь, использовав перемирие, подошел ближе, а потом внезапно напал на противника. Понеся большие потери, тенктеры и узипеты бежали за Рейн. Преследуя их, Цезарь приказал построить свайный мост и, перейдя через Рейн, 18 дней грабил земли германцев. Удача в борьбе с германцами всоудушевила Цезаря на еще более смелые предприятия. Он был первым римлянином, рискнувшим пуститься со своим войском в Западный Океан и переправиться через Атлантическое море¹. В этом море, как рассказывали, лежал остров Британия столь невероятной величины, что некоторые писатели вообще не верили, что может существовать такой большой остров. Немало легенд ходило также о залежах олова, серебра и других богатствах, находившихся там. Дважды переправлялся Цезарь (55 и 54 гг. до н. э.) в Британию с берегов Галлии, но никаких богатств не удалось ему захватить. Родственные галлам племена, населявшие Британию, были бедны. И хотя у них не было ничего такого, из-за чего стоило бы драться, они оказывали Цезарю отчаянное сопротивление. Съестные припасы римлян подходили к концу, а жители не думали складывать оружие. По счастью, один из сторонников Цезаря — галльский вождь — выступил посредником и сумел убедить правителя британцев пойти с римлянами на мировую. Цезарь утверждал потом, что британцы обещали платить ему дань, но после того, как римляне покинули остров, никакой дани оттуда не поступало.

Вернувшись в Галлию, Цезарь узнал о смерти своей дочери Юлии, жены Помпея. Это был для него тяжелый удар. Неудача экспедиции в Британию должна была вызвать новый подъем освободительного движения галлов. Борьба с ними потребует новых средств, и, если Помпей не будет поддерживать Цезаря, завоевания в Галлии легко можно потерять.

Наступила четвертая зима Галльской войны (54—53 гг. до н. э.), и Цезарь, как обычно, отправился в Италию. Следовало выяснить, не отойдет ли Помпей от него и Красса после того, как родственный союз, скреплявший триумвират, разрушился со смертью Юлии. Перед отъездом он распределил легионы по областям Галлии, так как ни одна область не могла в течение зимы прокормить армию, насчитывавшую свыше 10 легионов. Этим воспользовались свободолюбивые племена: сперва восстали эбуроны, а затем — нервии, одно из белгских племен, замирение которых Цезарь считал уже законченным. Они за-

¹ Древние считали, что «круг земель», лежащий вокруг Средиземного моря, обтекает мировая река Океан. Западная часть Океана, омывающего берега Галлии, называлась также Атлантическим морем.

хватили врасплох и истребили больше 5 тыс. римлян, а затем осадили в лагере легион, которым командовал Квинт Цицерон — младший брат знаменитого оратора. Цезарю пришлось отказаться от поездки в Италию и немедленно повернуть назад.

Прежде всего он поспешил на выручку Квинту Цицерону, осажденному в земле нервиев. Противник выступил ему навстречу. Цезарь выбрал место, где с небольшой армией можно было защищаться против многочисленного врага, и построил лагерь. Он удерживал своих воинов от стычек, всячески показывая, что боится превосходящих сил противника. Когда же нервии, забыв осторожность, стали нападать на лагерь, римляне, сделав вылазку, нанесли им сокрушительное поражение.

Эта победа успокоила на время северных галлов. Всю зиму Цезарь неустанно разъезжал, энергично пресекая готовящиеся повсюду новые заговоры и волнения. Многих поражало, как легко переносит Гай Юлий трудности походной жизни и суровую зиму. Ведь в Риме он был известен своей изнеженностью, которая казалась неприличной для воина. Думали, что его хилое тело, частые головные боли, припадки падучей болезни, случавшиеся с ним, сделают его негодным для военной службы. Однако тех, кто знал непомерное честолюбие Цезаря, несколько не удивило, что он сумел перебороть свои слабости, легко перенося лишения, которые были не по плечу сильным людям. Обязательным условием воспитания воинов Цезарь считал, чтобы полководец наравне со всеми переносил любые лишения. Он не искал в слабости здоровья предлога для облегчения своих обязанностей; суровость военной жизни стала для него лекарством от всех болезней. Беспременными маршами, умеренной пищей, постоянным пребыванием на свежем воздухе он победил свою слабость и сделал тело сильным и выносливым. Спал он обыкновенно в повозке под открытым небом. Любимым развлечением Цезаря была верховая езда: отведя руки назад и сложив их за спиной, он мог скакать во весь опор по любой дороге. Сидя на коне, Цезарь, как рассказывали его подчиненные, диктовал письма сразу двум секретарям, так что те едва успевали записывать. Недаром о нем сложилась легенда, что Цезарь мог одновременно заниматься двумя и даже тремя делами.

Воины с восторгом передавали рассказы о скромности и неприхотливости Цезаря. Однажды зимой он вместе с приближенными был застигнут в пути непогодой и попал к бедняку, у которого в хижине мог поместиться всего один человек. «Почести, — сказал Цезарь, — предоставляют сильнейшему, а необходимое слабейшим».

Впустив в хижину своего секретаря старика, Цезарь с остальной свитой устроился под навесом перед дверью дома.

Другой раз Цезаря принимал богатый житель столичного города в Предальпийской Галлии. Хозяин угощал спаржей, политой неочищенным оливковым маслом. Гости были возмущены. Многие открыто высказывали свое неудовольствие. «Если вам не нравится,— сказал Цезарь,— оставьте еду молча. Кто обличает чужую невоспитанность, сам не может служить образцом вежливости». С этими словами он, не торопясь, доел предложенную ему пищу. Простота в обращении, смелость, умение привлекать к себе подчиненных — все это особенно пригодилось Цезарю на шестой год его пребывания в Галлии (53—52 гг. до н. э.). В этом году пришло известие о страшном поражении, постигшем римлян, пытавшихся завоевать Парфию, и о гибели ближайшего друга и сподвижника Цезаря Марка Красса. Эта весть означала, что триумvirату, 7 лет державшему в руках римскую политику, пришел конец. Общественное мнение в столице резко изменилось. Римляне, еще недавно восторговавшиеся захватническими войнами, мечтавшие о новом Александре Македонском, теперь гневно выступали против людей, втягивающих государство в опасные авантюры.

Этот гнев легко мог обратиться и против Цезаря. Опасность была велика, и надо было как можно скорее покончить со всеми враждебными силами, выступление которых способно могло вызвать новый взрыв освободительной борьбы галлов. Римляне вторично перешли Рейн, чтобы устроить германцев. Резко изменилось отношение к незамирным галлам. Надо было во что бы то ни стало быстро сломить их сопротивление. Цезарь приказал объявить по всей Галлии, что на территории племен, не подчинившихся римлянам, каждый может безнаказанно грабить и убивать кого он захочет. Всех участвовавших в мятеже прошлого года, Цезарь казнил, а отобранное у них имущество роздал своим сподвижникам. Немалая пожива досталась и купцам, следовавшим по пятам за наступающей римской армией. За кувшин вина покупали они у воинов захваченных пленников, захваченных на поле сражения. Только при взятии одного города, рассказывают очевидцы, было продано в рабство 53 тыс. человек.

Уверенный в том, что теперь наступило спокойствие, Цезарь уехал на зиму в Италию. Но, как это часто бывает, успешный победитель утратил представление о том, что творится в покоренной им стране. Чем более жестокой становилась власть Рима, тем больше усиливалось влияние враждебной римлянам народной партии. Возмущенный непрерывными грабежами и казнями галльский народ восстал. В городе Кенабе, на реке Луаре, племя карнутов перерезало римских купцов, а вместе с ними и интендантов, заготавливавших продовольствие для римской армии. У соседей карнутов — арвернов, опи-

раясь на бедноту, к власти пришел вождь народной партии Верцингеториг, которого римляне незадолго перед этим изгнали из страны. Арверны восстали, и все племена Средней Галлии присоединились к ним. Римские легионы, оставленные Цезарем зимовать на севере поближе к ненадежным белгам, оказались отрезанными от провинции.

Положение могли спасти только быстрота и решительность. Оставив вновь набранные в Италии войска защищать провинцию, Цезарь стал пробиваться через глубокие снега в область арвернов. Стремительность натиска испугала галлов. Они вызвали Верцингеторига, который со своей армией находился в это время на севере у племен, еще не решавшихся примкнуть к восстанию. Пока армия галлов стягивалась к области арвернов, Цезарь с отрядом всадников, никем не замеченный, прошел через всю Галлию и присоединился к своим легионам, стоявшим в Бельгии. Теперь под его командованием снова была большая армия, состоящая более чем из 10 легионов.

Воевать в чужой стране в зимних условиях было нелегко, но Цезарь не стал ждать благоприятной погоды. Прежде всего он решил отомстить за убийство римских граждан и, вторгшись в область карнутов, сжег Кенаб. Затем, переправившись через Луару, он стал разрушать один за другим галльские города.

Верцингеториг избрал против римлян тактику партизанской войны. Уклоняясь от решительного сражения, он сжигал при отступлении все запасы продовольствия и, перерезая линии римских коммуникаций, нападал на обозы, шедшие с юга. Видя, что галлы отступают, Цезарь разделил свою армию. Четыре легиона (под командованием своего помощника Лабiena) он послал на север, а с остальными шестью легионами вторгся к арвернам и осадил их столицу Герговию. Взять арвернов измором было трудно, так как у римлян самих не хватало продовольствия, и Цезарь решился на штурм. Хорошо укрепленная крепость устояла. Римляне отступили, потеряв убитыми и ранеными почти легион. Это случилось в первый раз, что войска под командованием Цезаря понесли крупное поражение. Победа Верцингеторига сделала его народным героем. Племена, во время всех предыдущих восстаний хранившие верность Риму, как например эдуи, примкнули теперь к арвернам. Их пример увлек остальных галлов. Пламя восстания охватило всю страну от Пиренеев до Рейна. Заложники, знатные юноши различных галльских племен, содержащиеся в римском лагере, были освобождены, казна Цезаря захвачена восставшими, мосты через Луару разрушены. Казалось, близится долгожданный момент свержения римского ига.

Неожиданно для всех Цезарь повел войска из страны восставших эдуев не на юг, в сторону Италии, а на север к бел-

гам. Он не мог оставить на верную гибель находившиеся там четыре легиона под командованием Лабиена. Риск был велик, но Цезарь не видел другого выхода: оставить своих людей без помощи означало навсегда лишиться их доверия. Рухнули бы надежды Цезаря на достижение при помощи армии высшей власти. Он предпочитал погибнуть, чем отказаться от своих замыслов.

Окруженные со всех сторон врагами, без продовольствия, усталые, упорно пробивались легионы Цезаря на север. На их счастье, Лабиен разбил врага и собрал богатую дань с северных племен. Когда римляне, наконец, соединились, голодавшие войска Цезаря получили продовольствие и возможность отдохнуть.

Однако долго отдыхать было нельзя. Галлы лихорадочно готовились к решающей битве. Все восставшие племена прислали своих представителей в столицу эдуев город Бибракте: здесь был составлен план войны и установлено, сколько воинов выставит каждое племя. Верцингеториг, избранный командующим всего галльского ополчения, обучал своих воинов строить и укреплять лагерь, рыть траншеи, совершать переходы и маневрировать. Он понял причины успехов римлян и внушал свобододолюбивым, но диким галлам, что назначение воина состоит не только в том, чтобы сражаться: надо уметь ежедневным упорным трудом подготавливать победу. Обучение разноплеменного войска еще только начиналось, а галлы, воодушевленные победой при Герговии, требовали, чтобы Верцингеториг преградил путь Цезарю и уничтожил его легионы.

Галльский вождь приказал построить возле города Алезии¹ лагерь, расположенный недалеко от скрещения дорог, по которым Цезарь мог возвращаться с Севера в Нарбонскую Галлию. Сюда Верцингеториг собрал большие запасы продовольствия, 15 тыс. всадников и часть пехоты.

Когда полные уныния отступавшие из Галлии римские войска поравнялись с Алезией, они были атакованы вражеской конницей. Внезапность атаки не привела римлян в замешательство. Первый натиск был отбит незадолго перед этим набранной Цезарем конницей, о существовании которой галлы не подозревали. Отбросив врага, легионеры сомкнутыми колоннами преследовали отступавших и уничтожили больше 3 тыс. человек. Противник отступил к Алезии, где у стен города находился его укрепленный лагерь. Римляне получили, наконец, возможность вернуться на родину. Но Цезарь не был бы Цезарем, если бы не попытался использовать неожиданно открывшиеся перед ним благоприятные перспективы. Римские войска повернули на север и подошли к Алезии.

¹ Алезия находилась недалеко от современного города Дижона.

Расположенный на вершине высокого холма, омывавшегося двумя реками, галльский лагерь казался неприступным. Только длительная осада могла бы сломить галлов. Цезарь заставлял солдат работать по 16 часов в сутки, и вскоре город был опоясан линией валов, отрезавших осажденных от внешнего мира. Незадолго до этого Верцингеториг приказал своим всадникам покинуть город: для защиты лагеря конница была не нужна, а продукты питания необходимо было экономить. Всадники, разъехавшись по всей Галлии, вскоре собрали большую армию добровольцев, которые и поспешили на выручку Верцингеторига.

Приближение вражеской армии, в несколько раз превосходившей осажденную в Алезии, ставило римлян в затруднительное положение. Цезарь хорошо понимал, что для того, чтобы не выпустить Верцингеторига, ему придется сражаться на два фронта. Теперь надо срочно строить оборонительную линию, за которой можно было укрыться от приближающегося ополчения врага. Галлы могли сосредоточить все силы на одном каком-либо участке, в то время как римлянам придется держать оборону и на внешней, и на внутренней линиях укреплений. Недостаток в войнах следовало возместить превосходством техники. Три широких рва, промежутки между которыми не превышал 100 метров, следовали один за другим. За рвами высился вал, укрепленный частоколом, за которым могли укрыться оборонявшие крепость стрелки. Через каждые 25 метров на валу были построены многоэтажные башни с расположенными там метательными орудиями для перекрестного обстрела. Перед рвами в землю были вкопаны стволы деревьев, сучья которых переплетались между собой, образуя густую колючую сеть. Пять рядов таких заграждений шли вплотную один за другим. В поле перед ними были вырыты прикрытые землей ямы-ловушки, на дне которых торчали кверху острые колья и крючья.

Строительство мощной линии обороны потребовало шести недель напряженного труда, но когда галльское ополчение, наконец, подошло к Алезии, римляне легко отразили два первых приступа. Третий приступ едва не окончился взятием римского лагеря, но римская конница, зайдя в тыл галлам, неожиданно напала на них. После ожесточенной схватки галлы обратились в бегство. Конница преследовала и уничтожала беглецов. После этой неудачи галлы потеряли всякую надежду на победу. Галльское ополчение разошлось по домам, а вскоре сдался и Верцингеториг. Цезарь не пощадил вождя галлов: почти шесть лет его держали в тюрьме, чтобы провести в триумфальном шествии на потеху римской толпе, а затем казнить.

После падения Алезии борьба в Галлии продолжалась еще около года. Жестоко расправляясь с восставшими, привлекая

на свою сторону знать, Цезарь сумел, наконец, усмирить страну. За 8 лет он взял штурмом более 800 городов, покорил 300 племен. Против римлян боролось три миллиона человек, из которых, как утверждал Цезарь, один миллион он уничтожил, а другой взял в плен. Только после взятия Алезии каждый римский воин получил в награду по одному рабу. Галлов обязали вносить в римскую казну ежегодную подать в 40 млн. сестерциев. В страну были выведены колонии римских граждан: заброшенную во время войны землю по дешевке скупали римские рабовладельцы. Приток денег из Италии способствовал быстрому восстановлению хозяйства. Галлия была втянута в экономическую жизнь Римского государства. Быстро менялись культура и язык галлов, находившихся под римским влиянием. Новые связи прочнее, чем размещенные в стране гарнизоны, приковали Галлию к Риму.

Успех в Галлии вызвал беспокойство Помпея. Раньше он относился к Цезарю с пренебрежением, считая, что нетрудно в любой момент уничтожить человека, который целиком обязан ему своим возвышением. Однако после своих завоеваний Цезарь сравнялся с Помпеем в силе и славе, превзойдя его богатством, составленным из военной добычи. Это давало ему огромные преимущества в тяжелые годы полного упадка нравов, когда в Риме люди, добивавшиеся должности, выставляли на площадях столики с деньгами для подкупа избирателей, а подкупленный народ приходил на собрания, чтобы с оружием в руках бороться за тех, кто дал деньги. Государство уподобилось кораблю, потерявшему управление, и многие открыто говорили, что наступило время заменить республику монархией. Знатные считали наиболее подходящим правителем Помпея, еще при Сулле стоявшего на стороне нобилей и никогда, подобно Цезарю, не заигрывавшего с беднотой.

«Если уж,— говорили они,— суждено больному государству принять это горькое лекарство, то лучше получить его из рук более приятного врача. Помпей будет все-таки мягче Цезаря».

По предложению аристократа Катона сенат передал Помпею власть обоих консулов и продлил ему проконсульство в Африке и в Испании, позволив управлять этими странами, оставаясь в Риме. Тогда Цезарь также потребовал, чтобы продлили его проконсульство в Галлии. Сенат, вставший на сторону Помпея, отказал Цезарю. Узнав об этом, один из командиров галльской армии сказал, ударив по рукоятке меча: «Вот, что продлит проконсульство Цезаря».

Вслед за этим сенат решил изгнать из своей среды сторонников Цезаря — Антония и Куриона, которые, опасаясь за свою жизнь, вынуждены были бежать из Рима в одежде рабов.

Когда римские воины увидели двух почитаемых политических деятелей, ставших жертвой беззакония, они были возмущены. Если сенат так обошелся с людьми, занимавшими высшие должности в государстве, то как могли простые воины рассчитывать на обещанные им пенсии и вознаграждения. Цезарю теперь было нетрудно разжечь своих солдат и повести их против сената.

В Предальпийской Галлии зимой (50—49 гг. до н. э.) находился только один легион. Не желая дать противникам времени на подготовку к войне, Цезарь не стал дожидаться прихода всей галльской армии и двинулся в Италию, располагая всего 5 тыс. человек. Достигнув реки Рубикон, считавшейся границей между Галлией и Италией, Цезарь долго стоял на берегу, не решаясь дать войскам приказ начать переправу. Переход границы означал начало гражданской войны. Наконец, со словами «Жребий брошен!» он первым двинулся через реку.

Сенат поручил Помпею оборону столицы. Войска Помпея находились в Испании и Африке. Но стремительность Цезаря не оставила времени для переброски их в Италию. Когда в Риме поняли, что отстоять город не удастся, всеми овладела растерянность. Началось повальное бегство из столицы. Большинство сената, как и сам Помпей, покинули Италию и бежали в Грецию. Цезарь вступил в Рим, не встретив никакого сопротивления.

Помпей не успел в спешке вывезти государственную казну, и теперь она попала в руки победителя. Когда один из народных трибунов, ссылаясь на закон, пытался запретить ему взять деньги, Цезарь воскликнул: «Разве ты не знаешь, что оружие не считается с законами!»

Подчинив Италию, Цезарь отправился в Испанию, где были расположены главные силы Помпея, так как боялся, что эти войска будут угрожать ему с тыла, когда он двинется против соперника. После короткой, но жестокой борьбы Цезарь принудил испанскую армию Помпея к капитуляции.

Осенью Цезарь вернулся в Рим, где был провозглашен диктатором. Вслед затем с отборным отрядом кавалерии и пятью легионами он направился на юго-восток Италии в Брундивий, а оттуда отплыл в Грецию. Переправить на Балканский полуостров сразу всю армию Цезарь не мог из-за отсутствия транспортных средств. С имеющимися силами Цезарь не только не мог перейти в наступление против Помпея, собравшего к этому времени значительную армию, но и сам попал в затруднительное положение. Увидев, что оставшиеся в Италии войска медлят, так как в Адриатическом море господствовал флот Помпея, Цезарь решил лично сам возглавить и ускорить переправу. Тайно от всех был снаряжен небольшой быстроходный корабль, на который поднялся человек в одежде раба с закрытым лицом. Экипаж корабля не догадывался, кто этот молчаливый путник. Знай

помпеянцы, что на судне находится сам Цезарь, им не составило бы особого труда захватить его в открытом море.

В этот день на море разыгралась буря. Убедившись, что маленький корабль не выдержит далекого плавания, кормчий приказал повернуть назад. Услыхав команду, Цезарь схватил его за руку и сказал: «Не трусь! Ты везешь Цезаря и его счастье». Узнав полководца, матросы забыли про бурю и, как бы приросши к веслам, гребли с величайшим усердием. Однако плыть дальше стало невозможно, и Цезарь вынужден был вернуться.

Наконец, Антоний, командовавший оставшейся в Италии армией, переправился в Грецию и соединился с Цезарем. Вскоре после этого в Северной Греции при Фарсале произошло решающее сражение. Новобранцы Помпея не устояли против закаленных в боях с галлами ветеранов Цезаря. Остатки армии Гнея Помпея капитулировали, а сам он бежал в Египет, где был предательски убит.

После смерти Помпея Цезарь отправился в Египет. Здесь он собирался взыскать с жителей для своего войска 10 млн. сестерциев. В это время наибольшим влиянием в стране пользовался один из царедворцев, правивший от имени малолетнего царя Птолемея. Чтобы не делить ни с кем власть, он изгнал из столицы, города Александрии, старшую сестру царя Клеопатру. Этот правитель, боясь за свое положение, сразу стал проявлять враждебность к римлянам. Солдатам Цезаря он отпускал только старый, залежавшийся хлеб, говоря, что людям, которые едят чужое, нечего привередничать. Цезарь располагал в Египте слишком незначительными силами, чтобы начать войну. В поисках опоры среди местного населения он решил вернуть из изгнания Клеопатру. Молодая царица села в маленькую лодку и под покровом ночи, имея лишь одного спутника, подплыла ко дворцу, занятому Цезарем. Боясь попасть к врагам, она спряталась в матрасный мешок и таким образом была доставлена в покои Цезаря. Восхищенный смелостью и красотой царицы Цезарь возвел ее на престол, вступив с ней в брак.

Вмешательство во внутренние дела Египта и поборы пришельцев вызвали восстание местного населения, и небольшой отряд римлян попал в опасное положение. Враги отрезали Цезаря от кораблей, и, чтобы спастись, римляне подожгли город. Во время пожара сгорела знаменитая Александрийская библиотека. Спасаясь от разъяренных жителей, Цезарь укрылся в александрийской гавани на маленьком острове Фаросе¹. Однажды, когда Цезарь плыл, чтобы соединиться со своими войсками, египтяне

¹ На этом острове находился знаменитый Фаросский маяк, считавшийся одним из семи чудес света. От этого острова происходит современное название автомобильных фонарей — фар.

окужили лодку и, чтобы спастись, ему пришлось броситься в воду. Со всех сторон на него сыпались стрелы, однако Цезарь упорно плыл к берегу. Самое удивительное даже не то, что он сумел спастись от смертельной опасности, а то, что и в воде он не выпустил из рук своих дощечек с записями, с которыми никогда не расставался.

Несмотря на все опасности, римлянам удалось продержаться до прибытия вызванных из Сирии легионов, и восстание было подавлено. В это время на Востоке сын понтийского царя Митридата VI Евпатора¹, Фарнак, начал войну против Рима. Ему удалось занять значительную часть Малой Азии. Цезарь выступил против Фарнака с тремя легионами. Победа досталась так легко, что, сообщая о ней в Рим, Цезарь ограничился всего тремя словами: «Пришел, увидел, победил!»².

Остатки легионов Помпея собрались в Африке. Во главе их встал давний враг Цезаря Катон. К помпеянкам присоединился нумидийский царь Юба. Непокойно было и в Испании, где в римских гарнизонах находилось много ветеранов Помпея. Казалось, гражданская война готова вспыхнуть с новой силой. Цезарь поспешил в Африку. Около города Тапса противники встретились. Судьба, как и раньше, была благосклонна к Цезарю: в течение трех часов он захватил три вражеских лагеря. Потери помпеянцев, по слухам, достигали 50 тыс.; сам же Цезарь потерял только 50 воинов. Катон понял, что дело его проиграно, и покончил жизнь самоубийством. Цезарь вернулся в Рим, где отпраздновал триумф в честь всех одержанных им побед: в Галлии, Египте, Малой Азии и в Африке. Воинам Цезарь роздал подарки, а народу устроил богатое пиршество. На 22 тысячах столов было выставлено угощение для всех граждан. Гладиаторские бои на суше и на море довершили празднество.

Вскоре после этого Цезарь, в четвертый раз выбранный консулом³, отправился в Испанию, где против него подняли восстание сыновья Помпея — Гней и Секст. При городе Мунде произошло ожесточенное сражение. Солдаты Цезаря, измученные бесконечными войнами, страдая от нехватки продовольствия, дрались неохотно, и победа была достигнута ценой больших потерь. Говорят, что, вспоминая эту битву, Цезарь сказал: «Раньше я дрался с врагами за победу, на этот раз мне пришлось сражаться за жизнь». В битве при Мунде погибли последние вожди помпеянцев; только младшему сыну Помпея — Сексту — удалось скрыться. Эта война была последней, которую вел Цезарь.

¹ О Митридате см. выше биографии Суллы и Помпея.

² По-латыни все три слова начинаются на одну букву и имеют одинаковое окончание «veni», «vidi», «vici».

³ Война с сыновьями Помпея происходила в 45 г. до н. э.

Казалось, после битвы при Мунде уже не существовало силы, способной уничтожить могущество Цезаря. Утомленные смутами и гражданскими войнами, римляне видели в монархии единственную надежду на установление долгожданного покоя. Трудно даже представить, какие бедствия претерпел Рим за эти годы. Проведенная в городе перепись показала, что из 320 тыс. граждан погибло больше 170 тыс., и это, не считая потерь, понесенных жителями остальной Италии и провинций. Устрашенные римляне склонились перед счастливой судьбой Цезаря и безропотно позволили надеть на себя узду. Победитель уже не довольствовался десятилетними диктаторскими полномочиями, данными ему после битвы при Тапсе. Теперь он получил звание пожизненного диктатора. Он получил также право назначать половину всех должностных лиц и таким образом стал неограниченным властителем Рима. Воспользовавшись этим, Цезарь значительно увеличил число квесторов, эдилов и преторов. Желая привлечь на свою сторону как можно больше влиятельных лиц, он назначал их, хотя бы на короткий срок, на высшие должности. Так, например, когда накануне выборов умер один из консулов, Цезарь назначил на его место полководца Ребилия. По обычаю сенат отправился приветствовать Ребилия, и участвовавший в шествии Цицерон воскликнул: «Спешите, друзья! Если солнце зайдет, мы уже не застанем его консулом».

С этой же целью Цезарь в полтора раза увеличил число сенаторов, введя в высший Совет государства своих подчиненных и даже вольноотпущенников. Добиваясь расположения армии, он наделял отставных солдат землей как в самой Италии, так и далеко за ее пределами. Несколько десятков тысяч ветеранов получили землю в Галлии, в Африке — на месте разрушенного Карфагена — и в Греции — на месте разрушенного Коринфа.

Занимая должность Великого понтифика, Цезарь стоял во главе римских жрецов. Понтифики ведали календарем, отличавшимся сложностью. Все были заинтересованы в том, чтобы упростить счет времени. Цезарь пригласил в Рим египетских астрономов, и под его руководством они провели реформу, разбив год на 12 солнечных месяцев. К каждому четвертому году регулярно добавлялся дополнительный день, так называемый високосный. Месяц, на который приходился день рождения Юлия Цезаря, был назван в его честь июлем. Римский календарь оказался самым точным из всех, существовавших в древности, и введение его прославило имя Цезаря на тысячелетия¹.

¹ Введенный Юлием Цезарем календарь (Юлианский) оказался настолько удобным, что получил распространение во всех странах Европы. В России им пользовались до Великой Октябрьской революции (так называемый «старый стиль»).

Чтобы крепче связать Рим с подчиненными ему провинциями, Цезарь предоставил многим провинциалам право римского гражданства. При нем начали чеканить золотую монету, чем значительно облегчили заморскую торговлю. На монетах вместо герба был изображен Цезарь, увенчанный лавровым венком.

Достигнутые успехи не только не успокоили деятельную натуру Цезаря, а наоборот, казалось, толкали его на новые смелые предприятия. Говорили, что теперь, когда ему не с кем соперничать, он соревнуется с самим собой, стремясь будущими подвигами превзойти уже совершенные. Мало кто понимал, что не тщеславие, а необходимость толкает Цезаря вперед, что он стал рабом своей удачи и уже не может остановиться. Армия требовала награды за испанскую войну, а денег в казне почти не было. Чтобы расплатиться с солдатами, приходилось начинать новую войну.

Замышлявшийся Цезарем поход должен был затмить славу похода Александра. Он мечтал совершить то, что не удалось Крассу, — разгромить Парфянское царство, а затем вернуться в Италию северным путем через Скифию, Германию и Галлию. Все свои надежды возлагал Цезарь на этот поход. Самым важным для него теперь было переломить настроение римского общества, утомленного бесконечными войнами. Цезарь решил соблазнить римлян множеством блестящих проектов, выгодных всем слоям населения. Для их осуществления нужны были большие средства, а легче всего казалось добыть их, завоевав богатую Парфию.

Было решено осушить огромные болота к юго-западу от столицы, что могло дать дополнительную плодородную землю тысячам малоземельных крестьян. Большие выгоды обещала постройка канала, который, сделав Тибр судоходным для морских судов, должен был одновременно осушить заболоченные местности в устье реки. Строительство морской плотины сулило превратить Остию в крупнейший порт, а прорытие канала через Коринфский перешеек должно было соединить Ионийское море с Эгейским и оживить торговлю Востока с Западом. Предполагавшаяся застройка Марсова поля, сооружение роскошных театров, библиотек и других общественных зданий могли обеспечить выгодной работой римскую городскую бедноту.

Перед тем как отправиться в поход, Цезарь решил упрочить свое положение в Риме, считая, что для этого лучше всего объявить себя царем и основать династию, подобную династиям эллинистических монархов. Так как у него не было детей, он усыновил племянника своей сестры, семнадцатилетнего Октавия¹.

¹ Октавий после усыновления изменил, согласно обычаю, свое имя на Октавиана. Впоследствии, когда он сделался императором, его стали называть Августом.

Сторонники Цезаря распространяли по городу слухи, будто в древних книгах сказано, что парфян сможет победить только царь. Однако ненависть к монархии была очень сильна в Риме, и Цезарю, чтобы избежать осложнений, приходилось искусно маневрировать.

В год своего последнего консульства Цезарь назначил вторым консулом преданному ему Марка Антония. Однажды в праздничный день Цезарь явился на форум в яркой пурпурной одежде триумфатора. Здесь к нему подошел Антоний и хотел надеть на него золотую корону. Люди, заранее собранные Антонием, стали аплодировать. Однако, когда Цезарь оттолкнул корону, аплодисменты стали громче и раздались приветственные крики. Антоний был уверен, что Цезарь отказался только для виду, желая, чтобы его попросили еще раз. Тогда он снова поднес корону Цезарю, и снова нанятые хлопальщики усердно старались изобразить народный восторг. Но Цезарь, почувствовав настроение толпы, и на этот раз отказался от царской власти.

Раздраженный неудачей, Цезарь решил покарать своих противников, не взирая на их общественное положение. Когда народные трибуны сорвали со статуй Цезаря короны и арестовали людей, приветствовавших его как царя, диктатор отстранил трибунов от должности и изгнал из сената. Это вызвало против Цезаря взрыв возмущения, так как трибуны считались самыми священными из должностных лиц. Особенно возмущены были представители старой римской аристократии, которые еще со времени заговора Катилины видели в Цезаре опасного смутьяна. Они не замечали, что, придя к власти, Цезарь вовсе не был склонен выполнять данные народу обещания. Так, он отказался провести закон об отмене долгов, распустил союзы ремесленников, игравшие большую роль в защите прав бедняков, уменьшил число граждан, получавших бесплатным хлеб от государства. Аристократы ненавидели Цезаря, но понимали, что бессильны бороться против его диктатуры. Единственную надежду они возлагали на смерть Гая Юлия Цезаря.

Среди сенаторов возник заговор, ставивший целью уничтожить Цезаря и восстановить старые республиканские порядки. Во главе заговора встали Марк Брут, Децим Брут Альбин и Кассий. Число заговорщиков скоро достигло 60, и слухи о готовящемся покушении поползли по городу. Друзья предостерегали Цезаря и советовали ему усилить охрану, но он не прислушивался к многочисленным доносам, поступавшим к нему ежедневно. В большинстве своем доносы были ложны. Доносчики пытались разделаться с личными врагами и выслужиться перед диктатором: сегодня они обвиняли в заговоре Брута, завтра Антония. Цезарем овладела апатия. «Лучше,— говорил он,— один раз умереть, чем жить в постоянном страхе. Что предна-

значено судьбой, того не предотвратить. Самая лучшая смерть та, которая приходит неожиданно».

Заговорщики решили убить диктатора в иды марта¹. В этот день должно было состояться заседание сената, на котором Цезаря предполагалось провозгласить царем всех заморских владений и разрешить ему носить царскую корону за пределами Италии. За несколько дней до этого какой-то гадатель предупредил Цезаря, чтобы тот опасался мартовских ид. Хотя Цезарь не верил прорицателям, но на этот раз встревоженная жена уговорила его сослаться на болезнь и не выходить из дому. Мятежники догадывались, что о заговоре известно, и опасались отсрочки заседания. Децим Брут, которому диктатор так доверял, что даже назначил его одним из своих наследников, отправился к Цезарю.

«Ты,— сказал он,— и так слишком часто пренебрегал сенатом. Не стоит делать это сейчас, когда сенаторы согласились провозгласить тебя царем». Гонимый честолюбием, Цезарь пренебрег советом жены и вышел из дому. По дороге к курию Помпея², где должно было происходить заседание сената, они встретили гадателя, предупредившего Цезаря об опасности. «Почему не сбывается твое предсказание? — насмешливо спросил Цезарь.— Иды марта пришли, а я все еще жив». «Пришли, но не прошли»,— будто бы ответил прорицатель. Эти слова стали поводом поговоркой.

Когда Цезарь подошел к самому входу в курию, один из его приверженцев передал ему маленький свиток папируса с сообщением о готовящемся покушении. «Немедленно прочти это, Цезарь,— сказал он,— и не показывай никому. Здесь написано о важном для тебя деле». Однако множество просителей отвлекли диктатора, и он вошел в сенат, так и не прочитав свитка. Опасаясь, что силач Антоний сможет помешать убийцам, Децим Брут ловко задержал его разговором у входа в сенат.

Между тем Цезарь вошел в курию, и все стоя приветствовали всесильного диктатора. Несколько десятков заговорщиков скружили кресло Цезаря. Один из них, Туллий Кимвр, настойчиво стал просить вернуть из изгнания его брата. Когда Цезарь отказал, Туллий схватил диктатора за край тоги и, сильно дернув, оголил ему шею. Это было сигналом. Заговорщики, выхватив из-под плащей мечи, бросились на диктатора. Они договорились заранее, что каждый нанесет Цезарю хотя бы один удар, чтобы никто не мог утверждать, что он не виноват в происшед-

¹ Иды — середина месяца, приходившаяся на 15 или 13 число. Мартовские иды — 15 марта.

² Курия — здание, предназначавшееся для собраний граждан или заседаний сената. Курия Помпея была построена на средства Помпея Великого и украшена его статуей.

шем. Возникла свалка, и, целясь в Цезаря, заговорщики переранили друг друга. Куда бы ни бросался Цезарь, всюду его встречали направленные на него мечи. Ему нанесли 23 раны, но только две из них были смертельны. Сенаторы молча взирали на происходящее, не смея ни вступить за Цезаря, ни даже позвать на помощь. Диктатор упал, обливаясь кровью, у подножия статуи Помпея. Казалось, что Помпей с удовольствием смотрит на своего противника, распростертого у его ног. Когда все было кончено, Марк Брут хотел обратиться с речью к сенату, но, очнувшись от оцепенения, сенаторы бросились бежать, распространяя по городу страх и смятение.

Цезарь умер 56 лет от роду, пережив Помпея почти на четыре года. Ему не пришлось воспользоваться могуществом и властью, к которым он стремился всю жизнь и которых достиг такими великими трудами. Но и заговорщики не добились своей цели: власть сената не была восстановлена. Ни один человек, сколько-нибудь причастный к убийству Цезаря, не уцелел. Об их судьбе будет рассказано в биографии Брута.

Цицерон

Великий оратор, писатель и политический деятель Марк Туллий Цицерон родился 3 января 106 г. до н. э. близ города Арпина в Лациуме (около 90 км от Рима). Мать его принадлежала к известному роду Гельвиев, отец происходил из состоятельной римской семьи всадников. Прозвище рода Туллиев «Цицерон» (по-латыни — «цицero») означает — горошина. Некоторые думали, что у одного из предков великого оратора была бородавка на носу, напоминавшая горошину. Другие же полагали, что какой-либо его предок был знаменитым огородником и выращивал хороший горох. В роду Туллиев никто не занимал высших государственных должностей, и потому, когда Цицерон достиг поста консула, представители знати называли его презрительно выскочкой, «новым человеком» (*homo novus*).

Еще в детстве Цицерон показал блестящие способности в учении. Он отличался такой поразительной понятливостью и памятью, что родители его товарищей приходили в школу посмотреть на это маленькое чудо.

Когда Цицерон подрос, его отец переселился в Рим, пожелав дать ему и брату Квинту образование. В столице молодой человек изучал римское право, занимался греческой философией и теорией *риторики*¹. Здесь ему довелось слушать речи знаменитых ораторов.

В Риме в это время собрались виднейшие представители греческой философии. Цицерон имел возможность слушать лекции знаменитого Филона, главы так называемой Нсвой Академии.

¹ *Риторика* — наука о красноречии.

Будучи в обществе греческих ученых и писателей, он основательно изучил греческий язык и литературу. Греческий поэт Архий привил будущему оратору вкус к изящной литературе и поэзии: Цицерон в юности и даже в зрелом возрасте писал стихи (правда, довольно плохие). Особенно заинтересовался молодой человек *диалектикой*, т. е. искусством спора и убеждения. Одновременно с этим он упражнялся в декламации — составлении речей на греческом и латинском языках. Знаменитый актер Росций учил Цицерона произношению, постановке голоса и ораторским жестам.

После школы Марк Туллий служил в армии и участвовал в «Союзнической войне». По окончании военной службы двадцатилетний Цицерон решил посвятить свою жизнь политической деятельности.

В республиканском Риме незнатные юноши могли выдвинуться, лишь выступая в каком-нибудь громком политическом судебном процессе в качестве защитника или обвинителя. Тут представлялся удобный случай изложить свои взгляды на те или иные вопросы общественной жизни, обратить на себя внимание, получить известность у граждан-избирателей.

Однако момент для публичных выступлений был неблагоприятным: шла гражданская война, по стране прокатилась волна террора против народной партии. Ежедневно вывешивались списки обреченных на казнь людей. Подкупленные вольноотпущенниками Суллы наемные убийцы вечерами бродили по темным улицам Рима. Они врываются в дома богатых людей или убивали их просто на улице, а затем под разными предлогами завладевали их состоянием.

Будучи человеком честным и гуманным, Цицерон приходил в ужас от насилий и жестокостей, творимых сторонниками Суллы. Он решился защищать несчастные жертвы диктаторского режима. Одной из таких жертв явился Росций.

На улице Рима был убит богатый землевладелец, некто Секст Росций. Убийство подстроили родственники с целью завладеть его имуществом. Они вошли в соглашение с всесильным любимцем диктатора Хрисогоном и занесли имя убитого задним числом в так называемые проскрипционные списки. Затем Хрисогон купил за бесценок с торгов имущество убитого и разделил его с родственниками погибшего. Они, чтобы устранить законного наследника — сына убитого, сначала пытались и его ликвидировать. Но когда это им не удалось, было выдвинуто против молодого человека обвинение в отцеубийстве. Никто не хотел брать на себя защиту молодого Росция из страха перед Корнелием Суллой. Только Цицерон согласился защищать несчастного. Дело Росция было настолько ясным, что адвокату не стоило никакого труда доказать его невиновность. Но этого Цицерону показалось мало.

Всем было известно, что за обвинителем скрывается всесильный Хрисогон. Этот временщик считал себя в полной безопасности, так как ему сходили с рук и не такие проступки. Цицерон в своей речи не побоялся заклеить любимца Суллы. Когда молодой оратор произнес имя Хрисогона, обвинители и толпа народа замерли в безмолвии. Однако Цицерон, продолжая сохранять спокойствие, выдвигал одно за другим обвинения, клеймя позором человека, перед которым все трепетали. Судьи и публика поняли, что Цицерон обвиняет в лице Хрисогона самого Суллу. В заключение молодой оратор потребовал положить конец гнусному режиму. Речь его была встречена рукоплесканиями, а обвиняемого суд оправдал.

Вскоре после этого Цицерон вместе с братом Квинтом уехал путешествовать в Грецию и Малую Азию якобы для лечения, но на самом деле опасаясь преследований со стороны Суллы. Сначала братья направились в Афины. Здесь Цицерон продолжал свои занятия философией, начатые в Риме. Затем он переехал на остров Родос, где находилась знаменитая школа ораторского искусства и известные профессора — Аполлоний и философ Посидоний. Рассказывают, что Аполлоний, не понимавший ни слова по-латыни, попросил Цицерона произнести речь по-гречески. Выслушав блестящую речь молодого римлянина, присутствующие осыпали оратора похвалами. Сам Аполлоний слушал речь с невеселым видом. Когда оратор кончил, знаменитый профессор сказал:

— Хвалю тебя, Цицерон, и удивляюсь твоему дарованию, но жалею о судьбе Греции: единственно прекрасное, что у нас еще осталось — образованность и красноречие, — и это теперь завоевали римляне!

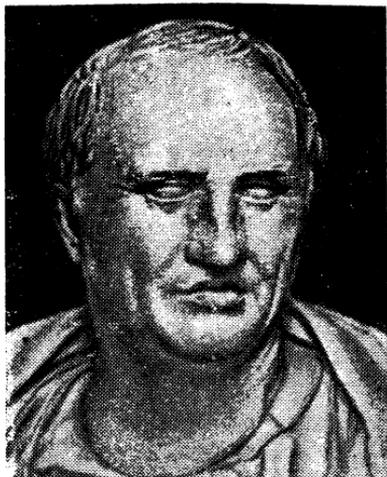
Через два года Цицерон (после кончины Суллы) возвратился в Рим. Первое время Цицерон вел себя осторожно, не торопился выставлять свою кандидатуру на государственные должности, предпочитая держаться в тени. За это люди старого закала, «настоящие римляне», прозвали его «греком» и «бездельником»¹.

Вскоре, однако, Цицерон возобновил свои публичные выступления в качестве защитника. Необыкновенный талант оратора доставил ему известность.

Эта известность и связи во влиятельных кругах столицы позволили ему заключить выгодный брак с Теренцией, женщиной из богатой семьи. Цицерон стал теперь человеком зажиточным и мог бесплатно оказывать помощь нуждающимся.

¹ Старозаветные римляне считали главным в жизни гражданина «общественные, государственные обязанности». Образование, учение, заимствованные из Греции, они считали «досужим делом», которым можно и следует заниматься только в свободное от государственной службы время.

Избранный квестором, он был отправлен на остров Сицилию для заготовки хлеба. На этом посту Цицерон проявил исключительную деловитость, мягкость и справедливость в обращении с местным населением, привыкшим к грубому произволу римских чиновников. А когда к претору Сицилии прислали нескольких знатных молодых людей, обвиняемых в нарушении дисциплины во время войны, то Цицерон взял на себя их защиту и блестяще выиграл дело.

М. Туллий Цицерон

Марк Туллий Цицерон был так доволен и горд своими успехами, что по возвращении в Рим, как сам признавался впоследствии, попал в смешное положение. Случайно

встретив своего знакомого, оратор спросил, что говорят в Риме о его, Цицерона, подвигах (он воображал, что весь город только и говорит о нем). Знакомый же ответил ему вопросом:

— А где же ты, Цицерон, был все это время?

Между тем сицилийцы привлекли к суду своего наместника Верреса и обратились к Цицерону с просьбой взять на себя роль обвинителя. С энергией принявшись за дело защиты интересов сицилийцев, Цицерон отправился на остров собирать материалы по обвинению Верреса. Противная сторона выставила в качестве защитника адвоката Гортензия. Обвиняя Верреса, одного из приспешников Суллы, Цицерон выступал как представитель народной партии и враг сулланского режима.

Разбирательство дела Верреса началось на форуме при огромном стечении народа. Подсудимый явился в сопровождении своих знатных покровителей и держался самоуверенно и нагло. Когда огласили содержание документов и свидетельские показания, искусно подобранные Цицероном, то открылись все возмутительные факты насилия, вымогательства и прямого грабежа. Народ пришел в неистовство. Когда один из свидетелей рассказывал, как Веррес приказал распять на кресте римского гражданина, который кричал: «Я — римский гражданин»¹, толпа чуть не растерзала обвиняемого. Таким образом, дело Верреса превратилось в судебный процесс не только над всеми насилиями и беззакониями, творившимися при сулланском режиме, но и над

¹ Римский гражданин по закону не подлежал позорной и мучительной казни — распятию на кресте.

партией оптиматов. Видя, что народ не позволит судьям вынести оправдательный приговор и дело его проиграно, Веррес добровольно удалился в изгнание.

Выступлением против Верреса Цицерон завоевал расположение народа и вскоре был избран претором (судьей). Пребывая на этой должности, он честно и беспристрастно выполнял свои обязанности.

Против знатного человека возбудили дело за хищения. Судьей по его делу был Цицерон. Подсудимый, полагаясь на близкое знакомство со знаменитым оратором и на поддержку влиятельных друзей, ушел домой, не дождавшись результата голосования. По дороге ему сообщили, что судьи под председательством Цицерона вынесли ему суровый приговор. Такова была беспристрастность Цицерона.

Во время своего преторства Цицерон произнес первую политическую речь в поддержку закона о назначении Помпея главнокомандующим в войне с царем Митридатом. Выступление имело блестящий успех, и Помпей был назначен главнокомандующим. Постепенно Цицерон стал все более склоняться на сторону оптиматов, понимая, что его дальнейшая политическая карьера зависит от их поддержки.

Консульство Цицерона совпало с раскрытием знаменитого заговора Катилины. Катилина был разорившимся аристократом, сподвижником Суллы. Он домогался должности консула, но не был избран. Тогда Сергей Катилина выставил заманчивый лозунг, призывавший к уничтожению долговых обязательств. Лозунг пришелся по вкусу римской бедноте, разорившейся знати, ветеранам Суллы и всем, кто был недоволен существовавшими порядками. Опасность беспорядков заставила объединиться всадников и сенаторов-оптиматов, и они добились избрания в консулы Цицерона, считая его самым подходящим человеком для защиты их интересов. Новый консул постарался оправдать доверие выборщиков.

Прежде всего он подкупил своего товарища по консульству, который сочувствовал Катилине. Затем Цицерон приставил к Катилине шпиона, через которого узнавал о всех намерениях заговорщиков; в различных пунктах города были расставлены караулы и разсланы доверенные лица для наблюдения за всем происходящим.

Между тем Катилина действовал энергично, собирая по Италии вооруженные отряды своих приверженцев. В Риме он поручил своим сторонникам убить Цицерона. Однако тот был своевременно предупрежден, заговорщики схвачены и казнены без суда. Сам Катилина отправился в Этрурию, где ему удалось сформировать армию из ветеранов Суллы. Спустя некоторое время глава заговора был разбит наголову превосходящими си-

лами консула Антония и пал в бою. Так была пресечена попытка совершить в Риме переворот.

Заслуги Цицерона при ликвидации заговора Катилины были оценены оптиматами и всадниками. Человека, которого они еще недавно презрительно называли «высочкой» («*гомо новус*»), осыпали неумеренными похвалами и даже поднесли ему почетный титул «отца отечества». Сын захудалого провинциального всадника сделался вождем сената!

До некоторых пор Цицерон внешне оставался скромным человеком, который, казалось, не стремился ни к власти, ни к роскоши. Он заботился больше всего о своей литературной славе. В душе, однако, Цицерон всегда лелеял мечту стать государственным деятелем. И вот его мечта сбылась! Опьяненный чрезмерным потоком лести, Цицерон окончательно уверовал в то, что он великий политический деятель — спаситель отечества. Но вместо того чтобы энергично вмешаться в борьбу партий, став окончательно на сторону оптиматов или народа, он бездействовал. Марк Туллий занял половинчатую, колеблющуюся позицию. Где бы он теперь ни говорил — в сенате, в суде или в Народном Собрании, — все должны были слушать бесконечные разглагольствования о Катилине и о его, Цицерона, роли при подавлении заговора. Эта слабость великого оратора стала вызывать насмешки.

Цицерон полагал, что теперь ему, как государственному человеку, вождю сената, не пристало жить в скромном доме. Он купил за огромную сумму большое строение на Палатинском холме. Для этого ему пришлось занять деньги у своих подзащитных.

Между тем вскоре Цицерону пришлось убедиться, что его влияние среди оптиматов и всадников не так уж велико, как он себе представлял. Мало того, над ним внезапно нависла грозная опасность.

В это время в Риме политическая обстановка была напряженной, борьба партий обострилась. Оптиматы и народная партия с тревогой ожидали возвращения Помпея. Шли бесконечные толки о том, что предпримет Гней Помпей: распустит ли он свою армию или, подобно Сулле, двинет ее на Рим, чтобы захватить власть. Вскоре в городе разразился скандал, который повлек за собой самые печальные последствия для Цицерона.

Некто Клодий, молодой человек знатного рода, прокрался ночью в дом великого понтифика Юлия Цезаря. Там в это время знатнейшие женщины Рима вместе с весталками справляли праздник в честь «*Благой богини*»¹, на котором не имел права присутствовать ни один мужчина. Проникнуть в дом Цезаря

¹ *Благая богиня* — италийское божество плодородия, покровительница женщин.

Клодию удалось, переодевшись в женскую одежду. Однако его узнали по голосу, и он еле спасся. Клодий был одним из вождей народной партии, и оптиматы привлекли его к суду по обвинению в преступлении против религии. Представ перед судом, Клодий бесстыдно отрицал предъявленные ему обвинения, стараясь доказать, что в ту ночь находился далеко от Рима. Вызванный в суд Юлий Цезарь дал показание в пользу Клодия. В это дело вмешался Цицерон и засвидетельствовал, что за три часа до совершенного преступления Клодий был у него в доме. Только благодаря подкупу судей Клодия оправдали. С тех пор этот человек возненавидел Цицерона и только ждал случая отомстить ему.

Вскоре после этого трое самых влиятельных людей в Риме — Цезарь, Помпей и Красс — заключили союз, так называемый первый триумvirат. Цезарь был душой этого союза. После тщетных попыток привлечь на свою сторону Цицерона, триумвиры решили избавиться от наиболее влиятельных вождей партии оптиматов — Катона и Цицерона. Так, Цезарь сначала хотел просто удалить знаменитого оратора подальше от столицы, предложив ему отправиться командовать легионом в Галлию: Но Цицерон отказался.

Участь Цицерона решили триумвиры, и он был отдан в жертву своему врагу Клодию. (В это время Клодий был народным трибуном, и римская беднота видела в нем своего защитника.) Одним из первых законов, предложенных Клодием, был закон, направленный против Цицерона. Этот закон гласил: казнивший без суда римского гражданина должен быть изгнан. Клодий привлек Цицерона к суду за то, что тот когда-то приказал казнить без суда и следствия сторонников Катилины.

Великий оратор, облачившись в траурную одежду, обходил городские улицы, умоляя народ о защите. За ним следовали толпы молодых людей из числа всадников, вторя его мольбам. Цицерон обратился за помощью в сенат. В страхе перед Клодием сенаторы не решились прийти на помощь своему товарищу. Цицерону оставалось обратиться к самим триумвирам. Цезарь в это время находился в Галлии, Красс был явно враждебно к нему настроен, оставался один Помпей. Цицерон отправился к Помпею, но тот уклонился от свидания.

Тогда Цицерон обратился к своим друзьям. Одни предлагали ему остаться в Риме и бороться с врагами до конца, другие же советовали бежать, рассчитывая, что его пребывание в изгнании будет кратким. И вот Цицерон, столько раз выступавший, защищавший и обвинявший других, побоялся собственного процесса и решил бежать. Человек, которого еще недавно провозгласили «отцом отечества», вынужден был глубокой ночью тайно покинуть Рим и удалиться в добровольное изгнание.

После бегства Цицерона Клодий провел постановление об его изгнании и обнародовал декрет, по которому изгнанник должен был удалиться от столицы на 500 миль¹.

Цицерон отправился в Южную Италию. Оттуда он намеревался перебраться в Сицилию, жители которой помнили его по делу Верреса. Однако наместник Сицилии прислал ему письмо с просьбой не посещать остров. Огорченный Цицерон направился в Брундизий, чтобы оттуда проехать в Македонию.

Находясь в изгнании, Цицерон первое время совершенно пал духом: целые дни он сидел, устремив свой взор в сторону любимой родины. Несчастье, по-видимому, совершенно сломило этого человека.

Между тем в Риме Клодий разрушил дом Цицерона, сжег его виллы, разграбил часть имущества оратора. На месте разрушенного дома он велел построить храм Свободы. Попытка Клодия продать остальное имущество великого оратора с публичных торгов окончилась неудачей: к чести римского народа, не нашлось ни одного покупателя.

Ободренный успехами, Клодий набрал вооруженные банды из вольноотпущенников, рабов и гладиаторов. Этих людей он распределял по десяткам и сотням под начальством отчаянных головорезов. Из шаек образовались тайные общества в каждом квартале столицы, которые имели склады оружия и свой штаб. С помощью банд Клодий стал хозяином в Народном Собрании. Он щедро награждал своих сторонников и жестоко преследовал врагов. Уверенный в своих силах, Клодий обратился против триумвиров Помпея и Цезаря. К Помпею, говорят, он даже подослал убийцу. Тогда, решив, что Клодий зашел слишком далеко и стал опасен, сенаторы задумали вернуть из изгнания Цицерона. Помпей тоже стал на сторону друзей великого оратора.

Клодий, однако, с помощью банд делал все, чтобы помешать возвращению своего заклятого врага: он запугивал сенат и пресекал все попытки поставить в Народном Собрании вопрос о возвращении Цицерона. Один из консулов выступил в сенате за возвращение изгнанника, а народный трибун внес такое же предложение в Народном Собрании. Сенат постановил не утверждать ни одного решения и вообще не заниматься государственными делами, пока Цицерону не будет дана возможность вернуться. В конце концов Помпей с помощью солдат прогнал с форума банды Клодия, и народ единодушно принял решение вернуть знаменитого оратора. Сенат постановил за государственный счет восстановить его разрушенные виллы и дом.

Цицерон вернулся в Рим, проведя в изгнании 16 месяцев. Его возвращение было похоже на триумфальное шествие полковод-

¹ Римская миля равняется 1,5 км.

ца. Первый италийский горд Брундизий, где он вступил на италийскую землю, устроил в его честь праздника. Жители городов, расположенных вдоль знаменитой Аппиевой дороги, встречали Цицерона; со всех ближайших деревень сбегались люди с женами и детьми, чтобы только взглянуть на него. В Риме навстречу великому оратору вышли бесчисленные толпы народа.

В доме брата, где Цицерону пришлось остановиться, изгнанника приветствовали знатнейшие из сенаторов. Даже его давний недоброжелатель Марк Красс вышел к нему навстречу в знак примирения. Цицерон был очень доволен таким приемом и свои чувства выразил в таких словах:

— Мне кажется, что я не только возвращаюсь из изгнания, а восхожу на небо.

Между тем Клодий продолжал бесчинствовать. Но и противная сторона решила действовать его же оружием: народные трибуны Сестий и Милон набрали банды и почти ежедневно вели бои с людьми Клодия. В результате беспорядков выборы консулов и других должностных лиц не могли быть проведены. Такое положение прекратилось только тогда, когда Помпея избрали единоличным консулом, и он с помощью солдат разогнал банды. Во время одной из стычек трибун Милон убил Клодия. На его похоронах толпа народа в здании, где заседал сенат, из скамей и столов сенаторов воздвигла огромный костер и сожгла на нем труп своего вождя.

Убийца Клодия должен был предстать перед судом, и Цицерон взялся его защищать. Защита Милона являлась делом весьма опасным, так как разъяренная римская чернь угрожала отомстить за своего любимца.

Римский форум, где проходил суд, представлял необычайное зрелище: вокруг площади расположились вооруженные солдаты Помпея; ораторская трибуна и судейские места были окружены многотысячной толпой, которая то слушала затаив дыхание, то вдруг приходила в ярость. Цицерон прибыл на форум в закрытых носилках, чтобы не подвергнуться по пути оскорблениям со стороны толпы. Как только оратор поднялся на трибуну, из публики раздались дикие выкрики, вопли и угрозы. Защитник страшно перепугался, не мог говорить со своей обычной твердостью и проиграл дело. Милон был осужден и удален в изгнание.

Через некоторое время Цицерон отправился наместником в назначенную ему провинцию Киликию (в Малой Азии). По пути греки встречали его с почетом, и он мог убедиться, что слава о нем как об ораторе и писателе распространилась всюду.

Цицерон был образцовым правителем: он не давал римским откупщикам и купцам грабить местное население, был справед-

лив, неподкупен и легко доступен для всех, кто желал к нему обратиться. По истечении срока своих полномочий Цицерон, провожаемый благодарными киликийцами, отплыл в Италию.

По пути он останавливался на острове Родос и пробыл некоторое время в Афинах, вспоминая со своими старыми знакомыми годы учения в школе Аполлония.

Цицерон вступил на италийский берег во время грозных событий — началась война за власть между Цезарем и Помпеем. Великий оратор пытался примирить противников, настойчиво уговаривая их прийти к соглашению. Он предложил даже разрешить Цезарю заочно домогаться консульства, а Помпею, когда Цезарь будет избран, удалиться в Испанию. Под давлением оптиматов сенат отверг эти предложения и объявил военное положение. В ответ Гай Юлий Цезарь из Галлии, своей провинции, вторгся в пределы Италии. У Помпея в Италии было всего 2 легиона против 11 легионов Цезаря. Он счел поэтому в данный момент сопротивление невозможным, оставил Рим врагу, объявив набор в войска по всей Италии. Сенату и консулам Помпей приказал выехать в *Капуя*¹. Цицерон как член сената подчинился приказу главнокомандующего не без колебаний. В своих письмах Цицерон писал, что не знает, на какую сторону ему стать.

Помпей, вяло и нерешительно организовавший оборону, в конце концов покинул Италию. Цицерон не последовал за ним, а остался в своем имени. Цезарь прислал ему письмо, советуя присоединиться к нему. Если же он отказывается, то пусть тогда едет в Грецию и живет там спокойно, ожидая дальнейших событий.

Захватив Италию, Цезарь отправился в Испанию против находившейся там армии Помпея. После его отъезда Цицерон отплыл к Помпею, где его встретили с радостью. Однако претор Марк Порций Катон высказал мнение, что Цицерону для блага отечества лучше бы оставаться в Риме. Теперь же он стал врагом Цезаря и без всякой нужды подвергается величайшей опасности. Помпей не давал Цицерону никаких важных поручений, и тот ходил по лагерю угрюмый и печальный, ворча и критикуя распоряжения главнокомандующего. В конце концов Помпей решил избавиться от Цицерона и Катона, отправив их в Диррахий.

Великий оратор не принял участия в битве при Фарсале. Помпеянцы предложили Цицерону, как бывшему консулу, командовать флотом и остатками разбитой армии. Он отверг это предложение и вообще отказался от дальнейшего участия в войне. Цицерон считал, что после Фарсальской битвы дело Помпея про-

¹ *Капуя* — город в италийской области Кампания.

играно и следует заключить почетный мир. Сын Помпея со своими друзьями, обвинив великого оратора в измене, хотел его убить. Цицерон спасся только благодаря вмешательству Марка Катона, а затем бежал из лагеря.

После этого Цицерон высадился на италийский берег в Брундизии и жил здесь некоторое время до возвращения Цезаря из Египта и Азии. Наконец, пришло известие, что Цезарь высадился в *Таренте*¹ и идет к Брундизию. Цицерон поспешил ему навстречу. Цезарь милостиво приветствовал его и с тех пор не переставал оказывать ему знаки уважения и благосклонности.

Во время диктатуры Цезаря Цицерон отошел от общественной деятельности, посвятив все свое время научным и литературным занятиям. Изредка приезжал он в город, чтобы приветствовать Цезаря и произнести в его присутствии речи в защиту сторонников Помпея. В речах великий оратор иногда кривил душой, допуская неумеренные похвалы диктатору.

В этот период к печали о гибели республики, многих друзей и соратников у Цицерона прибавились еще и семейные неприятности: ему пришлось разойтись с женой Теренцией, с которой он прожил много лет. Материальное положение Цицерона было очень тяжелым — его обременяли большие долги. Для того чтобы уплатить неотложные долги, ему приходилось делать новые займы. В надежде выйти из затруднения, престарелый оратор решил вновь жениться на богатой девице, чтобы с помощью ее приданого расплатиться с кредиторами. Вскоре после этого Цицерона постигло новое несчастье — умерла его любимая дочь.

Между тем против Цезаря был составлен заговор, во главе которого стояли Брут и Кассий. Диктатора убили 15 марта 44 г. до н. э. Цицерон, хотя и имел самые дружеские отношения почти со всеми заговорщиками, не был посвящен в их замыслы. Сразу же после убийства Цезаря великий оратор вернулся к политической деятельности и стал во главе сенатской партии.

Заговорщики, достигнув успеха, не сумели тотчас же захватить власть: они колебались, не зная, каково настроение народа и солдат Цезаря. Обе партии — сенатская и цезарианская находились в состоянии полной растерянности.

Через два дня собрался сенат и по предложению Цицерона помиловал убийц Цезаря, но вместе с тем утвердил и все распоряжения покойного диктатора.

Воспользовавшись всеобщим замешательством, консул Антоний, один из ближайших помощников Юлия Цезаря, завладел его завещанием, а также государственной казной. Цезарь завещал огромные суммы для раздачи римскому народу и назначил своим наследником внучатого племянника Октавиана.

¹ *Тарент* — город на юге Италии на берегу Тарентинского залива.

На похороны Цезаря собрались огромные толпы людей. Консул Антоний произнес речь, показав народу окровавленную тогу Цезаря, всю исколотую кинжалами убийц. Возбужденные люди бросились поджигать дома заговорщиков. Волнения продолжались несколько дней. Многие из противников Цезаря были осаждены в своих домах и в конце концов бежали из Рима.

Цицерон, опасаясь беспорядков, выехал из столицы, отправившись в свое имение близ города ПUTEОЛ (в Кампании). Сюда же съехались представители цезарианской и сенатской партий. Через некоторое время оратор вновь возвратился в столицу.

Между тем Антоний, набрав из ветеранов Цезаря отряд в 6000 человек, стал хозяином Рима. Он намеревался отнять у одного из заговорщиков — Децима Брута — его провинцию — альпийскую Галлию. Владая ею, можно было держать всю Италию и Рим под угрозой.

В этот момент прибыл в Рим 18-летний наследник Цезаря — Октавиан. Он объявил, что принимает наследство Цезаря (уже частично расхищенное Антонием) и обязуется немедленно выплатить народу завещанные диктатором деньги. Щедро раздавая обещания, молодой человек набрал из бывших солдат Цезаря войско, чтобы, как он говорил, добиться наследства и отомстить убийцам. Со своими сторонниками Октавиан призывал народ на форуме и на улицах Рима выступать против консула Антония, обвиняя его в измене Цезарю и в задержке уплаты денег простому люду по завещанию.

Цицерон выступил в этот момент против Антония. В своих речах¹ он заявлял, что тиран пал, а тирания до сих пор живет. Обращаясь к Антонию, оратор сказал:

— Я презрел мечи Катилины, не усташусь и твоих мечей; я готов пожертвовать собой ради свободы республики.

Между тем Октавиан предложил Цицерону и сенатской партии набранные им отряды для борьбы с Антонием. Великий оратор с радостью согласился. Он рассчитывал, что юноша в его руках станет послушным орудием. Молодой человек, однако, очень ловко сыграл на слабости Цицерона — тщеславии, уверив оратора, что во всем будет следовать его советам. Против Антония сенатом было послано войско во главе с новыми консулами. Молодому Октавиану предоставили знаки преторской власти. При Мутине (в Северной Италии) Антоний был разбит и бежал. Октавиан во главе своих легионов вошел в Рим. Еще раньше он договорился с Антонием и Лепидом о разделе власти (этот сговор называют вторым триумвиратом). Триумвиры

¹ Эти речи называются «Филиппиками», так как по своей резкости напоминают знаменитые речи великого афинского оратора Демосфена против македонского царя Филиппа.

объявили, по примеру Суллы, проскрипционные списки лиц, которых решено было уничтожить. Под давлением Антония первым в этот список занесли Цицерона.

В это время великий оратор находился вместе с братом Квинтом в своем поместье неподалеку от Рима. Узнав об угрожающей опасности, братья решили отправиться в ближайший порт на Тирренском море. Оттуда они думали перебраться в Македонию к находящемуся там Бруту. По дороге Квинт решил вернуться, чтобы запастись продовольствием, а Цицерон продолжал путь один. Спустя несколько дней Квинт был схвачен и убит.

Цицерону удалось добраться до моря и благополучно сесть на корабль. Прибыв в *Кайэту*¹, где у него было имение, беглец остановился в своей вилле на отдых. Тут его настигли подсланные Антонием убийцы. Найдя двери дома запертыми, они взломали их и ворвались внутрь. Но Цицерона не оказалось в вилле, и слуги уверяли, что его не видели. Вдруг один из вольноотпущенников брата Цицерона указал людям Антония на нескольких человек, несущих носилки с оратором по направлению к морю. Убийцы побежали за ними. Цицерон, завидев бегущих, велел слугам опустить носилки на землю. Великий оратор спокойно смотрел в упор на своих преследователей.

Так 7 декабря 43 г. до н. э. на 64-м году от рождения погиб Цицерон.

¹ *Кайэта* — порт на Тирренском море в области Лациум.

Марк Брут

Римское государство раздирали гражданские войны, которые вели республику к гибели. Грозное восстание рабов под водительством великого Спартака, пламя освободительного движения в провинциях, неухаившая борьба свободной бедноты полностью расшатали старый государственный строй республики.

Римская конституция давно устарела и не устраивала больше широкие круги влиятельных рабовладельцев. Она строилась как основной закон города-государства. Но Рим уже перестал быть городом-государством, так как превратился в столицу огромной, могучей державы.

Сложно и нелегко было управлять из столицы отдаленными провинциями и областями, вассальными царствами и поселениями римских солдат. Требовались новые формы государственной власти, чтобы укрепить рабовладельческие порядки. Нужна была новая система управления государством, более соответствующая огромным размерам державы, чем старая, обветшавшая республика.

Единственной силой, способной укрепить рабовладельческий строй, являлась армия. Выходом из непрерывных гражданских войн могла быть только военная диктатура. Римское государство должно было принять форму военной диктатуры.

Военные правители — наиболее могущественным из них был Юлий Цезарь — стремились сломить мощь старой сенатской аристократии — оптиматов, защищавших отжившую аристократическую республику. Для укрепления своей власти военные диктаторы охотно и широко заигрывали с демократическими кругами Рима. Цезарь считался вождем популяров — народной партии свободной бедноты. С их помощью он громил аристо-

кратический сенат. Одновременно диктатура железной рукой подавляла движение свободной бедноты и, чтобы ствлечь народ от политики, подкупала его пирами, зрелищами и пышными празднествами.

Неутомимый противник Цезаря, защитник республиканских свобод Марк Юний Брут был одним из виднейших деятелей партии оптиматов. Он был потомком знаменитого Юния Брута, по преданию поднявшего народ против последнего римского царя Тарквиния Гордого. После изгнания Тарквиния Юний Брут стал консулом Римской республики (509 г. до н. э.). На этом высоком посту он прославился силой воли и редким мужеством. Когда был раскрыт заговор против республики, в котором участвовали двое его сыновей, Брут подавил в себе отцовскую любовь и повелел казнить виновных юношей. Сурово взирал он на то, как ликторы схватили молодых людей и обезглавили их. Безопасность государства была для Брута выше отцовской любви.

Пример славного предка, из ненависти к тирании казнившего своих сыновей, всегда славился в семье Марка Юния Брута. Мать его, Сервилия, была внучкой Ливия Друза, известного вождя оптиматов и противника Гая Гракха. Философ Катон Младший, покончивший жизнь самоубийством, когда погибла республика и победил Цезарь, был братом Сервилии.

Сервилия гордилась семейными преданиями о подвиге ее предка Сервилия Агалы, который бесстрашно заколол Спурия Мелу, стремившегося свергнуть республику и стать тираном (439 г. до н. э.). Ненависть к тирании была у Брутов в крови. Они были наследственными сторонниками оптиматов.

Марк Юний Брут получил прекрасное образование в греческом духе. Он хорошо знал труды греческих философов. Блестящие способности позволили Бруту в совершенстве овладеть литературным латинским языком. Он сочинял стихи, был великолепным оратором, причем, по обычаю того времени, торжественные и судебные речи он предварительно записывал, тщательно обрабатывая слог и стиль.

Свободно и красиво Брут писал и говорил по-гречески.

Юношей Брут принял участие в экспедиции своего дяди Катона на Кипр, принадлежавший царю Египта. Рим стремился захватить этот богатый остров. Брут прсвел здесь 3 года, помогая дяде в управлении островом.

Уехав с Кипра, Брут посетил Афины, где усердно изучал труды греческих философов. Затем он занял пост квестора в римской провинции Киликия (Малая Азия). Его состояние к этому времени еще более возросло: он занимался ростовщичеством, и среди его должников были царьки малоазийских го-

сударств. Он вернулся в Рим (52 г. до н. э.) одним из самых богатых людей в государстве.

Когда вспыхнула новая гражданская война и Помпей и Цезарь скрестили оружие, можно было ожидать, что Брут присоединится к Цезарю. Ведь отец Брута — его тоже звали Марк Юний, — народный трибун, участвовал в борьбе против Суллы и был убит по приказу Помпея, который тогда поддерживал аристократов — сулланцев. Однако Брут примкнул к убийце отца. Все, кто знал Брута, были поражены этим поступком, но для Брута защита дела Помпея была обороной республики против тирана, и он считал это дело выше личных обид.

Брут подчинился Помпею, в котором видел вождя родины, и отбыл в Малую Азию для выполнения его поручения. В Киликии Брут в короткий срок собрал крупные силы: он сформировал легион пехоты, снарядил мощный флот, собрал большие запасы оружия и скопил много денег в казне. Он привел собранные им войска в Македонию, где располагались главные силы Помпея. Вскоре подошла армия Цезаря.

9 августа 48 г. до н. э. оба войска встретились в Фессалии у города Фарсалы. Сражение закончилось разгромом войск Помпея.

Армия Помпея погибла, а он бежал к морю и вскоре был убит при попытке высадиться в Египте.

Брут, как и многие уцелевшие от разгрома помпеянцы, укрылся в фессалийском городе Ларисе. Отсюда он написал Цезарю, и тот немедленно пригласил его к себе. Брут прибыл в лагерь победителя и был встречен с почетом. Цезарь ласково принял Марка Юния и предложил ему высокий пост. Почести, оказанные Бруту, изумили и его друзей, и врагов. Говорили, будто этот почет объясняется тем, что Брут — внебрачный сын Цезаря, но подтверждений этим слухам никто не мог привести.

Брут поступил на службу к Цезарю, заняв место легат-правителя провинции Цисальпийская Галлия. Обаяние сильной личности Цезаря, его острый ум, обширные знания и железная воля покорили Брута, и он честно служил своему недавнему врагу. Вскоре Брут сдал управление Цисальпийской Галлией и при покровительстве Цезаря был избран претором. Цезарь обещал поддержать его кандидатуру в консулы. Диктатор осыпал его дарами и открыто выражал ему любовь и доверие. Брут становился в Риме вторым человеком после Цезаря.

Власть Цезаря все возрастала. Он сделался пожизненным трибуном и обладал полномочиями цензора, что позволило ему назначать сенаторов по своей воле из числа преданных ему офицеров. Цезарь носил постоянный титул — императора — верховного командующего римской армией (обычно полководец

слагал титул императора после триумфа). Он имел право объявлять войну, распоряжаться казной. Статуи Цезаря помещались рядом с изваяниями богов. Он появлялся в пурпурной тоге, подобно древним римским царям. Никто не удивился, когда в 44 г. до н. э. распространились слухи о том, что сенат предложит Цезарю царскую корону. Такой огромной власти, как Цезарь, не имел никто из царей древних держав.

Но не все склонились перед всевластным диктатором. Было немало недовольных Цезарем. Еще больше имелось сторонников олигархической республики, а также тех, кто считал себя обиженным Цезарем и искал возможности отомстить ему.

Зима 45/44 г. до н. э. приближалась к концу, когда в глубокой тайне созрел заговор на жизнь Цезаря. Заговорщиков было несколько десятков, главными из них были Кассий и... Брут.

Не сразу склонился Брут на сторону заговорщиков. Он долго верил в Цезаря, не видел или не замечал, что его покровитель раздавил республику и установил военную диктатуру, беззастенчиво используя высшую власть в личных интересах.

Рассказывают, что Кассий, товарищ Брута по претуре, услышав, что Цезаря собираются провозгласить царем, положил свою руку на плечо Брута и спросил его: «Что мы будем делать в сенате, если льстецы Цезаря предложат объявить его царем?» Брут на это ответил, что он не явится в сенат.

Кассий вновь задал вопрос: «А что мы сделаем, славный Брут, если нас позовут в сенат, как преторов?» «Я,— ответил Брут,— буду защищать свободу отечества до своей смерти». Кассий обнял товарища и открыл ему тайну о существовании заговора.

Колесания Брута кончились. Всей душой он отдался делу защиты республики от тирана, вербуя новых участников заговора. Более 60 сенаторов согласились отдать свои силы для уничтожения тирана.

Заговорщики решили убить Цезаря в сенате в день мартовских ид, когда сенаторы, как всегда, собирались на заседание.

В носилках появился Цезарь. Шесть силачей-рабов сняли носилки с плеч, и диктатор сошел на землю. Он направился к своему креслу. Заговорщики стеной окружили диктатора, и один из них обратился к Цезарю с просьбой вернуть из ссылки брата. Цезарь ответил отказом. Тогда на диктатора посыпались удары кинжалов.

Истекая кровью, Цезарь пытался пробиться сквозь толпу убийц. Вдруг он увидел Брута, поднявшего кинжал. «И ты, Брут?» — воскликнул Цезарь. Это были его последние слова. Диктатор упал мертвым у подножия мраморной статуи своего врага Помпея.

Сенаторы в ужасе бежали. Убийцы с окровавленными кинжалами бросились на улицы столицы с возгласами о том, что они уничтожили царя и тирана. Они призывали граждан восстановить поправленную Цезарем свободу и напоминали римлянам о подвиге Брута, казнившего сыновей за измену.

Кассий и Брут обратились на форуме с речью к народу, призывая его поступить подобно предкам, изгнавшим Тарквиния Гордого и установившим республику. Но жители Рима не были на стороне убийц Цезаря. Многие не понимали, чего хотят заговорщики. Иные опасались народных волнений. Сенат не согласился объявить Цезаря тираном и благодарить его убийц. По предложению Цицерона сенат решил оставить в силе все законы и решения Цезаря, но не наказывать его убийц.

Цезарю были устроены за счет государства пышные похороны. Было объявлено завещание Цезаря, по которому римский плебс получал по 300 сестерциев на человека, а огромные сады Цезаря за Тибром передавались народу. Щедрость Цезаря изменила настроение римлян. Заговорщики не могли рассчитывать на поддержку народа.

Убийцы ничего не добились. Они устранили Цезаря, но не смогли восстановить республику. У власти остались цезарианцы. Во главе их стоял близкий к Цезарю честолюбивый и опытный военачальник Марк Антоний. Это был храбрый, горячий, но нерешительный человек. Вторым из вождей цезарианцев был Марк Эмилий Лепид, начальник конницы (помощник диктатора) при Цезаре. Третьим был молодой племянник Цезаря Октавиан. Три вождя составили правительство (второй триумвират), разделив между собой власть (43 г. до н. э.).

Брут и Кассий бежали в Грецию. Брут проявил замечательные способности полководца и правителя. В короткое время он возглавил силы, борющиеся за республику. Сирия, Малая Азия, Греция были за него. К нему отовсюду стекались бывшие солдаты и офицеры Помпея. Царьки Малой Азии присылали Бруту деньги и оружие.

Еще недавно Брут и Кассий покинули Италию беглецами, без денег, без оружия, не имея ни одного корабля, ни одного воина, ни одного города на своей стороне. А через несколько месяцев у них был отлично снаряженный флот, пехота, сильная конница, богатая казна и обширная территория на востоке Римского государства.

Несмотря на несоответствие характеров обоих вождей республиканцев — Брута и Кассия, они стлично ладили друг с другом. Кассий был суров, даже жесток к подчиненным и безжалостен к врагу. В кругу друзей, однако, он любил веселую шутку. Брута же уважали даже враги за прямоту, великодушные, незлобивость и честность.

Кассий захватил остров Родос и беспощадно расправился с жителями, противившимися республиканцам. «Я не царь и не властелин,— ответил он побежденным,— я убийца и судья царя и властелина!» Он этим хотел сказать, что родосцам нечего ожидать пощады от того, кто не пощадил Цезаря. А Брут при штурме мятежного города Ксанфа (в Ликии) обещал награду своим войнам за каждого спасенного жителя горящего города. Город Патары (тоже в Ликии) сдался Бруту без сопротивления после того, как он без выкупа отпустил попавших в плен жен и дочерей знатных патарцев.

После этого успеха Брут писал жителям еще не подчинившегося ему острова Самоса: «Ксанфяне, отвергнув мое благоволение, безумно превратили родину в могилу. Патарцы, доверившись мне, сохранили свободу. Выбирайте!» Самосцы, получив это письмо, достойное древних спартанцев, сдались Бруту.

Когда в руки республиканцев попал убийца Помпея Феодот, он был по приказу Брута предан жестокой и заслуженной казни. Брут и Кассий собрали свои силы в Македонии у города Филиппы. Между тем триумвиры накапливали силы для разгрома республиканцев. Антоний и Октавиан привели верные им легионы в Македонию.

Войска Антония и Октавиана расположились лагерем неподалеку от республиканцев.

У триумвиров и их противников было по 19 тыс. тяжело вооруженных пехотинцев. Брут и Кассий превосходили противника в коннице — у них было 20 тыс. всадников. Триумвиры имели 13 тыс. конницы.

Обе армии стояли друг против друга в бездействии. Республиканцы не хотели решительной битвы, рассчитывая, что войско врага сдастся из-за голода после того, как оно будет отрезано от снабжения.

Однако Антоний и Октавиан сумели навязать республиканцам сражение.

Силы противников разделяло обширное болото. Антоний задумал преодолеть его и зайти в тыл к врагу. Ежедневно на виду у неприятеля Антоний проводил смотр своим войскам, а тем временем часть воинов день и ночь строила насыпь на болоте для прохода легионов. Через десять дней насыпь была построена, и по ней ночью без шума двинулись колонны войск. Силы Кассия оказались в окружении.

Кассий был умный и опытный военачальник и немедленно принял ответные меры. Его солдаты быстро соорудили стену поперек всего болота и заняли ее. Легионы Антония теперь сами находились в окружении.

Взбешенный неудачей, Антоний бросил отрезанные легионы на штурм стены, занятой врагом. Видя подходящих к стене

солдат Антония, республиканцы, не ожидая приказа, бросились в бой. Так Антоний навязал неприятелю сражение при Филиппах.

Солдаты Антония были отброшены. Тем временем Брут разгромил Октавиана и ворвался в его лагерь. Республиканцы торжествовали. Разнесся слух о том, что убит Октавиан. Нашлись даже очевидцы этого события. Но слух оказался ложным, и радоваться было рано.

Антоний сумел быстро перестроить свои легионы и лично повел их на штурм стены. Яростный натиск увенчался успехом — стена была взята и солдаты Антония с победными кликами ворвались в лагерь Кассия.

Так Брут занял лагерь Октавиана, а Антоний овладел лагерем Кассия. Сам Кассий, считая, что все погибло, бежал в Филиппы. Совершенно подавленный, он увидел густое облако пыли. Это скакал отряд, посланный Брутом, чтобы возвестить о победе над Октавианом. Кассий послал своего офицера Титиния выяснить, что за всадники несутся к Филиппам. Конники радостно встретили Титиния, но Кассий, видя смтение в отряде, решил, что верный Титиний попал в руки врагу. В отчаянии Кассий бросился на меч своего оруженосца.

Брут, узнав о поражении Кассия, поспешил к нему и нашел своего друга мертвым. Он оплакивал соратника, назвав его «последним римлянином, ибо в Риме уже не будет другого человека, равного Кассию величием духа». Затем Брут ободрил приунывших воинов Кассия, обещав каждому крупную денежную награду и заверив их, что победа близка. И, в самом деле, она была близка, но Брут ее упустил.

Брут занялся восстановлением лагеря Кассия. Республиканский полководец решил не штурмовать вражеских позиций, пока не будут собраны силы Кассия. Это решение было ошибкой. Многие солдаты и командиры Кассия были недовольны тем, что ими командует Брут. Дисциплина в войске республиканцев упала, многие не верили в победу.

Для многочисленных пленных требовалась большая охрана. Тогда Брут решил отпустить тех пленных, кто родился свободным, но захваченных рабов приказал заколоть. Ведь рабы не считались людьми. Воинам Кассия Брут выдал обещанное вознаграждение и заявил, что после победы отдаст им на разграбление два больших города. Эти жестокие и позорные деяния легли пятном на доброе имя Брута.

Солдаты триумвиров терпели невзгоды. Они страдали от голода, так как отряды Брута затрудняли подвоз продовольствия врагу. Близилась зима, шли холодные дожди. Упавшее духом войско узнало о несчастье на море. Большой флот, плывший из Италии с пополнением для триумвиров, был полностью

уничтожен кораблями Брута. Эта весть заставила триумвиров поспешить с битвой, пока Брут не узнал о своей удаче.

Пасмурным утром ноябрьского дня 42 г. до н. э. войско республиканцев стало строиться в боевые порядки. Брут все не отдавал приказ об атаке. Он был неузнаваем. Колебания и неуверенность терзали его душу, ибо он видел, что многие республиканцы перебегают к врагу. Брут перестал доверять даже близким друзьям. Уже наступал вечер, когда он поднял руку, и его войско пришло в движение. Так началась вторая битва при Филиппах.

Брут бросил левый фланг в атаку и сам повел своих солдат. Противник был быстро смят и отступал. Но правое крыло Брута оказалось слабым: оно не выдержало удара врага и стало отступать. Отряд Брута попал в окружение и почти весь был уничтожен.

Брут сражался с присущим ему мужеством. Но его солдаты бились уже не так, как прежде: они позорно бежали или сдавались. Лучшие соратники Брута пали с мечом в руке. Один из его друзей, доблестный Луцилий, увидел, что всадники врага мчатся к Бруту. Он решил спасти друга и поскакал наперерез конному отряду, заявив командиру отряда, что его зовут Марк Юний Брут и что он сдается на милость Антония. Обрадованные воины с торжеством отвели мнимого Брута в шатер Антония. Сохраняя полное спокойствие, Луцилий сказал: «Антоний, никто еще не взял в плен Марка Брута — и не возьмет его. Я обманул твоих солдат и готов за это претерпеть любые муки». Присутствующие были поражены мужеством и самообладанием Луцилия. К их удивлению, Антоний обратился к ним со словами: «Вы овладели добычей лучше той, которую искали. Вы искали врага, а приобрели друга. Клянусь богами, я не знаю, что бы я сделал с Брутом, попади он ко мне в руки живым. А такие мужи, как этот, лучше пусть будут мне друзьями, чем врагами». Он обнял Луцилия. Впоследствии Антоний имел в лице Луцилия верного и преданного друга.

Наступила ночь. Брут с немногими друзьями и соратниками вышел невредимым из битвы. Он перешел реку и долго в глубоком раздумье сидел под скалой.

Затем он приказал друзьям позаботиться о своем спасении и заколол себя, бросившись на меч. Так погиб Марк Юний Брут.

Потомки видели в нем героя борьбы за свободу, и его имя осталось таким в памяти народов, хотя он и сражался за обреченное дело олигархической республики в эпоху, когда история вынесла свой приговор и Рим на столетия подчинился военным самодержцам — императорам.

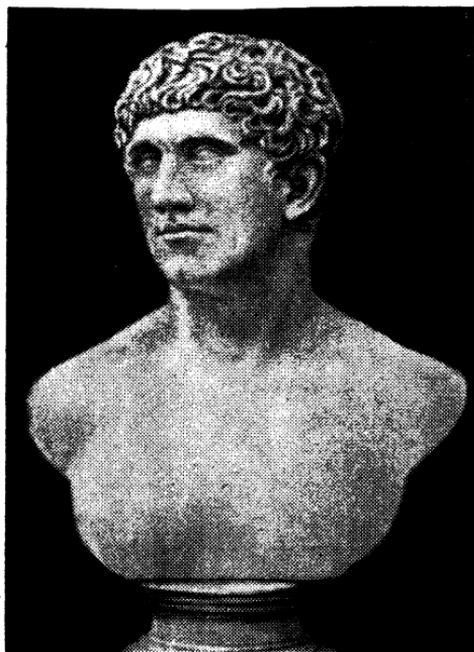
Антоний

Знаменитый полководец и государственный деятель Марк Антоний родился в 82 г. до н. э. в старинной аристократической римской семье. Его дед, сторонник Суллы, был убит Марием. Отец Антония ничем особенно не выделялся и был, по-видимому, человеком заурядным. Он получил в насмешку прозвище «Критского» за неудачное ведение военных действий на острове Крит. Мать будущего полководца, Юлия, была родственницей Юлия Цезаря.

Антоний провел бурную молодость, предаваясь кутежам и пьянству. Это обстоятельство привело к тому, что молодой Антоний наделал массу долгов. Когда об этом узнал его отец, то выгнал сына из дома.

Затем Антоний примкнул к народному трибуну Клодию, который со своими вооруженными бандами хозяйничал в Народном Собрании и на форуме. Вскоре, однако, молодой человек оставил его и уехал в Грецию для изучения риторики. Пробыв некоторое время в Греции, Антоний поступил на военную службу в качестве начальника конницы сирийского проконсула Габиния, который направил молодого офицера на подавление восстания в Иудее. В этом походе Антоний показал мужество и незаурядный талант полководца. При штурме одного из городов он первым поднялся на стену, увлекая за собой своих солдат. С небольшим отрядом легионеров Антоний разбил в несколько раз превосходящее его по численности неприятельское войско.

Египетский царь Птолемей XIII, изгнанный своими подданными, обратился к Помпею с просьбой о помощи. Гней Помпей приказал Габинию выступить с армией на помощь царю. Габиний охотно согласился, тем более что Птолемей предлагал за

Антоний

помощь огромную сумму денег. В поход отправился и Марк Антоний.

В этом походе Антоний, ушедший вперед с конницей, занял в устье Нила город Пелусий. В решительном сражении он смело зашел в тыл врага и тем завершил разгром противника. Гуманностью и милосердием молодой полководец привлек на свою сторону симпатии александрийцев. Когда царь Птолемей хотел казнить всех пленных египетских повстанцев, Антоний не допустил этого. Труп главаря восставших Архелая он приказал отыскать и похоронить с почестями.

Уже в этом походе Антоний сумел завоевать любовь к себе соратников и

солдат. Он совсем не походил на сурового древнеримского полководца, привыкшего распоряжаться жизнью и смертью солдат. Молодой командир делил с легионерами все трудности походной жизни, ел вместе с ними из одного котла, пил много вина и не скупился на подарки.

После египетской войны Антоний через своего друга Куриона установил дружеские отношения с Юлием Цезарем и примкнул к его партии. Цезарь пригласил способного офицера в качестве одного из своих легатов в Галлию. Здесь под руководством такого полководца, как Цезарь, молодой военачальник прошел суровую школу военного искусства. Ему пришлось участвовать в многочисленных сражениях. Цезарь щедро наградил Антония из взятой в Галлии добычи, и тот вернулся в Рим богатым человеком.

В Риме Антоний был избран народным трибуном и вместе с Курионом развил энергичную деятельность в поддержку Цезаря. Когда один из консулов предложил отнять у Юлия Цезаря его легионы и передать их Помпею, Антоний наложил «вето» на это предложение. Затем, несмотря на запрещение сената, Антоний прочел примирительные письма Цезаря и предложил одновременно распустить войска обоих соперников — Цезаря и Пом-

пея. Большинство сенаторов с восторгом встретили речь Антония и стали требовать голосования. Но консулы не согласились с предложением. Цезарь был объявлен врагом отечества, а Антонию и его друзьям пришлось бежать из Рима под покровом ночи.

Вскоре Цезарь с войском перешел границу Италии, овладел Римом, а затем изгнал Помпея и его сторонников из страны. Отправляясь в испанский поход против Помпея, Цезарь оставил Антония во главе армии в Италии.

В Риме Антоний правил самовластно, и Народное Собрание стало в его руках послушным орудием. По возвращении Цезаря в Италию многие жаловались на действия Антония диктатору. Но тот не обратил внимания на жалобы и еще более возвысил своего любимца.

Затем Цезарь решил направиться в Македонию для решительного сражения с Помпеем. Ввиду отсутствия транспортных судов ему пришлось с незначительными силами без продовольствия и снаряжения пересечь Ионийское море. Антоний и Габиний с главными силами были оставлены в Брундизии, на италийском берегу.

Неприятельский флот блокировал Брундизий. Антоний в течение многих недель не мог выйти в море, и Цезарь, таким образом, был отрезан от своих основных сил. Если бы Помпей действовал энергичней, то он легко мог бы уничтожить небольшой отряд Цезаря и положить конец войне. Помпей, рассчитывая взять Цезаря измором, не нападал на него.

Только через несколько недель Антонию удалось обмануть бдительность вражеской эскадры. Часть своей армии он отправил на соединение с Цезарем сушей через Иллирию. Посадив остальное войско на корабли, Антоний внезапно напал на неприятельский флот, стоявший на якоре у входа в гавань Брундизия. Противник пришел в замешательство, и Антонию удалось буквально у него под носом выйти со своей эскадрой в открытое море. Весь вражеский флот бросился в погоню. В это время поднялся сильный ветер, который понес эскадру Антония прямо на скалы и мели. Сзади шли многочисленные неприятельские корабли. В тот момент, когда, казалось, спасенья нет, задул встречный ветер. Эскадра врага задержалась, и Антонию удалось, избежав рифы и мели, высадиться с четырьмя легионами севернее Диррахия (где стояли Цезарь и Помпей). Неприятельский же флот почти весь разбился о подводные скалы.

Обе враждебные армии направились к месту высадки — Помпей, чтобы разбить Антония, а Цезарь, чтобы соединиться с ним. Юлий Цезарь успел подойти к Антонию до подхода войск Помпея.

Во время кампании против Помпея Антоний отличился в многочисленных сражениях. В одной битве солдаты Цезаря дважды обращались в бегство, и только Антоний останавливал солдат, личным примером увлекая их на врага. В решительной битве при Фарсале Антоний командовал левым флангом цезарианцев. После победы Цезарь был провозглашен диктатором. Сам он двинулся преследовать Помпея, а Антония назначил начальником своей конницы, отправив его в Италию.

Антоний сделался на время отсутствия Цезаря полновластным хозяином Рима и Италии. Вскоре злоупотреблением властью, пьянством, непомерными кутежами и безобразным поведением он возбудил против себя недовольство среди образованных и богатых слоев населения столицы. Днем Антоний либо спал после ночных попоек, либо пьяный бродил по улицам столицы. Ночи он проводил в обществе пьяниц, в театре или на вечеринках среди актеров и шутов.

Антоний охотно делал долги, но не любил их платить. Однажды он купил дом, но когда с него стали требовать деньги, то отказался, разразившись бранью.

В это время другой видный сторонник партии Цезаря, народный трибун Долабелла, решил провести закон об отмене долговых обязательств. Он пытался уговорить Антония помочь ему в этом. Марк отказался, боясь задеть интересы ростовщиков. Долабелла во главе вооруженной банды занял форум, чтобы насильственным путем, подобно Катилине, провести закон. Сенат издал декрет с приказанием подавить мятеж силой оружия. Антоний после кровопролитной схватки на форуме подавил мятеж. Этим поступком он возбудил против себя ненависть простого народа, но не вернул расположение зажиточных слоев, которые не могли простить ему прежних злоупотреблений властью и безобразного поведения.

Цезарь после возвращения в Рим стал на сторону Долабеллы. Он выразил свое недовольство Антонием тем, что выбрал вместо него товарищем по консульству Лепида. Антоний тогда на время бросил свой беспорядочный образ жизни. Цезарь вскоре простил его, назначив товарищем по своему пятому консульству.

Аристократы, недовольные диктаторством Цезаря, решили убить его. Они хотели покончить и с Антонием, но один из заговорщиков, Брут, воспротивился этому, и тот был спасен.

Цезаря убили в мартовские иды на заседании сената. Аристократическая партия оптиматов ликовала, поздравляя себя с избавлением от тирана. Но заговорщики не успели договориться между собой, что им делать дальше. В конце концов решили обратиться к Антонию, чтобы он в качестве консула созвал сенат.

После убийства Цезаря Антоний отправился к его жене, чтобы завладеть его бумагами и наличными деньгами. Вдова диктатора, Кальпурния, выдала Антонию бумаги и деньги.

На заседании сената Антоний, чтобы выиграть время, вступил в соглашение с заговорщиками. Была объявлена амнистия (прощение) убийцам диктатора, но все его распоряжения, сделанные при жизни, сенат утвердил. Затем было вскрыто завещание Цезаря: диктатор назначал своим наследником усыновленного им внучатого племянника Гая Октавия (Октавиана), а для раздачи народу оставлял огромные суммы денег и большие сады за рекой Тибр. Воспользовавшись тем, что завещание расположило народ в пользу покойного диктатора, Антоний решил расправиться с заговорщиками.

Через несколько дней при огромном стечении народа были устроены торжественные похороны Цезаря. Антоний произнес похвальное слово покойному, потрясая окровавленной тогой убитого диктатора и призывая народ отомстить убийцам. Толпа пришла в дикую ярость. Люди с горящими факелами бросились поджигать дома заговорщиков, пытаясь взять их штурмом. Повстречав на улице одного из народных трибунов, толпа, приняв его за противника Цезаря, в одно мгновение разорвала на куски. Беспорядки продолжались несколько дней, общественная жизнь в городе была парализована. Заговорщики, спасая свою жизнь, бежали из столицы. За ними последовали, боясь волнений, Цицерон и множество оптиматов.

Между тем Антоний сообщил, что, разобрав бумаги Цезаря, он нашел в них списки назначенных диктатором на новый год должностных лиц и множество других распоряжений. Он, не стесняясь, вносил в списки какие хотел имена и фабриковал фиктивные распоряжения. Некоторых лиц он возвращал из изгнания или выпускал из тюрем, других назначал на различные должности (разумеется, за крупные взятки). При поддержке своих братьев¹ и не встречая сопротивления сената, Антоний стал теперь господином положения в Риме.

В этот момент в Рим прибыл 18-летний наследник Цезаря — Октавиан. Явившись к Антонию, молодой человек потребовал возвращения денег, взятых Антонием у вдовы диктатора. Кроме того, он заявил, что намерен, как только получит наследство, отдать римскому народу завещанные деньги. Антоний отказался выдать деньги, оскорбив Октавиана.

Тогда Октавиан стал настраивать народ против консула, обвиняя его в измене памяти Цезаря и в задержке выплаты народу денег, завещанных диктатором. Мало того, Октавиан перешел на сторону сената и убийц Цезаря. У молодого наследника Це-

¹ Один брат Антония был претором, другой — народным трибуном.

заря были теперь в распоряжении два взбунтовавшихся легиона Антония, которые он и предоставил в распоряжение сената для борьбы с консулом.

Цицерон, пользовавшийся в сенате большим влиянием, убедил сенат объявить Антония врагом отечества. Во главе армии, направленной против Антония, были поставлены выбранные на новый год консулы и Октавиан, облеченный знаками преторского звания.

Сражение сенатской армии с войсками Антония произошло при Мутине (в Северной Италии). Он был разбит, но оба новых консула пали в бою. Октавиан со своими легионами не решился следовать за противником. Преследование Антония начал один из убийц Цезаря — Децим Брут (которого Антоний осаждал в городе Мутине).

Смертельная опасность, угрожавшая Антонию, заставила его подумать о спасении, ему нужно было пробиться в Галлию, наместником которой являлся Лепид. Ускользнув от Брута, Антоний во главе измученной и утомленной армии перешел Альпы. В пути его легионерам пришлось испытать всевозможные лишения и голод. Чтобы показать пример солдатам, Антоний сам питался вместе с ними кореньями, ягодами, пил гнилую воду.

Армия Лепида состояла из семи бывших легионов Цезаря, которые помнили и любили своего прежнего командира. Прибыв к лагерю Лепида, Антоний расположился напротив него. Затем Антоний в траурной одежде отправился к солдатам Лепида, умоляя их сжалиться над ним, их старым соратником, и не поднимать против него оружия. Речи Антония тронули легионеров, и они обещали его поддержать. Через несколько дней Антоний с небольшим отрядом пришел в лагерь Лепида, и тому ничего не оставалось делать, как пойти навстречу желаниям войска и вступить в союз с Антонием. Антоний, объединившись с войском Лепида, во главе семнадцати легионов вступил в Италию.

Между тем Октавиан двинул свои легионы на Рим, и город был занят. Вождям оптиматов пришлось бежать. Наследника Цезаря тотчас же избрали консулом. Это был первый случай во всей многовековой истории Рима, когда высшую государственную должность занял 19-летний юноша.

Октавиан заставил Народное Собрание отменить амнистию убийцам Цезаря и заключил при посредничестве Лепида соглашение с Антонием, известное в истории под названием «второго триумvirата».

Став властителями Италии и западных провинций, эти три лица решили конфисковать имущество богатых граждан, чтобы пустить его на уплату жалованья солдатам. Триста самых состоятельных людей в Италии и политических противников триум-

винов были осуждены на смерть. Среди осужденных был и Цицерон — личный враг Антония.

Оставив Лепида управлять Италией и Римом, Антоний и Октавиан двинулись против Брута и Кассия — убийц Цезаря, которые собрали большую армию в Македонии. Решительная битва противников произошла у города Филиппы в Македонии.

Антоний двинулся против Кассия, Октавиан — против Брута. Октавиан был разбит Брутом, лагерь его разграблен, а сам он едва спасся, укрывшись в болоте. Антонию же удалось проникнуть в лагерь Кассия. Последний, находясь на холме, из-за тучи пыли не мог ясно разобраться в положении. Он решил, что Брут разбит, и, приняв за врагов приближающийся к нему отряд конницы, посланной Брутом с вестью о победе, приказал вольноотпущеннику убить себя.

Через несколько дней произошла вторая битва. Брут был разбит войсками Антония и покончил самоубийством. Помня, что во время убийства Цезаря Брут сохранил ему жизнь, Антоний устроил полководцу республиканской армии торжественные похороны.

После битвы Октавиан возвратился в Рим, чтобы разделить земли в Италии между солдатами. Антоний же во главе своей армии отправился в поход на Восток.

Антоний находился теперь на вершине славы и могущества: победа при Филиппах была делом его рук, и он получил в управление лучшие и самые богатые провинции.

На Востоке Антоний должен был восстановить порядок и нормальную жизнь, нарушенную войной, а самое главное — добыть как можно больше денег для уплаты жалованья солдатам.

В сопровождении толпы шутов, танцоров и музыкантов он предпринял путешествие по Азии, превратившееся в сплошное празднество. Когда, например, Антоний вступал в Эфес, изображая бога Диониса¹, впереди торжественной процессии шли женщины в одеждах вакханок², а мужчины и дети — в одеянии сатиров³ и панов⁴. Собрать на Востоке средства, за которыми его направили, Антонию не удалось: провинции были уже разорены поборами и насилиями Брута и Кассия, и на долю Антония пришлось больше почестей и празднеств, чем денег.

В киликийском городе Тарсе произошло событие, которое имело роковые последствия для всей последующей жизни Антония: там ему встретилась знаменитая египетская царица Клеопатра.

¹ Дионис — бог виноделия.

² Вакханка — жрица греческого бога вина Диониса-Вакха.

³ Сатир — у древних греков одно из лесных божеств.

⁴ Пан — бог лесов и рощ у древних греков.

Клеопатра

Она приплыла к городу по реке на корабле с вызолоченной кормой, с пурпурными парусами и серебряными веслами. Весла погружались в воду под звуки флейт. Царица возлежала под золотым балдахинном, одетая, как богиня *Афродита*¹. По сторонам ее стояли мальчики с опахалами. Красивые рабыни в одежде *нерейд*² стояли у руля, другие — возле снастей. Берега реки были усеяны толпами народа, собравшегося посмотреть на это необычайное зрелище. Восхищенные люди верили, что это сама богиня *Афродита*.

Чтобы приветствовать царицу, Антоний отправился к ней и был встречен со сказочной пышностью.

Царице Клеопатре исполнилось 29 лет. Она не отличалась ослепительной красотой, но в ней прекрасно сочетались незаурядный ум и образованность. В ее голосе было что-то похожее на чудесный музыкальный инструмент, которым она владела в совершенстве. Антония она очаровала. Он не только простил царице помощь, которую она оказывала Кассию, но и утвердил ее власть в Египте, обещая зимой приехать в Александрию.

Прибыв в Александрию, Антоний тотчас занялся приготовлениями к походу против парфян. Разбирая бумаги, доставшиеся ему после смерти Юлия Цезаря, Антоний нашел разработанные планы войны против парфянского царства. Антонию, как и Цезарю, завоевание этой сказочно богатой страны было необходимо для упрочения собственной власти. Но осуществление грандиозных замыслов требовало огромных средств, которые не могли дать уже разоренные провинции. Помощь Антонию предложила Клеопатра в обмен на союз с Египтом, который в то время был очень богатой страной.

Еще до окончания переговоров с Клеопатрой Антоний получил два неприятных известия: первое о том, что его жена Фульвия и брат Луций начали в Италии войну против Октавиана, но потерпел поражение, бежали; второе — о вторжении парфян в Сирию и Финикию.

С флотом, состоящим из двухсот кораблей, Антоний направился в Италию. В Брундизии произошло свидание между двумя триумвирами и было заключено новое соглашение. Октавиан по-

¹ *Афродита* — богиня любви и красоты.

² *Нереиды* — морские нимфы (русалки), дочери старца Нерея.

лучил в управление Италию и все западные провинции, а Антоний — восточные. Для скрепления союза Антоний должен был жениться на сестре Октавиана — Октавии. (Первая жена Антония — Фульвия — умерла.) После этого триумвиры заключили союз с сыном Помпея Великого — Секстом Помпеем, который владел Сардинией и Сицилией.

Антоний мог теперь начать войну с Парфией, и для этого он отправился в Грецию собирать деньги для похода. Когда он еще находился в Греции, парфяне снова вторглись в Сирию, но один из легатов Антония нанес им страшное поражение. В битве пал парфянский главнокомандующий, сын царя. Теперь Антоний мог с гордостью заявить, что отомстил за поражение Красса.

Между тем пятилетний срок триумvirата истекал. Оба триумвира договорились в *Таренте* (Южная Италия) о возобновлении союза. Антоний уступал Октавиану 120 кораблей для борьбы с Секстом Помпеем, а получал взамен 21 000 солдат. Антоний возвратился в Сирию, по пути отослав свою жену Октавию с детьми в Италию. Затем вызвал Клеопатру в Сирию и, ко всеобщему изумлению, заключил с нею в *Антиохии*¹ брак, став царем Египта. Теперь в его распоряжении находились огромные средства, необходимые для парфянского похода.

Отправив Клеопатру в Египет, Антоний выступил из Сирии в Армению. По дороге к нему присоединилось вспомогательное войско армянского царя. Со стотысячной армией римскому полководцу предстоял трудный и далекий путь по пустынной и безводной местности. На эрзерумской горной равнине (в Армении) войску был устроен смотр, а затем оно по двум дорогам двинулось к мидийской границе. Осадные орудия (в том числе огромный стенобитный таран длиной в 26 м) на трехстах телегах под охраной пехоты и кавалерии армянского царя были отправлены по более легкой, но дальней дороге. Сам же Антоний с основными силами выступил кратчайшим путем на *Атропатену* — столицу Мидии, опередив на несколько дней прибытие осадного парка. Последующие события показали, что Антоний совершил ошибку, не дождавшись метательных и стенобитных машин.

Подойдя к столице, римляне принялись сооружать лагерь. Между тем парфянский царь внезапно напал с огромными силами конницы на охрану осадных машин. Римляне храбро сражались, но были разбиты, а весь осадный парк уничтожен врагом. В бою погибло до десяти тысяч римских солдат.

От этой неудачи Антоний не впал в уныние. Он делал попытки вызвать врага на сражение, чтобы в открытом бою его уничтожить. Но все уловки Антония оказались тщетными.

¹ Город в Сирии.

Пришлось вернуться к осаде города. Но так как без осадных машин ничего сделать было невозможно, то оставалось взять противника измором. Между тем царь Парфии, видя упорство врага, пустился на хитрость: парфяне стали распространять среди усталых римских легионов слух, будто бы они готовы заключить почетный мир, если Антоний прекратит войну. Затем парфянский царь предложил римскому полководцу беспрепятственно уйти, обещая не беспокоить его в пути.

Учитывая, что армия измучена и не может выдержать зимней кампании под стенами хорошо укрепленного города, Антоний вынужден был отступить. Но не доверяя парфянам, он решил вести войско по дороге, недоступной для конницы противника. В этом положении Антоний доказал еще раз свой замечательный талант полководца. Он ободрял воинов словами, вдохновлял личным примером, наравне с простыми солдатами разделял лишения, голод, холод и жажду.

На третий день отступления, когда Антоний подошел к большой реке, парфянская конница внезапно атаковала римлян. Те стойко выдержали нападение и после жестокой схватки обратили противника в бегство. Между тем в римской армии начался голод. Положение стало настолько тяжелым, что Антоний, не желая попасть живым в руки врага, приказал вольноотпущеннику убить себя в случае крайней опасности.

Однако поход окончился благополучно. Дойдя до реки Аракс, Антоний переправился на другой берег во главе своих легионов. Теперь римляне находились на дружественной земле. Героическое отступление продолжалось 24 дня. Антоний спас армию от разгрома ценой потери 24 тысяч легионеров и 4 тысяч всадников. Он решил, насколько возможно, дольше скрывать неудачи и послал в сенат донесение о победе. Вскоре, однако, до Рима дошли слухи об истинном положении вещей.

Оставив в Армении большую часть своей армии, Антоний вернулся в Сирию. Сюда пришли важные известия из Италии: Октавиан разбил флот Секста Помпея, легионы Секста сдались Лепиду. Последний, оказавшись во главе 22 легионов, потребовал от Октавиана уступки Сицилии и других провинций, которыми он управлял в начале создания триумvirата. Октавиану удалось восстановить против Лепида его солдат. Он был лишен власти и только по милости Октавиана избежал казни. Так второй триумvirат прекратил свое существование.

Октавиан хотел разведать намерения Антония. Для этого он послал к нему его жену Октавию, дав понять, что он, Октавиан, не желает разрыва родственных связей между ними. Пусть Антоний открыто объявит, кто его настоящая жена — Октавия или Клеопатра. Антоний должен был или пойти на открытый разрыв

с Октавианом, или расторгнуть свой союз с Египтом, признав Октавию в качестве законной супруги.

Между тем Клеопатра, узнав, что Октавия едет оспаривать у нее Антония, притворилась в него влюбленной. В присутствии Антония глаза ее светились радостью, когда же тот уходил, они были полны страдания и грусти. Окружающие Антония люди Клеопатры упрекали его, называя бессердечным человеком, который способен извести несчастную женщину, живущую только ради него.

В конце концов Антоний поддался на уловки Клеопатры и написал Октавии, чтобы она не выезжала из Афин к нему навстречу, ибо он предполагает выступить в новый поход против парфян.

Антоний действительно собирался предпринять новый поход в Парфию, но по совету Клеопатры решил сначала завоевать Армению. Он быстро захватил в плен армянского царя и овладел его сокровищами.

Однако Антоний не захотел расторгать брак с Октавией, страшась впечатления от этого поступка в Риме и Италии. Вместе с тем Антоний решил вознаградить Клеопатру и ее детей. На торжественной церемонии в Александрии он провозгласил Клеопатру царицей царей и отдал ей египетское царство, а ее детям Финикию, Сирию, Киликию, Армению, Мидию и Ливию (из них некоторые считались римскими провинциями). Не оставляя должности проконсула, Антоний приказал почитать себя как бога *Диониса-Осируса*¹ и начал постройку в Александрии храма в свою честь.

Эти действия Антония произвели на Рим и всю Италию неблагоприятное впечатление, возбуждив большое недовольство. Октавиан искусно воспользовался этим, возбуждая народ не так против Антония, как против Клеопатры. Агенты Октавиана говорили, что эта ужасная женщина хочет захватить Италию и царствовать над Римом; распространяли анекдоты о ее безумной расточительности. Словом, они старались представить предстоящую борьбу за власть между двумя претендентами как борьбу против Клеопатры.

Бывшие триумвиры больше не думали о возобновлении союза, готовясь к решительной схватке. Антоний прислал сенату письмо, в котором объявлял, что передаст власть в руки народа и сената, если Октавиан сделает то же самое.

Тогда Октавиан вскрыл завещание Антония, хранившееся у весталок, и прочитал его на заседании сената: в завещании Антоний просил (если он умрет в Италии) передать его труп Клео-

¹ *Осирус* — древнеегипетское божество умирающей и воскресающей природы. Греки отождествляли его с *Дионисом*.

патре для погребения в Александрии. Народ пришел в негодование, и Октавиан побудил сенат объявить войну Клеопатре. Он утверждал, что Антоний лишился рассудка, околдованный Клеопатрой. Простые граждане были в недоумении: оба соперника утверждали, что ведут войну за свободу и спасение республики. Кому же верить?

Между тем Антоний собрал свои морские силы и сухопутную армию в Эфесе. К нему приехала Клеопатра, и сюда же собрались бежавшие из Рима дружественные Антонию консулы и сенаторы, побуждавшие его удалить Клеопатру и примириться с Октавианом. Клеопатра же толкала его на решительный разрыв с Октавианом и развод с Октавией. Наконец, Антоний решился на развод с Октавией. Это и послужило началом войны.

С этого времени Антоний всецело подпал под влияние Клеопатры: египетская царица присутствовала на всех военных советах, обсуждала стратегические планы. Она убедила Антония отказаться от нападения на врага, используя флот и армию для обороны Египта. Советники Антония в последний раз сделали неудачную попытку склонить его к сражению с Октавианом, отведя для этого армию в Македонию. Но Антоний уже принял план царицы. Тогда знатные римляне, сторонники Антония, стали один за другим переходить на сторону Октавиана.

Сухопутные и морские силы противников были сосредоточены около Аксиума, у берегов *Акарнании*¹. Перед битвой Антоний приказал сжечь все египетские корабли, кроме шестидесяти (очевидно потому, что не хватало экипажа). На случай неудачи Клеопатра велела тайно ночью погрузить на эти суда царскую казну. Флот Антония был укреплен 20 тысячами пехотинцев и 2 тысячами стрелков.

Октавиан погрузил на корабли 8 легионов.

Вся армия и флот Антония состояли из 500 морских единиц, 100 тысяч пехотинцев и 12 тысяч кавалерии против 250 кораблей, 80 тысяч пехоты и 12 тысяч всадников у Октавиана.

Корабли Антония представляли собой плавучие крепости огромных размеров, неповоротливые и плохо управляемые. Напротив, флот Октавиана состоял из быстроходных, вертких судов с опытным экипажем.

Несколько дней на море было сильное волнение, а когда оно прекратилось, флот Октавиана направился против врага тремя эскадрами. Навстречу вышел флот Антония, разделенный на три отряда.

Быстрые корабли Октавиана нападали со всех сторон на суда неприятеля, стараясь поломать их весла. Корабли Антония осыпали их дождем стрел, факелов и камней, старались таранить

¹ *Акарнания* — область на западе Греции.

или зацепить абордажными крюками. Солдаты Антония, преданные своему вождю, храбро сражались. Бой кипел, и исход его был далеко не ясен.

Между тем поднялся довольно сильный ветер. Вдруг Клеопатра приказала своим оставшимся египетским шестидесяти кораблям поднять все паруса и уходить, прорываясь через линию сражающихся противников. Суда Клеопатры направились к *Пелопоннесу*¹. Антоний, заметив маневр царицы, тотчас же сел на быстроходный корабль и последовал за ней. Ему удалось настичь ее у мыса Тенара в Пелопоннесе.

Во флоте Антония только немногие заметили поспешное бегство главнокомандующего, и битва продолжалась. С заходом солнца бой прекратился, и Октавиан отошел со своими кораблями в открытое море. Флот его противника стал на якорь в гавани. На следующий день Октавиан объявил солдатам и матросам Антония о бегстве их главнокомандующего и предложил сдаться. Солдаты не верили, думая, что Антоний вернется. Им казалось невероятным, что их вождь, оставив флот и девятнадцать легионов, готовых продолжать бой, бежал вместе с Клеопатрой в Египет.

Семь дней солдаты оставались на месте, ожидая Антония. Наконец, преданные своим начальником, легионы и флот сдались Октавиану. Так Октавиан выиграл эту битву, которая сделала его властителем всего Римского государства.

Между тем Антоний и Клеопатра благополучно прибыли в Александрию. У Антония оставались еще 11 легионов, флот Клеопатры и огромная казна.

В Александрию в это время прибыл иудейский царь Ирод, посоветовавший Антонию уступить Клеопатру и объявить Египет римской провинцией. Таким способом Антоний опровергнет обвинения Октавиана в измене республике, и тот будет вынужден заключить с ними мир. Антоний, однако, не решился последовать этому совету и принялся за организацию обороны Египта.

Он начал строить корабли в Александрии и на Красном море. Клеопатра мучительно искала путь к спасению: она хотела волоком перетащить свои корабли из Средиземного моря в Аравийский залив через узкий перешеек и бежать в Индию.

Тем временем Октавиан начал поход на Египет. Его армия была разделена: часть высадилась на побережье в *Кирене* (к западу от Египта), а другая двинулась через Сирию. Четыре киренских легиона Антония, потеряв веру в своего главнокомандующего, перешли на сторону врага. Правитель Сирии также изменил ему. По его приказанию арабы сожгли корабли Клеопатры на Красном море, приготовленные для отъезда в Индию.

¹ *Пелопоннес* — южная часть Греции.

Узнав о сдаче киренских легионов, Антоний сначала хотел покончить жизнь самоубийством, но потом попытался вернуть своих солдат. Это ему не удалось. Затем Антоний и Клеопатра отправили к Октавиану послов с предложением о мире. Октавиан ответил Клеопатре, что готов отдать ей в управление Египет, если она погубит Антония.

Армия и флот по тайному приказу Клеопатры, которая надеялась ценой предательства спасти Египет, отказались повиноваться Антонию. Царица же собрала все свои сокровища в гробницу и заперлась в ней. Антоний, видя, что он обречен, смертельно ранил себя.

Умиравшего Антония принесли в гробницу к Клеопатре, где он и скончался у нее на руках. Через некоторое время Клеопатра, убедившись, что смерть Антония не смягчила победителей и ее жизни все равно угрожает опасность, покончила с собой.

Царицу нашли мертвой, одетой в пышные царские одеяния. Говорят, что она дала укусить себя ядовитым змеям, которых принесли ей в корзине с фруктами.

Так закончили свою жизнь Антоний и Клеопатра.

СОДЕРЖАНИЕ

Ромул	3
Нума Помпилий	14
Гай Марций (Корнолан)	25
Марк Фурий Камилл	39
Фабий Максим	55
Катон Старший	65
Эмилий Павел	74
Тиберий Гракх	85
Гай Гракх	94
Марий	104
Сулла	118
Квинт Серторий	132
Марк Красс	141
Помпей	162
Гай Юлий Цезарь	183
Цицерон	212
Марк Брут	225
Антоний	233

ЗНАМЕНИТЫЕ РИМЛЯНЕ

Редактор *А. М. Гузов*

Редактор карт *К. А. Коровина*

Оформление художника *И. В. Царевича*

Художественный редактор *М. Л. Фрам*

Технический редактор *М. Д. Козловская*

Корректор *Т. И. Крысанова*

ОСР - Давид Титневский, сентябрь 2017 г., Хайфа
Сдано в набор 29/V 1963 г. Подписано к печати 9/XII 1963 г.
60×90^{1/16}. Печ. л. 15,5. Уч.-изд. л. 15,65. Тираж 43 тыс. экз.
А 06961

Учпедгиз. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41

* * *

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова

Главполиграфпрома

Государственного комитета

Совета Министров СССР

по печати

Москва, Ж-54, Валовая, 28.

Заказ № 600.

Цена без переплета 39 к., переплет 8 к.

47 коп